

Дион Форчун. Демонический любовник.
Перевод с английского — Майя Эберт.

Глава 1.

На задворках одного из огромных, старомодных домов в Блумсбери-сквер располагалось одноэтажное строение, изначально проектировавшееся архитектором под бильярдную комнату. С главным зданием его связывал короткий коридор, а над его стенами, лишенными окон, возвышалась куполообразная стеклянная крыша. Однако прежние хозяева помещения, по-видимому, занимались чем-то, что не требовало хорошего верхнего освещения, ибо через весь пролет купола был построен потолок, и за исключением равномерного жужжания вентилятора за жалюзийной решеткой, никакие звуки не проникали сюда извне, ведь отсутствие окон и двойная крыша делали здание свето- и звуконепроходимым. Это вполне устраивало нынешних владельцев, чья работа требовала абсолютной защищенности от любых внезапных звуков или перепадов освещения, и которые не хотели привлекать внимания соседей к своей деятельности.

Хотя ночь была душной, компания мужчин, сидевших за столом, казалось, не испытывала никаких неудобств. Их лица сильно различались по типуажу; председатель встречи имел вид преуспевающего бизнесмена; справа от него сидел безошибочно узнаваемый юрист; слева от него сидел добродушный пожилой джентльмен с длинной белой бородой; напротив сидел журналист. Однако в самом дальнем конце стола сидел человек, чей род деятельности невозможно было однозначно определить; он мог быть дипломатом; он мог быть детективом, или даже псевдоаристократическим путешественником, болтавшимся на задворках приличного общества. Он был самым молодым человеком среди собравшихся, а протокольная книга, лежавшая перед ним, выдавала в нем секретаря встречи.

Хотя собравшиеся были настолько не похожи друг на друга, определенные черты, которыми они обладали, выдавали в них людей, которых связывало друг с другом некое общее дело. Каждый из них обладал способностью сидеть совершенно неподвижно, шелевясь разве что случайно, что умели делать далеко не все; каждый излучал особое ощущение самообладания и власти; и у каждого, за исключением секретаря, были ничего не выражающие глаза; и даже его глаза не выражали никаких эмоций, как это обычно бывает, когда изменяется положение мышц вокруг глазницы, но сам их зрачок расширялся и сужался под воздействием его чувств, что производило незабываемое впечатление на наблюдателя. Эти глаза цвета темного лесного ореха с зелеными отблесками в них, вместе с желтизной его кожи, производили неприятное впечатление, которое, в каком-то смысле, усиливало совершенную правильность черт его лица. Это было лицо человека невероятно интересного, необычайно чарующего и крайне беспринципного.

Спокойная встреча, проходившая под видом бизнес-сделки, казалась не совсем обычной благодаря тому факту, что седьмой ее участник спал на кушетке, и никто, кроме секретаря, бросавшего в его сторону быстрые и косые взгляды в перерывах между записями и который, казалось, готов был вскочить и подхватить его, попытаться он скатиться на пол, не обращал на него ни малейшего внимания.

Деловые вопросы обсуждались спокойным тоном, почти шепотом; счета на крупные суммы предъявлялись и передавались без дополнительных пояснений, когда специфический звук вдруг нарушил тишину комнаты; человек на кушетке издал протяжный шипящий свист. Ни один из присутствовавших не обратил никакого внимания на столь странное проявление, за исключением секретаря, который поставил крестик в верхней части своего блокнота для записей. Прошло еще немного времени, в течение которого собравшиеся тихо переговаривались между собой, и затем второй длинный свист раздался со стороны спящего,

и секретарь поставил второй крестик в своем блокноте. Почти без перерыва свист раздался в третий и четвертый раз, и в верхней части блокнота секретаря появились еще два крестика. После четвертого раза он осмотрелся, как будто бы ожидая приказа. Впервые остальные члены совета посмотрели на спящего человека.

- Если он достаточно глубоко погрузился в транс, - сказал председатель, - Мы отложим счета в сторону и перейдем к проблеме Хаусмана.

- Он на четвертом гипноидальном уровне, - ответил секретарь.

- Этого достаточно, - последовал ответ, и совет осторожно пересел так, чтобы до сих пор игнорировавшийся седьмой участник оказался в центре внимания.

Секретарь протянул тонкую смуглую руку и повернул абажур лампы так, чтобы лицо спящего оказалось в еще более глубокой тени, затем встал со стула и сел на кушетку рядом с лежавшим человеком, который при этом даже не пошевелился; наклонившись вперед, он в своеобразном ритме постучал по определенному месту на голове пребывающего без сознания мужчины. Тот час же, не пошевелив ни единым мускулом на своем лице, спящий издал самый необычный звук, который когда-либо могло издать человеческое горло — его можно было сравнить только с тем странным шумом, который издает неисправный передатчик — и затем секретарь, используя пребывавшего без сознания человека в качестве средства связи, начал диктовать номер в спокойной и будничной манере, как если бы говорил по обычному телефону.

- Пятьдесят на север, четырнадцать на восток, - повторил он несколько раз, как будто бы пытаясь добиться какой-то незаметной перемены. После нескольких повторений спящий ответил ему на немецком, интересуясь у своего дознавателя, кто ему звонит.

- Тридцать, ноль, - ответил секретарь, - Это Пражская Ложа?

- Да, - ответил спящий на английском, но с сильным зарубежным акцентом.

- Нам нужны подробности о брате Германе Хаусмане, американце немецкого происхождения, которого последний раз видели в Праге и который подозревается в попытке договориться с Ватиканом о продаже информации, касающейся политики Братства в отношении ситуации во Франции.

- Он уехал отсюда в Швейцарию в начале мая. Попробуйте узнать в Ложе Женевы, - ответил спящий.

Секретарь снова повторил свои постукивания, и вновь раздался своеобразный звук, казавшийся чем-то средним между уханьем совы и телефонным звонком.

- Сорок шесть на север, шесть на восток, - сказал секретарь, и в этот раз спящий ответил ему на французском, вновь интересуясь, кто ему звонит.

- Тридцать, ноль, - снова ответил секретарь и опять поинтересовался у спящего новостями о Германе Хаусмане, и узнал, что тот в конце мая покинул Женеву и отправился в Неаполь, а оттуда в Нью-Йорк.

И снова секретарь повторил свои постукивания, и извлек из спящего все тот же странный звук.

- Сорок на север, семьдесят четыре на запад, - повторил он несколько раз, и, наконец, ему ответил голос с сильным американским акцентом. Он снова потребовал новостей о Германе Хаусмане и на этот раз он их получил.

- Он приехал сюда в начале июня и вступил в контакт с боссами Таммани. Мы отправили ему повестку с приказом явиться в Ложу, а он впал в панику и выдвинулся в западном направлении. Тогда было решено вынести ему смертный приговор, призвав Темный Луч Разрушения.

Мужчины за столом беспокойно заерзали и переглянулись.

- С каким результатом? - осведомился дознаватель.

- Он остановился в Буффало, доехал до Ниагары и оказался по другую сторону подвесного моста.

- В Канаде?

- Нет, в реке, - ответил спящий, бесстрастное лицо которого странным образом контрастировало с вызывающим тоном его голоса.

Мужчины, сидевшие в тускло освещенной комнате, переглянулись. Журналист пожал плечами; юрист начал возиться с бумагой и ручками, а зрачки в глазах секретаря расширились и снова сузились, как у кошки. Молчание нарушил старик, сидевший слева от председателя.

- Мне это не нравится, - сказал он. - Мне это совсем не нравится. Я не могу одобрить таких методов. Ради всего святого, давайте полагаться в подобных вопросах на решения разумов куда более высших, чем мы, а не вершить правосудие своими собственными руками.

- Дух, появившийся в Братстве, - ответил председатель глубоким, раскатистым голосом, - Может привести лишь к катастрофе, - и он посмотрел на секретаря так, как если бы тот был ответственным за эту американскую смерть. Зрачки странных глаз секретаря исчезли совсем, а радужки заполнились зелеными отблесками, напоминавшими отсветы огня в черном опале, но журналист внезапно выступил в его защиту.

- Сейчас не время для полумер, - сказал он. - Убедитесь, что ваша политика верна, а затем пойдите и добросовестно выполните свою работу. Посмотрите, как изменилось наше положение с тех пор, как новый дух вошел в Братство, ведь из простых антикваров мы превратились в силу, с которой приходится считаться в международной политике.

Один за другим они заговорили с чувством собственного достоинства, но секретарь сохранял молчание; казалось, что именно его, хотя к нему никогда и не обращались напрямую, все остальные считали ответственным за этот новый дух. Наконец, каждый высказал все, что хотел, и за круглым столом воцарилась тишина. Секретарь поднял свои странные глаза и посмотрел на председателя.

- Мне привести его в чувства? - осведомился он.

Председатель угрюмо кивнул. Смуглая рука секретаря быстро проделала несколько своеобразных захватывающих движений над лицом спящего, поэтому тот слегка пошевелился и уютнее устроился на кушетке. Однако было очевидно, что его смертельная

неподвижность сменилась нормальным сном. Через минуту или две он вновь зашевелился, проснулся, сел и ошеломленно посмотрел на лампу. Секретарь налил чашку дымящегося кофе из вакуумного термоса и протянул ему, ибо приближалась ночь и человек дрожал от холода. Горячее питье быстро вернуло его в нормальное состояние сознания и он поинтересовался, удалось ли им узнать какие-либо новости о Германе Хаусмане, и ему повторили все то, о чем он говорил. После известия о самоубийстве он присвистнул и пристально посмотрел на секретаря.

Вскоре встреча закончилась, присутствующие стали расходиться по двое и по трое; у двери каждый из этих трезвомыслящих людей, умудренных жизненным опытом, сделал странную вещь, развернувшись и поклонившись так, как если бы выходил из церкви, ибо в полумраке в конце комнаты можно было различить смутные очертания алтаря, на котором горел красный огонек.

В числе последних уходящих был старик с длинной белой бородой. Остановившись возле секретаря, он протянул его старую жилистую руку. После почти незаметного колебания, секретарь пожал ее своими тонкими смуглыми пальцами.

- Лукас, - сказал старик, - Никто не ценит того, что ты делаешь для Братства, выше, чем я, и я молю Бога, чтобы тебе никогда не захотелось получить того, чем ты не должен обладать.

Глава 2.

Оставшись в одиночестве, Лукас выключил электрический вентилятор и в комнате воцарилась почти осязаемая тишина. На миг он замер, все еще держа руку на выключателе, как если бы не знал, что собирался делать дальше, а потом подошел к столу и остановился, уставившись на разбросанные бумаги, не делая при этом попыток их собрать; он явно был глубоко погружен в свои мысли, воспроизводя в памяти события прошедшего вечера и пытаясь понять их значение. Было вполне очевидно, что он был не на лучшем счету; даже если его сторонники и защищали его, его противниками были самые влиятельные члены Братства и вечерние события помогли вывести на поверхность давно назревавшее недовольство. Действия Лукаса не одобрялись, он это прекрасно понимал; а если его действия не одобрялись, то ему следовало быть готовым исправиться или возникли бы серьезные проблемы, ибо одно дело вступить в оккультное общество, и совсем другое - выйти из него.

Он хорошо знал своих руководителей, людей высочайших идеалов, обладавших также и непоколебимым чувством справедливости, и понимал, что за неповиновение не стоит ждать прощения. Сперва придет приказ явиться в Ложу и объясниться; если это их не удовлетворит, ему прикажут вернуть в архивы все знаки отличия, символы и манускрипты, и он будет торжественно предупрежден по формуле тысячелетней давности, что в будущем он может пользоваться оккультными силами исключительно на свой страх и риск; и затем ему будет велено уйти и никогда больше не общаться со своими собратьями.

Стоило ему, однако, начать упорствовать в своих злых намерениях, и особенно использовать в своих извращенных целях те силы, которые он обрел, и тогда бы нечто, находившееся на другом плане существования, расправилось с ним. Ни один человек не поднял бы и пальца против него, никто бы не воззвал к закону, не упомянул бы имени его со злым умыслом, но все равно бы с ним что-нибудь случилось, и после этого он уже не успел бы совершить ни добра, ни зла за то короткое время, которое бы ему осталось просуществовать.

Лукасу все это было прекрасно известно и он, засунув руки в глубокие карманы брюк, медленно ходил по комнате, высчитывая свои шансы на спасение, реши он выбрать курс на

неповиновение.

Шесть лет назад, обладая возможностью построить перспективную журналистскую карьеру, он внезапно покинул Флит Стрит*, и к удивлению и неодобрению своих коллег занял пост секретаря в обществе, занимавшимся сравнительным изучением фольклора. Они так и не смогли понять, почему он так поступил, а Лукас не просветил их на этот счет; но правда заключалась в том, что он управлял мирским пристанищем, которое должно быть даже у самых тайных из оккультных обществ, а именно такому обществу он и посвятил свою жизнь. Как было справедливо замечено этим вечером, он поднял Братство на совсем иную позицию, нежели та, которую оно занимало, когда он взял управление их делами в свои руки. Он увидел, что они занимались изучением ради изучения, и показал им практическое применение их знаний. До сих пор они довольствовались тем, что работали с личностью, ее развитием и возрождением. Лукас же показал им, что эти методы могут быть с тем же успехом применены и к интернациональным делам, и он добился таких значительных успехов в определенных государственных переворотах, что подавляющее большинство членов его Братства стало воспринимать его как будущего лидера. Лишь меньшинство неодобрительно относилось к его поступкам, но, как он понял сегодня вечером, к этому меньшинству принадлежали старшие члены Братства, а ведь именно от них зависела его судьба. Поддержка большинства оказалась бы бесполезной, если бы те, кто владел ключами силы, закрыли перед ним двери, и теперь Лукасу стало ясно, что эти двери уже закрылись и даже уже оставались закрытыми на протяжении некоторого времени.

Он знал, что никакая усердная работа, никакая преданность не поможет человеку продвинуться в Братстве, если в сердце этого человека есть зло. Никакие красивые слова тоже ничего не могли изменить; хорошо обученные ясновидящие, которые отвечали за эти вопросы, судили о человеке не по его словам или поступкам, а по цвету его ауры, и эти сигнальные эманации всегда показывали правду. Никакое показное посещение церкви по воскресеньям и ношение крестиков на часовых цепочках не сможет скрыть тусклого красного свечения, которое оставляют развлечения субботних ночей, или подделать яркое и чистое голубое сияние, которое должно было проявиться прежде, чем человека сочтут пригодным к получению высших степеней.

Лукас знал, что хотя его аура была темно-зеленой, этот цвет не был правильным, и он никак не мог исправить этого, кроме как изменив свою собственную природу, избавившись от чрезмерных амбиций и жажды власти, которые разъедали его и вызывали сочувствие у его товарищей, и Лукас также знал, что ни от одной из этих вещей он не хотел бы избавляться; он презирал своих товарищей настолько сильно, что не чувствовал к ним ничего, кроме высокомерной жалости; а что же до отказа от плодов власти, то было ли в жизни что-то еще, чего стоило бы желать и к чему стоило стремиться? Он вполне готов был проявлять доброту ко всем и каждому, или, в сущности, демонстрировать любое другое поведение, которое могло быть потребовано от него в качестве подтверждения его готовности, но для чего тогда было так старательно добиваться обладания силой, чтобы потом воздерживаться от ее применения, даже будучи загнанным в угол, оставалось за пределами его понимания. Он был готов заплатить любую цену, которую потребовали бы с него за обучение, он работал ради этого также, как Иаков работал ради Рахиль, но на протяжении вот уже двух лет он никуда не продвигался, в то время как люди, вполнину менее способные, чем он, опережали его в получении высших градусов. Его обучение теории завершилось, но он понял, что его руководители не были намерены доверять ему ее практическое применение. Ему доверили тайные знания о скрытых силах человека и природы, но он не знал Имен Силы, с помощью которых ими можно было воспользоваться, а без этого все его знания были бесполезными — у него был замок, но не было ключа.

Так он ходил взад и вперед, размышляя о своей проблеме. Руководители открыто заявляли о своей неудовлетворенности; за этим мог последовать полный пересмотр политики Братства, и одновременно с этим весьма радикальное подрезание его собственных крыльев; его даже могли уволить с поста секретаря. Эту ситуацию он постарался предусмотреть. По соседству жил старый генерал, страдавший от нескончаемых приступов бронхита, один из которых мог оказаться смертельным; Лукас благоразумно поддерживал это знакомство, и главной пользой, которую он извлек из своего посвящения в степень ученика, было использование сил, которые оно дало ему, для того, чтобы заставить старика составить завещание в его пользу, так что Лукас надеялся в скором времени пополнить ряды помещиков и частных собственников, а в этом случае, думал он, ему было бы легче приблизиться к моральным стандартам Братства и получить желанные высшие степени. Единственной опасностью для него было то, что завещание могло быть оспорено, и тогда известия об этой сделке дошли бы до его руководителей, и то, что они могли бы сказать об этом, могло оказаться весьма неприятным, ибо он очень хорошо знал о страхе белых оккультистов перед черной магией и радикальными методами ее применения, поэтому он предполагал, что они и в самом деле сочтут эту сделку невероятно черной, хотя у него и не было намерения причинять кому-либо вред ради этих денег, которые могли бы, думал он, принести куда больше пользы, окажись они у него в руках, нежели если были бы распределены между троюродными племянниками и племянницами генерала в третьем и четвертом поколении.

В то же время у Лукаса был очень обоснованный страх перед той темной силой, которая почти всегда так или иначе настигала тех, кто сворачивал с пути правой руки. Некоторые, конечно, хотя и совсем немногие, имели к ней иммунитет; но это были люди, поднявшиеся довольно высоко перед тем, как свернуть влево, так что они стояли выше тех, кому приходилось иметь с ними дело, и часто, по сути, отвечали на оккультные нападения теми же способами; но эти избранные личности встречались редко; мало кто мог долго продержаться живых, когда против него выступало братство.

Поэтому Лукас просчитывал свои перспективы и они не казались ему слишком многообещающими, если только он не сможет разузнать эти Слова Силы, которые, по крайней мере, позволили бы ему сражаться на равных. Этим вечером ему стало абсолютно ясно, что Братство не откроет их ему; как, во имя неба, земли и воды, могли быть раскрыты эти тщательно оберегаемые секреты? Шаги Лукаса удлинялись и ускорялись по мере того, как возрастала его растерянность. Глядя перед собой ничего не видящими глазами, он бродил, словно маятник, туда и обратно по комнате.

Внезапно его метания прекратились. В своем слепом марше он ходил из стороны в сторону до тех пор, пока не наткнулся на низкую кушетку, на которой прежде лежал человек, использовавшийся в качестве трубки оккультного телефона. Он стоял и смотрел на нее, как если бы спящий все еще лежал на ней, и думал, что эти зачарованные губы вполне могли бы помочь и в решении его проблемы. Ответ был найден. Внезапно вздрогнув, Лукас осознал, что любой, кто мог войти в достаточно глубокий транс, мог «вслушаться» в слова оккультных церемоний и узнать Слова Силы — если бы только он решился пойти на риск! У Лукаса были стальные нервы, какие и положено было иметь оккультисту, и его самого этот риск несколько не пугал.

Он все еще стоял, разглядывая кушетку и пытаясь почерпнуть еще больше вдохновения из источника, который уже продемонстрировал свою пользу. Что, если он сможет «подступиться» к Спенсеру и заставить его присоединиться к нему в его вылазке за секретами Братства? Но он отбросил эту мысль; все братья подбирались самым тщательным образом и их трудно было подкупить обещаниями или угрозами; кроме того, Спенсер не захотел бы рисковать больше, чем он сам, однако сама по себе идея была прекрасной. А что,

если он, допустим, нашел бы трансмедиума, который, не обладая достаточными знаниями, не испугался бы этой задачи, и смог бы получить собственный оккультный телефон, чтобы безнаказанно «послушивать» с его помощью? Тогда силы «обрушились» бы на этого медиума, но им было бы сложно вычислить человека, который им управлял.

Лукас в задумчивости собрал бумаги, потушил свет и отправился в кровать.

*Флит-Стрит — одна из улиц Лондона, считающаяся колыбелью британской прессы, потому как на ней расположены офисы всех основных газет.

Глава 3.

Когда заканчивалась школа и начинались летние каникулы, ученики обычно отправлялись куда-нибудь за город или на побережье. Однако так везло далеко не всем, и ученица, только что вышедшая из темных дверей бизнес-колледжа на залитую ослепительным солнечным светом улицу, закончив свои секретарские курсы, теперь занималась срочным поиском новой работы. Только очень жесткое самоотречение позволило ей закончить учебу; третий триместр был для нее одним из полуголодных, и это, вдобавок к нагрузке выпускных экзаменов, стало причиной ее ненормального состояния, в котором ей казалось, что она не идет, а плывет, и видит вокруг себя серых призраков вместо мужчин и женщин.

В руках она сжимала конверт с отчетом о своих достижениях и рекомендациями и адресом ближайшего сквера, и сердце ее наполнялось гнетущей тревогой при мысли о том, что она будет делать, если не сможет получить перспективную должность. Три других девушки, тоже с конвертами в руках, присоединились к ней на залитой солнцем мостовой и поинтересовались у нее о ее направлении, которое оказалось точно таким же, как и у них, и сердце ее еще сильнее сжалось от мысли, что на желанную должность будет конкурс, а в голове всплыло отражение ее собственного лица, которое она увидела в оконном стекле раздевалки, когда надевала шляпу — бледное и изможденное, с глубокими морщинами под глазами и темными кругами вокруг них, и она подумала, что если бы она сама искала секретаря, то ее выбор определенно не пал бы на Веронику Мэйнеринг.

Другие буднично болтали по пути к скверу и их не слишком заботило, получат ли они эту должность, ведь они присматривались к ней лишь на тот случай, если она окажется настолько хорошей, что компенсирует им потерянные месяцы летних каникул, и они ясно дали Веронике понять, что было бы большой удачей получить работу в это время года. Она же, со своей стороны, решила соглашаться на любую работу, на которую ее примут, лишь бы не остаться без ничего в пустоте Лондонского лета.

Бесстрастный дворецкий впустил их в дом через большие двойные двери и провел в комнату, которая, очевидно, скорее служила приемной, нежели жилым помещением. Веронике в ее ненормальном, почти сонном состоянии показалось, что с ее подсознанием заговорил дух этого места; дворецкий показался ей не просто дворецким, но послушником какого-нибудь братства; она гадала, скрывался ли на цепочке, видневшейся под его безупречной рубашкой, нательный крест, или же на ней висел символ какого-нибудь странного языческого культа. Она была уверена, что в его черепе, под тщательно напояженными прядями волос, уложенными на равном расстоянии друг от друга вокруг его лысой макушки, хранился огромный запас знаний, которым не обладал ни один обычный дворецкий. Атмосфера в комнате, не смотря на переполнявшие ее странные и почти электрические вибрации, была необычайно спокойной, оказывая прекрасное воздействие на взвинченные нервы девушки. Хоть ее и переполняло желание задержаться в этом спокойном месте, теперь она куда меньше беспокоилась о том, достанется ли ей желанная должность, ибо половина секретарских

агентств Лондона, казалось, отправила сюда своих кандидатов всех форм, размеров и видов, от кисейных барышень в огромных шляпах до суровой женщины лет пятидесяти в курсантском пиджаке, и чем больше Вероника смотрела на них, тем меньше беспокоилась о своих перспективах.

Внезапно отворилась дверь и возникший на пороге мужчина осмотрел собравшихся. Он был среднего роста, худым и ходил быстрым пружинистым шагом, чем напоминал Веронике оленя, который мог в мгновение ока унести прочь на полной скорости. Неспешно и совершенно бесстрастно он изучал собравшихся здесь женщин одну за другой. Наконец, настала очередь Вероники. Взгляд мужчины, когда он смотрел на нее, был таким же, как обычно, наблюдательным и холодным, но затем, совершенно неожиданно, выражение его глаз сменилось свирепой напряженностью, и начало казаться, что он смотрит не на нее, а куда-то сквозь нее. Секундой позже его глаза вновь приняли нормальное выражение и впервые с тех пор, как он вошел в комнату, он заговорил:

- Будьте любезны, пройдите в мой офис, - сказал он. - Я бы хотел поговорить с вами.

Вероника прошла за ним в комнату, которая находилась прямо за предыдущей. Это была просторная, приятного вида комната, обставленная скорее не как офис, но как гостиная, со множеством книжных шкафов по периметру. В воздухе висел слабый, сладковатый запах, как будто бы здесь часто жгли благовония. Дверь в комнату с сейфом и письменный стол у окна были единственными указаниями на то, что комната использовалась для деловых целей.

Мужчина сел у стола и указал ей на кресло напротив.

- Меня зовут Лукас, - сказал он, - А вас?

Она ответила и со скрещенными пальцами протянула ему свой сертификат, который он взял, но даже не потрудился вытащить из конверта.

- Сколько вам лет? - прозвучал следующий вопрос.

- Двадцать три, - ответила Вероника.

- Чем вы занимались до этого обучения?

Она рассказала ему, как заботилась о своей овдовевшей матери, пока смерть последней не положила конец ее мизерной пенсии, на которую они обе существовали, и как скудные сбережения заставили ее затем отправиться в большой мир.

- У вас хорошее здоровье? - поинтересовался он. - В обычное время, то есть, когда вы не перегружены работой? Есть ли у вас какие-нибудь серьезные заболевания?

Она смогла дать удовлетворительный ответ на оба этих вопроса.

- Думаю, вы подойдете, - сказал мужчина. - На какое жалование вы рассчитываете?

Вероника почти не надеялась на получение этой должности, поэтому совершенно не думала о жаловании, и непроизвольно назвала сумму, которую одна из ее спутниц упоминала как

необходимую ей для обеспечения собственных нужд, и сердце ее замерло, так как она потребовала слишком много и ей легко могли отказать, но мужчина на вращающемся стуле, казалось, совершенно не расстроился и кивнул.

- Посмотрим, что из этого выйдет, - сказал он, - Когда вы сможете приступить?

Вероника ответила, что она была свободна и могла приступить незамедлительно.

- Это мне подходит, - сказал он. - Если мы все равно собираемся начать, почему бы не начать прямо сейчас. В вашем полном распоряжении будет пара комнат наверху; сам я живу в этом же доме, но это не должно вас беспокоить, вы не будете встречаться со мной в нерабочее время. Многие другие мужчины приходят сюда и тут же уходят. Я не знаю, сочтете ли вы жену дворецкого достойной компанией для себя, но это лучшее, что я могу вам предложить. Возьмите такси и привезите сюда все необходимые вам вещи.

Вероника согласилась. Это предложение превосходило все ее ожидания. Она не задавала вопросов и их у нее даже не возникло, ведь она буквально бросилась в эту спасительную гавань с благодарностью всем богам, какие только существовали. Лукас выпустил ее через парадную дверь и с легкой улыбкой, игравшей на его губах, некоторое время наблюдал за тем, как она удалялась по дороге. Он, очевидно, был весьма доволен этой сделкой.

Вероника вернулась в общежитие, которое было ее домом на протяжении тех нескольких месяцев, что она проходила обучение. В ее шкафчике не было почти ничего, что можно было бы упаковать, и, собрав все свои жалкие пожитки, она пошла в офис, чтобы оплатить свои счета.

- Куда мы можем отправлять вам письма? - поинтересовалась управляющая.

Вероника назвала адрес.

- Так, значит, вы получили эту должность. Чем вы будете заниматься?

До того, как прозвучал этот вопрос, Вероника даже не подумала о том, что узнала о работе, которую ей предстояло выполнять, ничуть не больше, чем Лукас о ее навыках и рекомендациях. Она неохотно признала свое невежество.

- Но Мисс Мэйнеринг, вы же не хотите сказать, что вы согласились на должность, да еще и с проживанием, даже не поинтересовавшись, на кого вы будете работать? Вы, наверное, даже не знаете, мужчина это или женщина?

- Это мужчина, - ответила Вероника, - И его зовут Лукас, - и она поняла, что больше она ничего не знает. Она не знала даже того, сколько будет длиться ее рабочий день и какими будут ее рабочие обязанности, какие требования к ней предъявлялись или какие требовались навыки, и она внезапно вспомнила, что при этом он собирался платить ей за ее работу с проживанием на его территории такую сумму, которую она назвала в расчете на то, что ей придется содержать себя самостоятельно. Безусловно, выплату такого жалования должны были обуславливать исключительные требования.

- Мне это совершенно не нравится, - сказала управляющая, - Но в любом случае, раз вы будете неподалеку, вам придется прийти и дать нам знать, как обстоят ваши дела.

Вероника попрощалась и перевезла свои пожитки до дома в сквере на такси. Безучастный дворецкий снова впустил ее внутрь и у Вероники снова возникло ощущение, что она оказалась в церкви. Ее охватило странное, неопишное чувство уединения и спокойствия. С нижних этажей появилась приятного вида женщина и проводила ее до предназначавшихся ей комнат на верхнем этаже. Окна комнат выходили прямо на огромный платан, росший во дворе соседнего дома, ибо весь задний двор того дома, где она находилась сейчас, был занят огромной одноэтажной пристройкой.

Комнаты были смежными, уютными и старомодно обставленными, с глубокими подоконниками у широких окон, как и во всем остальном Блумсбери, ибо жившие в этом районе во времена его расцвета богатые торговцы знали толк в настоящем комфорте. Сквозь большое створчатое окно проникало много света, а тяжелые деревянные ставни, откиннутые к стенам, были равно способны ограничивать доступ в комнату как свету, так и воздуху. Огромный камин напоминал о старых добрых изобильных днях, а выглядывавшая из дверей соседней комнаты высокая кровать с периной и занавешенным пологом заставляла поверить в то, что традиции не были забыты и нынешним владельцам дома тоже было известно о том, что такое настоящий комфорт, пусть и не было известно ничего о гигиене.

Ее размышления были прерваны голосом дворецкого.

- Мы подадим вам ужин в семь часов, Мисс. Каждый раз мы будем подавать вам еду прямо сюда.

- Я нужна буду Мистеру Лукасу этим вечером? - спросила она.

- Я не знаю, Мисс, в настоящее время он отсутствует, - и она была предоставлена самой себе с указанием звонить, если ей вдруг что-то потребуется.

Закончив распаковывать вещи, она села на широкое, покрытое репсом сидение у окна и принялась наблюдать за птицами на дереве. У нее возникло странное чувство, что она попала в плен и что ее свобода была видимостью, как у львов на террасе Маппина*, которые хоть и жили на свободе, но все же были окружены со всех сторон невидимыми преградами. Ей хотелось, чтобы управляющая промолчала и воздержалась от внушения ей этих мучительных сомнений. Почему бы людям не научиться оставлять друг друга в покое? Да, она не знала о том, чем ей предстояло заниматься у Лукаса, но почему здесь обязательно что-то должно было быть не так?

Жена дворецкого принесла поднос с едой и Вероника решила восполнить пробелы в своих познаниях, расспросив ее обо всем.

- Вы долго живете здесь, Миссис Эшлотт?

- Боже... Да, Мисс. Я переехала сюда, когда вышла замуж. Эшлотт же жил здесь с самого детства, все свои сорок лет.

- А долго ли живет здесь мистер Лукас?

- Нет, Мисс. Только пять или шесть лет. Он новенький.

- А еще кто-нибудь живет в этом доме, кроме Мистера Лукаса?

- Нет, Мисс. Только вы, я и Эшлотт проживаем здесь постоянно, но порой сюда приходят и уходят самые разные джентльмены, и порой мы оставляем их переночевать. Я всегда держу кровати готовыми на этот случай.

- А кто такой этот Мистер Лукас? - спросила Вероника, осмелев.

- Секретарь, Мисс.

- О! - воскликнула Вероника. - А эти джентльмены? Они кто такие?

- А, - ответила Миссис Эшлотт. - Ну вы и спросили. Кто знает, тот не скажет.

С этими загадочными словами она удалилась.

Было уже много позже десяти и Вероника подумывала лечь спать, когда раздался стук в дверь, и в ответ на ее приглашение вошел Лукас.

- Не вставайте, - сказал он, когда она нервно вскочила на ноги и в ее памяти всплыли подозрения управляющей. - Я не задержу вас надолго. Я только хотел объяснить вам пару вещей касаясь вашей работы. Вы можете потребоваться мне срочно и неожиданно, и, в сущности, в любое время суток, так что я не хочу, чтобы вы выходили из дома в ближайшие несколько дней, но всегда были здесь, чтобы я мог позвать вас тогда, когда мне понадобятся ваши услуги. Потом, если я решу оставить вас, я позабочусь о том, чтобы у вас был более определенный график. Работа не сложная, большую часть времени вам будет нечего делать, но я хочу, чтобы вы всегда были под рукой, если будете мне нужны.

Сердце Вероники сжалось от его слов. Так ее работа все же не была безопасной? Неуверенность и новая порция переживаний, зародившихся в ней, заставили ее смиренно согласиться с просьбой Лукаса о том, чтобы она не покидала дом в течение нескольких дней. Он задержался еще на несколько минут, разговаривая с ней вежливо и тепло, желая, очевидно, успокоить ее и заставить ее ощутить себя устроенной и всем довольной. Более того, его слова сделали свое дело; Вероника, понимавшая, что ей нужно делать, могла бы начать обо всем расспрашивать и спорить с озвученными условиями, но Вероника, не уверенная ни в чем, отчаянно цеплялась за должность, страшась лишиться работы и увидеть черную метку напротив своего имени в школьном регистре. Любой ценой ей нужно было сохранить свою первую работу на срок, достаточный для того, чтобы получить хорошие рекомендации. Единственной фразой он добился ее покорности. На протяжении недели она будет выполнять все самые странные его команды, ничему не сопротивляясь. А неделя была как раз тем временем, которого Лукасу было достаточно для устройства своего оккультного телефона.

Глава 4.

Следующим утром Вероника ждала прихода своего работодателя ровно в девять; затем к десяти, но он так и не пришел; наконец, в одиннадцать часов он явился, невероятно бодрый, опрятный и пахнущий мылом, и они приступили к утренней работе. Вероника узнала, что ей было дано кошмарное задание переписать огромную кипу документов, каждый из которых был зашифрован; букву за буквой она переписала и сверила странную тарабарщину. Однако

когда она закончила с этим, то оказалось, что не было больше ничего, что она могла бы сделать; сам Лукас неумолимо работал, но, по-видимому, не нашел никаких других дел, выполнение которых он мог бы ей доверить. Она сидела за своим столом, сложив руки и наблюдая за его согнутой спиной; время все шло и шло, и он все также работал, а она все также ждала. В час дня он объявил перерыв на обед, велев ей вернуться к двум. Но когда она вернулась и поинтересовалась, чем ей заниматься теперь, он очень озадачился, как если бы не ожидал подобного вопроса, и неопределенно обвел взглядом окружающую их мебель, как если бы спрашивая, не нуждалась ли та в его услугах. Не получив никакого ответа, он снова посмотрел на Веронику, пытаясь, как ей показалось, скрыть улыбку.

- В настоящий момент у меня нет никакой работы для вас, - сказал он, - Вы можете посмотреть вот это, если хотите, - и он указал на стопку утренних газет, лежавших на стуле.

До пяти часов Вероника читала о том, что консерваторы говорили о либералах, а либералы о консерваторах, и что думали о них социалисты, пока Лукас, который беспрерывно работал, не встал и не заявил, потянувшись, что он вынужден уйти.

- Я еще потребуюсь вам этим вечером? - поинтересовалась Вероника.

Он помотал головой.

- Я вернусь поздно.

- Тогда не будете ли вы возражать, если я просто пройду до общежития? Оно всего лишь в соседнем сквере. Управляющая просила меня прийти и увидеться с ней.

Вероника встретила с ним взглядом, пока говорила, и к своему удивлению заметила, что его зрачки полностью исчезли; два зеленовато-коричневых диска, нечеловеческих, злобных и ужасающих, смотрели на нее без всякой доли выражения. Ничего более зловещего, чем человеческое лицо, с которого внезапно стерлись все человеческие черты, было невозможно себе вообразить. Она замерла, будучи не в силах пошевелиться, и смотрела на этот кошмар до тех пор, пока голос Лукаса не разрушил чары.

- Я бы предпочел, чтобы пока вы никуда не уходили, о чем и просил вас ранее, - сказал он, - Телефон может зазвонить, - добавил он в качестве объяснения. Зрачки его глаз начали медленно возвращаться к нормальному виду. Он пристально посмотрел на нее, заметив ее оцепенение. - Что случилось? - поинтересовался он.

- Ничего, - ответила Вероника. Она не смогла бы внятно объяснить ему, что именно его ужасающее лицо стало причиной ее оцепенения. Он продолжал смотреть на нее, но не с оскорбительным выражением мужского любопытства, а совершенно отстраненно. Вероятно, увиденное его не удовлетворило, ибо он шагнул ей навстречу. Инстинктивно Вероника отступила назад. Лукас сделал еще один шаг к ней, и Вероника вновь отдалилась; теперь она оказалась у стола, отступать ей было больше некуда, и Лукас, вплотную подошедший к ней, посмотрел ей прямо в глаза; она была бессильна отвести взгляд и беспомощно смотрела на него, очарованная. Он не был высок и его лицо находилось на одном уровне с ее собственным, но от него исходила сила, которая невероятно завораживала ее, и сам он тоже все смотрел и смотрел на нее, не желая отводить взгляд; эти глаза излучали жизненную энергию, интенсивную и непреодолимо манящую. Вероника не могла отвернуться.

Она могла бы стоять вот так до тех пор, пока не превратится в камень, но мужчина избавил ее от этого. Что-то изменилось в его глазах, сила исчезла и она увидела перед собой лицо

обычного человека с кожей оливкового цвета, гладко выбритое, далеко не невзрачное. Ее страх перед ним рассеялся и его место заняла смесь восхищения и любопытства; что он намеревался делать дальше? Ей хотелось узнать. Она следила за каждым его передвижением по комнате. Она понимала, что он был осведомлен об этом пристальном внимании, что он жаждал его и совершенно не возражал. Она беспокоилась теперь лишь о том, что он уходит; все казалось ей плоским и безжизненным, когда его не было рядом. Он оглянулся, поймал ее взгляд и улыбнулся. Она даже не попыталась отвернуться.

- Ступайте к себе наверх, - сказал он, - Мистер Эшлотт принесет вам ужин. Все будет хорошо.

Она послушно подошла к двери, которую он открыл, и когда они вышли, дверь за их спиной захлопнулась, щелкнув скрытым замком. Она пошла наверх. Когда она обернулась, сделав несколько шагов, то увидела, что он все еще смотрел ей вслед и глаза его искрились какой-то тайной радостью. Она лениво подумала о том, что бы это могло значить, но разум ее казался в этот момент замершим и не способным к работе. Она дошла до своей комнаты и упала в кровать, провалившись в глубокий сон, от которого пробудилась лишь с приходом Мистера Эшлотта, принесшего поднос с ее ужином двумя часами позже.

Она не была голодна, но сделала вид, что ест, чтобы доставить удовольствие Мистеру Эшлотту. Затем, когда еду унесли, она села у окна и стала наблюдать за закатом. Вся ее тревога испарилась; она была спокойна, довольна и ни о чем не думала. Она смотрела на огромный красный шар, растерявший свою мощь в плотной Лондонской атмосфере, и лицо ее было столь же невыразительным, как и он. Солнце медленно садилось. Край его коснулся горизонта. Постепенно оно скрылось. С его исчезновением что-то изменилось. Комната внезапно показалась ей холодной, хотя на дворе была августовская ночь. Вероника выпрямилась, и, слегка вздрогнув, попыталась взять себя в руки. Что это было? Что произошло? Затем внезапно в ней вернулся страх перед глазами Лукаса. Она вскочила на ноги. Что это был за дом, в котором она находилась? Кем или чем были Эшлотты, Лукас, таинственные «джентльмены»? А она сама — неужели она была в плену? Неужели Лукас не собирался ее выпускать? И если да, то что он собирался с ней сделать? Какие у него были мотивы? Происходило ли все это наяву или это был просто кошмарный сон? Одно было совершенно ясно: она не останется больше ни на секунду в этом ужасном месте, она должна выбраться отсюда любой ценой. По сравнению с этим ничто не имело значения.

Она надела свою шляпу и взяла кошелек. Она не беспокоилась о своих вещах, за ними можно было отправить кого-то и позже. По коридору она шла на цыпочках и толстый темный ковер под ее ногами не издавал ни единого звука. Но в нише стояла кушетка и на этой кушетке сидел мужчина с книгой в руках. Это был Лукас.

- Так я и думал, - сказал он, не отрываясь.

Вероника пришла в отчаяние. С минуту она стояла, пытаясь собраться и застыв на полпути, и затем снова ринулась вперед. Лукас не должен был услышать ее, ведь тяжелый ковер поглощал любые звуки, а она прошла уже с дюжину шагов по коридору, прежде чем он заметил ее маневр. Она буквально кинулась вниз по лестнице, с трудом перебирая ногами, завернула за угол и, держась за перила, спустилась на следующий пролет. В этот момент она почувствовала, что ее схватили сзади и прижали ее локти к бокам. Она пронзительно закричала, но ее рот закрыли рукой. Она отчаянно сопротивлялась до тех пор, пока рука, которая держала ее, не изменила хват и не лишила ее возможности не только двигаться, но и дышать. И тогда они замерли в неподвижности.

Это был первый близкий контакт Вероники с мужчиной, не считая будничных рукопожатий, и первым ее впечатлением стало крайнее изумление, ведь он был намного сильнее, чем она ожидала. Он также был удивительно груб, когда прижал ее своей жилистой рукой в своей груди; и от него исходил запах крепкого трубочного табака и крема для бритья — запах весьма странный, незнакомый и не характерный для женщин. Веронику так захватили ее наблюдения, что она совершенно забыла о страхе до тех пор, пока Лукас не обхватил ее, наполовину бездыханную, за талию, и не отнес вниз, бесцеремонно бросив на подушки офисной софы.

Он отступил назад и, осмотрев ее, пригладил свои взъерошенные волосы и беззвучно засмеялся. Вероника расправила свои юбки и собрала в кучу осколки своего достоинства.

- Я хочу уйти, - сказала она.

- Правда? - ответил Лукас, заправляя концы своего галстука обратно в жилет. - Боюсь, что я не могу отпустить вас.

- Но почему?

- Так уж вышло, что вы мне полезны.

- Но вы можете нанять другого секретаря.

- Мне не нужен секретарь.

- Тогда... Тогда зачем вы наняли меня?

- Вы не поймете, если я расскажу вам, мое милое дитя, так что нет смысла тратить время на объяснения.

Он одернул свой жилет, расправил манжеты и одернул воротник пиджака; затем, когда он закончил с этим, все его внимание вновь устремилось на Веронику. В течение нескольких секунд они обменивались взглядами, затем Лукас вытянул тонкий смуглый указательный палец и коснулся им мягкого круглого девичьего горла.

- На вашу шею кое-что надето, - сказал он.

Рука Вероники непроизвольно поднялась вверх.

- Потрогайте, - сказал он, - Это стальной ошейник.

Образ, вызванный его словами, вспыхнул в ее сознании, и как только это случилось, она почувствовала под своей рукой холодный тяжелый металл.

- К нему присоединена стальная цепь, - продолжил мужчина мягким голосом, - Тонкая стальная цепь. Потрогайте ее.

Он взял ее руку в свою и потянул к себе, и она почувствовала, как под ее пальцами бегут звенья.

- И я держу ее конец, - добавил он серьезно. - Если вы попытаетесь позвать на помощь или рассказать кому-нибудь о чем-то, о чем я не хочу, чтобы вы рассказывали, этот ошейник

станет сжиматься до тех пор, пока не задушит вас. Почувствуйте, сейчас он сожмется.

Вероника почувствовала, как нечто твердое сжалось вокруг ее горла. Давление неуклонно нарастало. Она задыхалась и безуспешно пыталась вдохнуть, когда трахея была перекрыта. Затем Лукас взял ее за подбородок.

- Сейчас он ослабнет, - сказал он, - Но помните, что это случится снова, если вы когда-нибудь попытаетесь меня выдать.

Вероника набрала полную грудь воздуха и поднялась на ноги. Она была слишком ошеломлена, чтобы испытывать страх. Лукас мило улыбнулся ей.

- Теперь идите в кровать, - сказал он. - Спите спокойно, сладких снов. Завтра, в десять утра.

Глава 5.

Вероника пошла в свою комнату, но уснуть ей не удалось. События минувшего дня были настолько странными, что ее удивление перевешивало страх. Если событие нельзя назвать нормальным, то человек начинает сомневаться в реальности своих ощущений, в правдивости своих воспоминаний; в ретроспективе оно становится больше похожим на вымысел, нежели на реальность. Веронике начало казаться, что драка с Лукасом ей привиделась — как и это необычное происшествие с ошейником и цепью. Какую цель он преследовал, удерживая взаперти не слишком хорошую машинистку-стенографистку против ее воли? Он не пытался заняться с ней любовью, в его прикосновениях не было ни капли нежности, он обращался с ней так, как если бы она была упрямым щенком. А этот странный иллюзорный ошейник с цепью, который возник из ниоткуда от его прикосновения и исчез снова по его команде? Это был самый странный момент в произошедшем; Вероника отчетливо помнила это ужасающее удушье; действительно ли это повторится, если она попытается сбежать от Лукаса? Ощутит ли она это кошмарное сжатие — эту неспособность дышать — если она попытается позвать на помощь, рассказать о том, о чем он не хотел, чтобы она рассказывала? Если это так, то она действительно попала в ловушку. А что произойдет с этой странной цепью, если она попытается вырваться? Будет ли она звенеть на улице при каждом ее шаге? И если да, то это, бесспорно, не останется незамеченным.

Пребывая в полном недоумении, она сидела в кровати, уставившись в теплую летнюю ночь сквозь широкое окно. Сейчас было слишком поздно повторять попытку, но она твердо решила встать на рассвете и выскользнуть из дома, пока не проснулись домочадцы. Успокоившись от этой мысли, Вероника начала раздеваться, и события минувшего вечера отступили еще дальше в страну теней, когда маленькое ежедневное дело, снятие с себя одежды, вернуло ее обратно в будничный мир, где люди не преследовали друг друга на лестницах и никакие призрачные цепи не возникали из воздуха. Затем, когда она уже решила было погасить свет, на нее снова обрушилось чувство реальности происходящего — если предположить, что сказанное им было правдой — если предположить, что она была связана с ним невидимой цепью, которая могла натянуться и задушить ее, если она ослушается Лукаса — почему тогда она была в его власти, телом и душой? Она не могла убежать, не могла позвать на помощь, и поскольку ее оковы были невидимыми, незаметными ни для кого, кроме нее самой, никто не поверил бы ей, если бы она о них рассказала; и даже если бы она попыталась о них рассказать, сила Лукаса обрушилась бы на нее, начав ее душить, и она боролась бы за глоток свежего воздуха, который она не смогла бы набрать в свои легкие.

Она села в кровати и кое-как сдержалась, чтобы не закричать от страха перед своей невидимой тюрьмой. Она вспомнила львов на террасах Маппина и вспомнила о своем

первом впечатлении от дома. Она действительно была в клетке, прутья которой не только не давали ей выйти, но могли даже лишать ее воздуха по воле ее хозяина, и прутья эти были невидимыми. Она не могла надеяться на помощь или сочувствие своих братьев. Странно, но именно это внушало ей наибольший ужас. Она не смогла бы получить понимания своих братьев; она была так одинока в этом мире мужчин и женщин, как если бы Лукас сослал ее на другую планету. У нее возникла мысль, что Эшлотт мог бы понять ее, но она была почти уверена в том, что он не стал бы ей помогать; а полицейский на углу или управляющая общежитием, если она обратится к ним за помощью, сочтут ее безумной, и все же этот ошейник с цепью был достаточно реальным, чтобы придушить ее. Самостоятельно решить проблему она была не в силах. В отчаянии она упала на подушки в ожидании рассвета.

Внизу, в кабинете, Лукас писал в свой дневник. Лампа с зеленым абажуром отбрасывала круг света на стол, а остальная комната была погружена во мрак. События дня, очевидно, приходились ему очень по душе, ибо легкая улыбка не сходила с его губ, пока он писал.

«Сегодня днем все встало на свои места», - аккуратный мелкий почерк, понятный, как если бы это был напечатанный текст, возникал на страницах книги перед ним. «Пришлось выложить карты на стол раньше, чем я ожидал, но обнаружил, что В. М. очень внушаема и подчинил ее себе, и не вижу никаких сложностей с введением ее в транс. Думаю, она хорошо справится с этим при условии, что это выдержит ее тело, хотя она очень хрупкая и пережила сильное перенапряжение. Пришлось попросить Миссис Эшлотт, чтобы кормила ее лучше. Миссис Э. думает, что у меня доброе сердце. В. М. попыталась сбежать. Поймал ее внизу и отнес в офис, где внушил ей, что я надел на нее ошейник с цепью. Она прекрасно поддавалась внушению. Сказал ей, что ошейник задушит ее, если она попытается рассказать кому-нибудь о происходящем, и она чуть не задохнулась; очень любопытно, тот же механизм действия, что и у астмы. Буду осторожен, чтобы совсем ее не придушить».

Лукас закрыл книгу и убрал ее в свой личный сейф. Да, у него были все причины быть довольным проделанной работой. Он доверился своему ясновидению, подсказавшему ему поискать потенциального медиума среди разношерстной женской публики секретарских агентств, которую к нему направили в ответ на его запрос о машинистке-стенографистке, и это выглядело так, как если бы он выбирал победителя.

Вероника Мэйнеринг была, без сомнений, очень чувствительной, и единственный вопрос заключался в том, была ли она достаточно сильной? Трансовая работа вызывала ужасное перенапряжение, она всегда тяжело сказывалась на мужчинах, выступавших в роли оккультного телефона, когда ложи переговаривались между собой, и им приходилось работать по очереди; но он не мог держать целый флот секретарш, чтобы они замещали друг друга, так что Веронике придется справляться самостоятельно. Она, вероятно, сможет продержаться необходимое время; все, что ему было нужно, это Слова Силы; получив их, он обретет независимость. Да, имей он в своем распоряжении Слова Силы и имущество генерала Соуберри, и жизнь Лукаса стала бы намного интереснее. Итак, он заполучил перспективного трансмедиума и генерал был снова болен, как сказала Эшлотту сиделка; все, кажется, складывалось благоприятно; в любом случае, он намеревался свериться со своим гороскопом и посмотреть, что тот сулит ему.

Как и все те, кто имел дело со скрытой стороной вещей, Лукас по собственному опыту знал, какое влияние оказывает макрокосм, то есть наша вселенная, на микрокосм, которым является человек, и он не стал бы, если бы того можно было избежать, начинать дело такой важности, как это, если бы звезды не благоволили ему.

«Да, человек может подчинить себе звезды», сказал бы он, «Но почему я должен плыть

против течения, если стоит мне подождать еще немного, и на моей стороне будет прилив?». Поэтому он отмечал множество небесных приливов и так выстраивал свой маршрут, чтобы они помогали ему, а не противодействовали.

То, что он увидел сегодня вечером, было достаточно приемлемым. Нептун, оккультная планета, был хорошо аспектирован в Доме Удачи, подкрепленный Марсом, бойцом; единственное, что вызывало сомнения, это Венера, пораженная и находящаяся в Доме Смерти.

Лукас внимательно изучил карту.

- А, ладно, - сказал он, наконец, - Невозможно иметь всё и сразу, да и, как бы то ни было, Венера не та леди, которая когда-либо доставляла мне проблемы.

После этого он отправился спать.

Веронике казалось, что Эшлотты не проснутся раньше семи, но в общежитии к этому времени уже никто не будет спать, ибо деловым девушкам приходилось вставать рано, чтобы успевать позавтракать перед работой. Она завела будильник на пять часов, чтобы у нее было время упаковать свои пожитки в те два чемодана, из которых состоял весь ее багаж, и ускользнуть в общежитие раньше, чем в этом доме кто-то проснется. Управляющей не понравилось, что она согласилась на эту должность, и она конечно же поможет ей, даже если Вероника рассудительно опустит эпизод с ошейником и цепью, что, скорее всего, сделает весь ее рассказ неправдоподобным, хотя и достаточно жутким. Того факта, что Лукас гнался за ней по лестнице и насильно удерживал ее в доме, было вполне достаточно.

Она погрузилась в беспокойную дремоту между сном и бодрствованием, но всякий раз, когда ее бессознательное подкрадывалось к ней, ей снова овладевал страх и она резко просыпалась, и каждый ее нерв, каждый мускул были напряжены, и вся ее душа вставала на ее защиту.

Казалось, прошло совсем немного времени, прежде чем небо стало серым, и как только стало достаточно светло для того, чтобы что-то видеть, она встала и упаковала свои вещи. Было почти шесть часов утра, когда она тихо пошла на цыпочках по коридору; в это время Лукаса не было на софе, хотя она была почти уверена, что встретит его там, и никто не воспрепятствовал ее успеху.

Она пробиралась все дальше и дальше, и сердце ее бешено колотилось; она знала, что Эшлотты спят в подвале, но она не была уверена в том, какая из комнат принадлежала Лукасу. Об этом она догадалась по паре коричневых башмаков перед дверью на нижнем этаже, и проскользнула мимо, едва осмеливаясь дышать.

Воздух в холле закрытого дома был тяжелым, но с большой входной дверью не возникло никаких трудностей, она никогда не закрывалась на засов и лишь пружинный замок защищал дом от нежелательных вторжений, ибо «джентльмены» Миссис Эшлотт приходили и уходили в любое время суток. Дверь бесшумно открылась и Вероника не осмелилась рискнуть закрыть ее, чтобы не щелкнуть замком. На секунду она остановилась на широких ступенях, чтобы проверить, будет ли эта странная цепь натягиваться и душить ее? Однако ничего не произошло, и в следующий момент она уже бежала по улице — абсолютно свободная!

Через пять минут она уже была в общежитии; управляющая, одетая в халат, но уже проснувшаяся, смотрела на нее со смесью удивления и неодобрения.

- Что принесло вас сюда в такое время? - спросила она.

Вероника так запыхалась, что не смогла ответить, и управляющая, видя, что проблемы только начались, завела ее в офис, подальше от глаз любопытной уборщицы. Там она стала сверлить девушку взглядом, дожидаясь объяснений. Мир всегда готов поддержать советом и предупреждением молодую и невинную девушку, дабы она не нажила себе проблем, но стоит чему-то плохому произойти на самом деле, как ситуация становится совсем другой и мир начинает думать, как бы ему самому не оказаться втянутым в неприятности.

- Там, где я работала.. - начала Вероника смущенно, - Произошла небольшая неприятность. Мистер Лукас, мужчина, на которого я работала... Я думаю, он забылся... Мы подрались... Я не хочу возвращаться обратно... Могу я остаться здесь? Моя комната еще не сдана?

- Ваша комната еще не сдана, - ответила управляющая несколько раздраженно, - Да, я полагаю, что вы можете остановиться здесь, если хотите, но только если не будет проблем, потому что они нам не нужны. Я отправлю носильщика за вашими вещами. Мне еще в прошлый раз показалось, что идея устроиться на эту должность была не самой лучшей.

Она замолчала, испытующе глядя на Веронику; у всех женщин есть нюх на романы, даже если речь идет об омерзительной, целующейся с кем попало машинистке, на что Вероника ясно намекнула в своем полупризнании.

- Какой он, этот мистер Лукас? - поинтересовалась она, наконец.

- Он очень странный человек, - начала Вероника медленно. - Самый странный из всех, кого я когда-либо встречала.

Образ Лукаса возник перед ее глазами. Гладкая оливковая кожа, острый нос, тонкие губы, волевой подбородок, зловещие зеленовато-коричневые глаза. Что он будет делать, когда обнаружит, что она сбежала? Она замерла, забыв об управляющей, пораженная всплывшим в ее памяти образом, который был таким ярким. Но кошмар из кошмаров — образ перестал быть просто образом-воспоминанием, он стал живым, настоящим, способным действовать самостоятельно! Тонкая смуглая рука потянулась к ней, как это было минувшей ночью, и голос (неужели управляющая этого не слышала?) произнес: «На вашей шее стальной ошейник, вы не сможете дышать, если скажете еще хоть что-нибудь. К нему присоединена стальная цепь, ее конец в моей руке, вам придется вернуться». Рывок. Вероника сделала два запинаящихся шага по направлению к двери. Еще рывок, и она сделала еще два.

- Куда вы собрались? - воскликнула управляющая, уставившись на нее с подозрением.

- Я... Я передумала, - сказала Вероника, - Мне все-таки придется вернуться.

Управляющая фыркнула.

- Вам не следует снова приходить сюда, если вы опять решите сбежать, - сказала она, захлопнув дверь у девушки перед носом.

Стоя на крыльце, Вероника поняла, что вход в ее единственное убежище теперь был закрыт для нее, и что теперь она еще больше находилась во власти Лукаса, чем когда-либо прежде. Свой кошелек она потеряла в драке на лестнице и у нее с собой было лишь несколько шиллингов; ей ничего не оставалось, кроме как под воздействием стальной цепи вернуться обратно в дом в сквере. Поэтому она пошла обратно.

Миссис Эшлотт мыла крыльцо, когда она пришла, так что ей не пришлось звонить в дверь.

- Вышли на раннюю утреннюю прогулку? - поинтересовалась эта добрая женщина с милой улыбкой. - Мне нравятся молодые леди, которые рано встают, это так редко кто-то делает в наши дни, не то, что во времена моей юности. Я скоро принесу вам завтрак наверх, Мисс, я полагаю, вы очень проголодались.

Из-за подступающих слез Вероника ничего ей не ответила; она проскользнула мимо ведра и прокралась наверх. Туфли Лукаса все еще стояли на коврике, как и его вода для бритья. Он явно был не из тех, кто мог заслужить похвалу Миссис Эшлотт за ранний подъем.

Вернувшись в свою комнату, Вероника упала в кровать и забылась мертвым сном, проснувшись лишь тогда, когда Миссис Эшлотт стала звенеть посудой, накрывая на стол в соседней комнате.

За завтраком Вероника обдумывала свое положение. Она осталась без гроша в кармане; потеряла расположение управляющей общежитием из-за своего странного поведения; Лукас имел над ней больше власти, чем раньше, больше, чем было возможно.

К слову, этот дружок, весело напевая в ванной под аккомпанемент бегущей воды, был абсолютно доволен жизнью; у него не было причин чувствовать себя как-то иначе.

Вероника, дождавшись его появления в десять часов, была проинформирована, что она выглядит так, как если бы не спала всю ночь, и что ей было бы полезно выйти прогуляться в Риджентс-парк и подышать свежим воздухом.

- На поводке, конечно, - добавил он с хитрой улыбкой. - Но если вы будете хорошо себя вести, а я думаю, что вы будете, то получите милый голубой бантик на свой ошейник, и кстати, что вы скажете о колокольчике? Не хотите получить еще и колокольчик, Мисс Мэйнеринг?

Вероника поспешно удалилась. Самым ужасным в Лукасе было то, что самые неприятные вещи он делал с милой улыбкой; это, и еще его глаза — в те моменты, когда зрачки его исчезали, сужаясь до мельчайшей точки. Жизненный опыт Вероники не был слишком богат. Злодеи были для нее злодеями и выглядели соответственно, но Лукас, хоть он и был смуглым, что было одной из обязательных примет злодейства, совсем не казался таковым. Да и вел он себя иначе, за исключением того мелодраматического момента, когда поймал ее на лестнице — тогда он, конечно, вел себя в лучших традициях Суррей-сайда, но его дальнейшая бесстрастность почти полностью свела на нет все впечатления. Нет, Лукас ни в малейшей степени не был злым, он просто был равнодушным. А в этом кроется причина большинства самых жестоких поступков в мире.

Глава 6.

Вернувшись с прогулки, Вероника обнаружила сообщение от Лукаса; ей следовало лечь и как следует выспаться, так как этим вечером она была ему нужна и нужна была непременно отдохнувшей. Второй части послания хватило, чтобы не суметь выполнить указания из первой. Она пошла в свою комнату, но уснуть не смогла; вместо этого она ворочалась с боку на бок в своей кровати, гадая, что же от нее сегодня потребуется.

Вероника была слишком юна и слишком наивна. С тех пор, как она закончила школу, и до момента, когда ее домашняя жизнь рухнула, она жила вместе с матерью в маленьком коттедже в графстве Суррей. Сад, церковь, редкие чаепития с женщинами, ведущими такой же образ жизни, как и они сами — все это вряд ли способствовало расширению ее кругозора; пока смерть ее матери не ворвалась в это царство безмятежности и постоянства, годы никак не касались Вероники и ничуть не меняли ее.

Она была чрезмерно милой; она была кроткой, потому как от нее никогда не требовалось ничего другого; и открытой, ведь не имея рядом никого другого, они с матерью создали свой собственный уютный мирок. Она была воспитана на христианских ценностях и исповедовала их настолько, насколько могут это делать женщины, живущие в глуши, но не была подготовлена к жизни и не знала, как живут люди за пределами их деревни. Она вышла в мир такой прелестной и неиспорченной, что ее можно было назвать заветной мечтой любого мужчины, но мир оказался к ней жесток. Она не могла постоять за себя в коммерческом колледже; девочки, которые познали трудности жизни и борьбу за существование как в местной школе, так и дома, умело вытесняли ее с лучших мест в классе и выгоняли с удобных шкафчиков в раздевалке; в хостеле же она страдала от проблем, которые доставляли ей соседи, но никогда не протестовала и не возмущалась, чтобы заявить о своих правах.

И теперь, попав в лапы Лукасу, она была настолько же беспомощной. Она не знала, что делать и как поступить; она не знала, всегда ли работодатели обращались так с подчиненными и не была уверена в том, что ее протест не будет осмеян и ее не сочтут чрезмерно изнеженной натурой, как это часто случалось прежде. Она искала помощи у управляющей общежитием, но к своему удивлению узнала, что это она сама каким-то мистическим образом спровоцировала подобное поведение Лукаса и ее собственный характер стал причиной такого обращения, которому она не смогла противостоять и не придумала ничего лучше, кроме как сбежать. Благодаря некоей умственной алхимии управляющей досталось все то доверие и покорность, которые раньше доставались матери; и хотя она была рада покорности, которая делала Веронику покладистым жильцом, сильно отличавшимся от ее недисциплинированных соседей, к доверию со стороны чужого ребенка она оказалась не готова. Да и с чего бы ей быть готовой? Ей тоже нужно было выживать, и у нее было достаточно своих проблем, чтобы еще и вешать на себя чужие.

После неудачи с управляющей у Вероники не осталось сил. Ей не пришло в голову обратиться к одноклассникам, ибо они никогда с ней не дружили и считали ее глупой; хотя, попроси она их помочь, они бы сплотились, словно мелкие разъяренные кошки, ради противостояния общему врагу в лице работодателя, а тем более работодателя-мужчины, который пытался использовать беспомощную женщину в своих целях; двери их бедных домов распахнулись бы ей навстречу и все родственные им мужчины в третьем и четвертом поколении встали бы на ее защиту лишь для того, чтобы получить возможность атаковать другого со столь выгодных позиций. Но Вероника об этом не знала. Ее не учили тому, что слова могут обозначать не то, что было сказано, а за дешевыми украшениями не обязательно скрываются смелость и великодушие. Самое незащищенное существо на свете, леди, оторванная от привычного общества, она противостояла этому миру в одиночку. Беспомощная, нищая, не понимающая, где искать помощи и к кому обратиться за советом — Лукасу не удалось бы найти лучшего человека для исполнения задуманного. Смелая, но не имеющая целей, сообразительная, но не имеющая жизненного опыта — конец ее истории был заранее предрешен; Вероника, теоретически бывшая идеальной английской девушкой, на практике находилась на грани гибели.

Этим она истязала себя наверху, в своей бело-голубой спальне — комнате, которая показалась такой уютной после бокса в хостеле и которая теперь была для нее словно вертеп,

в котором животных держали перед закланием. Она не слишком разбиралась в жизни и еще меньше — в мужчинах, но благодаря своей развитой интуиции могла достаточно хорошо понять Лукаса. Его забота о ней была заботой мясника о звере, которого он откармливал с определенными целями; его доброта ничего не значила, Лукас был не способен что-либо чувствовать; она могла бы сдаться на милость ближайшего полицейского, но странный запрет, возникавший внутри нее при мысли об этом, не давал ей так поступить. Лукас пугал ее, но в то же время и восхищал. Она ничего не знала ни о психологии внушения, ни о тех тонких реакциях, которые вызывал под гипнозом секс; о таком не рассказывали в книгах; она только знала, что та власть, которую имел над ней Лукас, определенно ее восхищала, но причины этого оставались ей не ясны.

Поскольку приближалось время ее встречи с Лукасом, она сменила свой потертый свитер и юбку на аккуратное серое платье, которое не видело дневного света с момента последней чайной вечеринки под деревом в саду графства Суррей. Темные кудрявые волосы были причесаны и перевязаны лентой, и хотя глаза ее были опухшими от слез, теперь она казалась совершенно другим человеком по сравнению с тем худым и изможденным созданием, которое впервые переступило порог этого дома.

В девять часов Лукас отправил за ней Эшлотта и она с выскакивающим из груди сердцем проследовала за ним вниз по покрытой толстым ковром лестнице, в комнату, которая служила одновременно и приемной, и кабинетом, и в которой Лукас проводил все свои дни напролет. Здесь она и обнаружила его, курящего послеобеденную трубку, которой он весело помахал ей, когда она вошла. Он был невероятно бодр и очень доволен жизнью; Вероника и раньше замечала, что он всегда выглядел особенно бодрым по вечерам, но сегодня его бодрость превосходила все пределы. Она молча села в огромное кресло, на которое ей было указано, утонув в нем целиком, и уставилась на стоящего перед ней Лукаса, все еще курившего трубку и насмешливо излучавшего ее.

- Вы ведь были хорошей девочкой и выпались, не так ли? - поинтересовался он.

Тихим голосом Вероника ответила, что да.

- Отлично. Я сказал Эшлотту, чтобы нас никто не беспокоил, но мы еще и закроем дверь. Нет, не нужно так на меня смотреть, я не собираюсь вас убивать, но если кто-то внезапно разбудит вас, когда вы будете в трансе, вы испытаете немалый шок.

Он пересек комнату и повернул ключ в двери, а затем вытряхнул пепел из трубки и убрал ее. Вероника, не шевелясь, наблюдала за каждым его действием с тем зловещим восхищением, которое он всегда в ней вызывал. Его быстрая, тихая поступь, и напряженная, но вместе с тем грациозная осанка сильно выделяли его из всех остальных мужчин. Лукас был настолько живым, что все остальные казались на его фоне безжизненными, плоскими и пресными. Его зеленые глаза с их странным блеском, худые студенческие руки с длинными смуглыми пальцами, волосы вороньего цвета, которые он накручивал на палец, когда о чем-то размышлял, и аккуратный рот с тонкими губами, на которых всегда играла усмешка, не видимая в его глазах, - все это производило на девушку весьма сильное и яркое впечатление. Лукас, если бы не его странные глаза, казался бы весьма приятным парнем; но дело было не в задумчивом и изучающем взгляде, который обычно выдавал людей, обученных оккультной медитации, но в некой отрешенности, как если бы он не принадлежал к числу существ, населяющих наш уютный человеческий мир; Лукас, казалось, прибыл с другой планеты или принадлежал к другому витку эволюции, и не был связан с нами и нам подобными; наши мелкие проблемы казались ему несущественными. Откуда он пришел, туда он и вернется, забрав с собой столько благ, сколько сможет отнять у нашей расы, и он не был намерен

повторять ошибку Персефоны, съевшей семена граната и оказавшейся привязанной к своему мрачному возлюбленному. Наблюдая за ним, Вероника понимала, что имеет дело с кем-то, кто не был человеком, и что взывать к человеческому милосердию в случае с ним было бессмысленно.

Лукас нервно ходил по комнате, вероятно дожидаясь заката, и Вероника внимательно следила за ним. Наконец, когда угас последний луч солнца, он подошел к ней. Он опустился перед ней на колени и его смуглое лицо поравнялось с ее лицом.

- Смотрите мне прямо в глаза, Мисс Мэйнеринг, - сказал он.

Вероника, напуганная и зачарованная одновременно, сделала, что он велел, и увидела, как его зрачки начали излучать странный внутренний свет, как если бы череп Лукаса вместо мозгов вмещал в себя пылающий огонь, который прорывался наружу сквозь хрусталики его глаз. Стоило ей лишь взглянуть в его глаза, как она уже не смогла от них оторваться. Свет становился все ярче и ярче, человеческое лицо начало растворяться в нем и она обнаружила, что смотрит прямо в горнило, для которого человек был только лишь ширмой. Она, казалось, стремительно неслась сквозь этот огонь к тому, что лежало за ним. Потом земля ушла у нее из-под ног и она провалилась в безграничную темноту; миновав планеты, она оказалась прямо в межзвездном пространстве. Затем ее резко потянуло вверх, как если бы она была дайвером, выныривавшим на поверхность, пространство стало светлеть и она оказалась в бледно-сапфировых небесах, возвещавших о скором рассвете. Потом она пролетела сквозь розовые предрассветные облака и очнулась в своем кресле.

Перед ней стоял Лукас в рубашке с коротким рукавом. За окном все также царил полумрак, но теперь зеленая лампа на столе была включена.

- Ну? - сказал он. - С возвращением? Все не так уж и плохо, правда?

За исключением пугающего путешествия в космос, произошедшее не показалось Веронике таким уж ужасным, о чем она и сообщила Лукасу.

Лукас облегченно вздохнул, затем зевнул, потянулся и прошелся по комнате, как если бы желая размять затекшие ноги. Легкий прохладный ветерок задувал в окно и ворошил огромную кипу бумаги на столе, исписанную рукой Лукаса. Вероника гадала, откуда она взялась, ведь когда она закрыла глаза несколько минут назад, бумаги на столе не было. От прохладного ветра Лукас поежился, подобрал с пола пальто и накинул его на плечи. Вероника, наблюдая за его действиями, внезапно осознала, что тоже ужасно замерзла, как будто бы и правда побывала в ледяных глубинах космоса, и судорожная дрожь пробежала по ее телу. Лукас улыбнулся, увидев это, и взял со стола маленький термос. Когда он открыл его, в воздухе возник завиток пара.

- Замерзли? - спросил он. - Так всегда бывает после транса. Выпейте горячего кофе, - и он налил его из термоса в стоявшую наготове чашку.

- Если бы я знал, что наш сеанс будет таким долгим, - продолжил он, - Я бы приготовил кофе и для себя. Но ничего не поделаешь, придется обойтись пивом. Я не употребляю крепких напитков после подобных дел. Пейте, а я схожу за пивом.

Оставшись в одиночестве, Вероника пила свой кофе, гадая, что бы означало странное поведение Лукаса. Она заметила, что свет в комнате стал ярче, хотя настольная лампа казалась бледной и бесполезной. Свет шел от окна. Щебет и шорох в плюще говорили о том, что воробьи уже проснулись; Вероника, удивленная, пыталась понять, что же могло побеспокоить их в столь поздний час. Лукас, вернувшийся с пивом, выключил настольную лампу, и Вероника увидела, что вся комната была залита серым светом и свет этот не был светом сумерек, но возвещал о наступлении рассвета, и она наконец осознала, что каким-то неведомым образом семь часов жизни просто выпали из ее памяти. Она никогда не теряла сознания; на каких-то несколько мгновений она оказалась в космосе и потом вернулась обратно, но весь этот процесс мог длиться от тридцати секунд до пары минут, хотя при этом семь часов просто бесследно исчезли из ее жизни. Она заснула в вечерних сумерках и проснулась в сумерках рассветных, и вряд ли она когда-нибудь узнает, что с ней делали на протяжении всего этого времени; эти семь часов просто выпали из ее памяти и она никогда о них не вспомнит. Лукас выглядел очень уставшим, но вел себя как обычно; на столе лежала кипа бумаги, которая была исписана, по-видимому, за эти семь часов и о назначении которой ей ничего не было известно, и холодный рассветный ветер дул в окно после жаркой Лондонской ночи.

Новый страх зародился в душе Вероники, страх перед потерянными семью часами и тем, что могло произойти за это время. Она пристально посмотрела на Лукаса, как если бы пыталась вытянуть из него правду одной только силой взгляда.

- А что происходило пока я... спала?

- Вы пребывали вовне.

- Вовне. Что это значит?

- Вы находились вне тела. Ваша душа находилась вне тела. Я выгнал ее оттуда.

- Но почему. Зачем?

- Потому что мне нужно было использовать ваше тело как динамик бесконтактного телефона. Когда вы в теле, ваши голосовые связки контролируются импульсами вашего разума; но когда вы вне тела, то ваши голосовые связки могут контролироваться импульсами разума других людей и тогда вы начинаете говорить за них. Вы знаете немецкий? Нет? А вы ведь весьма бегло говорили на нем всю минувшую ночь и рассказали мне много интересных вещей, о которых я хотел узнать. Вот почему вы нужны мне, детка, и почему я буду содержать вас здесь дальше. Вы можете выходить и проводить время так, как вам нравится, если только это не вредит вашей восприимчивости, но отпустить вас совсем я не могу.

Он подошел к ней вплотную и пристально посмотрел в ее глаза.

- Вы не сможете уйти дальше, чем позволит вам длина вашей цепи. Это ясно?

Вероника выслушала его, не поняв смысла сказанного. Это так сильно выходило за рамки ее представлений о действительности, что она была не в состоянии этого понять. Она поняла, что Лукас использовал ее в каких-то своих странных целях, и что он ценил ее также, как ценят хороший инструмент, и что ее будут содержать, как содержат домашнее животное, в

идеальных условиях, но исключительно ради удовольствия хозяина. Страх наполнил ее душу; все это дело не было человеческим; Лукас не видел в ней человеческого существа, но относился как к какому-то предмету или приспособлению; цели, в которых он ее использовал, тоже не казались ей человеческими, замешанными на страсти или алчности, но казались какими-то ультра- или инфра-человеческими, не принадлежащими вместе с тем и к сфере нашей земной жизни. Она не знала, чего он хотел достичь, но считала, что это сильно вредит ее душе; не смотря на то, что он был мил и вежлив с ней, он причинял ей ужасный вред, но не физический, а куда более страшный, чем если бы просто делал что-то с ее телом. Кошмарный липкий ужас навалился на нее, ужас не тела, но души; она была напугана не земной жизнью и встречающимся в ней человеческим коварством, но далеким космосом с его нечеловеческими делами. Лукас определенно не был человеком. Конечно, когда он сидел на офисном столе, покачивая ногой и распивая пиво из чайной кружки, он казался более человеческим, чем все остальные люди, и выглядел совершенно обычным мужчиной, но она знала, что это было не так. Она сосредоточенно смотрела на него, пытаясь разгадать его тайну; что было в нем такого, что выделяло его среди всех остальных? Она отметила его руки, глаза и, как ни странно, ноги. Вероника не понимала, почему включила в этот список и его ноги тоже, но она это сделала.

Подняв глаза, он заметил, что она наблюдает за ним, и улыбнулся ей поверх чайной кружки.

- Идите спать, Мисс Мэйнеринг, - сказал он.

- Я не хочу, - ответила она.

- Ну конечно, как я мог забыть. У вас же было семь часов сверхконцентрированного сна. А я, пожалуй, пойду, так что желаю вам хорошей ночи, ну или хорошего утра, как вам будет угодно.

Глава 7.

Вероника понимала, что со стороны ее жизнь выглядела предельно легкой. Ей не нужно было заниматься нудной работой машинистки или бухгалтера; весь день она могла делать все, что угодно — читать, шить, вязать свитер, гулять по парку или даже могла сходить в кино, то есть, заниматься вообще чем угодно, лишь бы к вечеру не быть чрезмерно утомленной, ибо Лукаса это злило.

Три или четыре ночи в неделю Эшлотт передавал ей сообщение о том, что ее ждут в офисе, а затем Лукас, глядя ей прямо в глаза, отправлял ее душу в космос и использовал тело для достижения своих целей. На рассвете она возвращалась в свою освобожденную жилплощадь, испуганная, потрясенная и напрочь замерзшая. Однако больше никогда она не переживала полной потери памяти, как это было в случае с ее первым погружением в транс. До нее долетали обрывки воспоминаний; иногда она видела лица, которые сновали вокруг и наплывали на нее, пока она летела вниз, и она, словно напуганная птица, стремилась побыстрее пересечь надир и умчаться в рассветные облака. В одну ужасную ночь, которую она-никогда-не-забудет, они гнались за ней через весь космос, поэтому она очнулась, крича от ужаса, задолго до назначенного времени и обнаружила Лукаса, одновременно рассерженного и обеспокоенного, пытающегося удержать ее в кресле. Она рассказала ему об этих дьявольских лицах и их когтистых лапах, но он просто пожал плечами и никак не прокомментировал и не объяснил произошедшее, хотя она и отметила, что прошло некоторое время, прежде чем он позвал ее снова.

Она провела в этом странном доме уже три недели и знойный август сменился жарким сентябрем, когда к ней пришел Лукас с ключом в руках.

- Жаль, что я раньше не подумал об этом раньше, но вот вам ключ от Сквер Гарденс, где вы можете гулять по вечерам в мое отсутствие. Я уезжаю на уик-энд, - добавил он.

Чуть позже она увидела его в мотоциклетной форме и догадалась, что выходные он проведет в дороге. С тоской подумала она об открытом, продуваемом всеми ветрами пространстве и чистом воздухе. Блумсбери, и без того не располагавший к веселью район Лондона, летом становился совершенно невыносимым. Вероника отправилась в Сквер Гарденс и поиграла в мяч с апатичным ребенком, няня которого хотела спокойно почитать роман, а когда он ушел пить чай, достала книгу и уселась под деревьями. Сад казался ей подарком судьбы; хотя деревья уже были пожухлыми и высохшими, несколько зеленых листочков на них все-таки осталось, да и здесь явно было лучше, чем сидеть в четырех стенах.

Тем временем Лукас, миновав Лондонские пробки, на полной скорости мчался в северном направлении. Он тоже был рад свободе от каменных стен. Он уже давно не катался на мотоцикле; количество времени, которое он проводил с Вероникой Мэйнеринг и результаты, которые он получал, заставляли его проводить выходные за намерственным упущением в своей основной работе. Но оно того стоило, ведь такого медиума можно было встретить не часто. Она очень чисто передавала информацию и ему оставалось лишь сопоставлять полученные сведения; по частям восстанавливал он ритуалы высших степеней Великого Братства, к которому он принадлежал. Лукас усмехнулся, вспомнив о тех бумагах, что хранились в его сейфе.

Он скользил по северным склонам холмов, охранявших Лондон, радуясь тому, что над его головой смыкались кроны деревьев, а городская духота осталась далеко позади. Ветер скорости пел в его ушах и кровь его тоже пела в венах, ибо он все-таки был молодым мужчиной и даже всецелая поглощенность изучением оккультизма не могла лишить его человеческой сути. Иногда он задавался вопросом, а стоила ли аскетичная строгость изучаемой дисциплины жертвования всеми теми вещами, которые составляли саму суть жизни для большинства людей. Впереди и позади него мчались и другие мотоциклисты, некоторые с прицепленными колясками, а некоторые с девушками на задних сиденьях. Лукас ни разу не брал с собой девушку; он был единственным среди членов братства, кто периодически наслаждался скоростью, но обществом девушек — никогда. Женщинам не было места в его жизни. В Орден, к которому он принадлежал, их не принимали, и даже те несколько женщин, с которыми он общался во времена своего журналистского прошлого, исчезли из его жизни, когда он присоединился к Ордену.

Он остановился на чай в придорожной харчевне. У эркерного окна обеденного зала молодые парень с девчонкой ели яйца и жеруху, постоянно подшучивая друг над другом. Лукас не был склонен к отшельничеству. Если не лгал цвет его кожи, в нем текла латиноамериканская кровь, и его темперамент отличался чрезмерной южной живостью. Он наблюдал за парочкой у окна и ощущал себя не в своей тарелке. Впервые с тех пор, как он вышел из подросткового возраста, он засмотрелся на женщину. Это было бы довольно забавно — пригласить какую-нибудь девушку на свидание. Конечно, у него была работа и ничто не должно было отвлекать его от нее, но почему он должен был лишать себя всех самых приятных на свете вещей? Он ничуть не отличался от генерала Соуберри, прикованного к креслу и аппарату искусственного дыхания. Почему он должен пахать, словно галерный раб, чтобы получить власть и независимость, если к тому моменту, как он этого достигнет, он будет уже старым и настолько привыкшим к одиночеству, что начнет им наслаждаться? Лукас в задумчивости

допивал свой чай; его захватила новая идея и он обдумывал ее со всех сторон. Как повлияет на его жизнь то, что он впустил в нее этот игнорированный ранее фактор? Обученный совершенному самоконтролю в великом Братстве, учеником и служителем которого он был, он с легкостью исключил из своей жизни женщин и все связанные с ними проблемы. Будучи абсолютно одержимым, телом и духом, и полностью поглощенным своей учебой, он никогда даже не скучал по ним и не осознавал, как сильно его жизнь отклонилась от нормы, до тех пор пока не уселся здесь в одиночестве, наблюдая за той великолепной игрой, которую вели мужчина и женщина, сидевшие напротив. Возможно, если бы он продолжил жить в своем почти монашеском уединении в старом доме в Блумсбери, не общаясь ни с кем из женщин, кроме Миссис Эшлотт, которая, будучи доброй душой, вряд ли могла подвергнуть его искушению и увести его с избранного пути, его человечность так и не проснулась бы; но в его затворничество ворвался будоражащий элемент. Вероника Мэйнеринг, когда он увидел ее впервые, изможденную, уставшую и в потрепанной одежде, не показалась ему, как и добрая жена дворецкого, объектом искушения; наоборот, обе они выглядели в его глазах обычными рядовыми женщинами, сильно отличавшимися от прекрасных дам из романов и со сцены, и он отнесся к ней беспристрастно, видя в ней не более, чем инструмент, служивший достижению его целей, вроде печатной машинки или телефона; он пользовался ей, когда было необходимо, и убирал на место, когда она больше не была ему нужна. Но Вероника, к несчастью для нее, больше не была такой, как тогда, когда впервые вошла в большой дом в Сквере; Лукас откармливал ее и заботился о ней, чтобы она могла эффективнее выполнять свою работу, и результат был виден на всех планах, не только на психическом. Ее тусклая кожа начала блестеть, тяжелый взгляд просветлел, а тощее тело на удивление быстро начало полнеть. А с возвращением жизненных сил перемена произошла и в ее духовной составляющей; жизнь в ней, которая до тех пор только и делала, что пыталась сохранить саму себя и сберечь свой сосуд перед лицом набрасывавшихся на него сил, теперь начала источать тонкие вибрации, которые Лукас, чутко ощущавший любые перемены в пространстве, начал замечать.

Вероника, смотревшая на Лукаса так, как смотрит на кошку птица, не использовала в его отношении никаких женских чар, которые так часто пускают в ход наименее искушенные из женщин, но давление расы, стоявшей за ней, уже вырывалось наружу, и Лукас, так тщательно оберегавший себя от любого расового зова, обнаружил, что его прилив коснулся его стоп раньше, чем он успел это осознать. С ним происходило то, от чего он активно защищался всю свою жизнь; между ним и неким внешним объектом уже возникла связь, и этот объект стал необходим всему его внутреннему существу, и тонкие барьеры начали трескаться, и хотя трещина была еще небольшой, расовый прилив уже начал активно просачиваться сквозь нее.

Присутствие Вероники усиливало его самосознание, заставляя возрастать его жизненные силы; жизнь казалась ему ярче, когда она была рядом с ним; она стала стимулом для него и в ее отсутствие он испытывал нечто вроде похмельной реакции, и жизнь начинала казаться ему пресной, плоской и бессмысленной.

Однако всего этого мужчина не осознавал, когда снова выкатил на дорогу свой тяжелый мотоцикл и остановился в раздумьях. Он лишь понимал, что ему не хватало чего-то такого, что казалось ему прекрасным, и гадал, не принесет ли ему проблем получение этого. Если бы он понял истинную природу своих чувств, он бы ни секунды ни колебался; он бы повернулся спиной к Лондону и на всех парах помчался прочь по длинной и прямой дороге. Если бы он узнал, что происходит, он не стал бы рисковать с прорывом дамб, которые так тщательно возводил, чтобы удержать всю свою силу внутри; но Природа — эта старая и проницательная дама, ревностно охраняющая свои пути - решила не объяснять ему происхождения услышанного им зова. Она не позволяла никому из своих детей идти иным путем; человечество — это единый организм, и не в ее интересах, чтобы какой-нибудь отдельный

индивид освобождался от ограничений общественной жизни и при этом продолжал пользоваться всеми ее благами.

Оккультную силу можно получить двумя способами — запрыгнув в тот вагон эволюции, где сила еще не ограничена формой, но пребывает в свободном виде и также свободно устремляется в любой открытый для нее канал; или же отступив в тыл расы, обнаружив там запасы все той же неиспользованной силы. Лукас выбрал второй путь; он, прихватив с собой все дары современного человечества, вернулся к более ранней фазе эволюции, к тому времени, когда не существовало еще ничего и формы только образовывались, во времена, предшествовавшие тем, когда Иегова дал понять человечеству, что является его хранителем и рассчитывает на него, вот только теперь Лукас, оторванный от социума, одинокий и, следовательно, свободный, был вовлечен в эволюционный процесс; его раса поймала его, человека, который вознамерился управлять ей и был настолько же близок к успеху, как и Самсон, в последний момент лишившийся своих локонов; свою силу он черпал в полной свободе от обязательств перед своим видом, а следовательно, от сомнений и угрызений совести, что давало ему огромные преимущества в общении с людьми, которые не были лишены ни от того, ни от другого; словно электрическая нить, оккультист пути левой руки может сиять лишь в моральном вакууме, однако душа Лукаса больше не была герметично запечатана.

Он не знал о том, что момент, когда он развернул свой мотоцикл и помчался обратно на юг, стал началом конца, ибо принцу зла предстоит сначала как следует послужить добру и выдержать удары многих его розг, прежде чем он сможет вновь вернуться на тот перекресток, где прежде свернул налево. Природа поймала Лукаса; сможет ли он вовремя ускользнуть от нее, чтобы продолжить свой темный путь, или же, увлеченный ее стремительным потоком, будет отброшен назад, в тот момент, когда сошел с пути праведного, и начнет новое и болезненное восхождение, отставая на многие эоны от эволюции своей расы и невероятно страдаая, сохранив в себе память о куда более прекрасных вещах?

Сегодня, впервые с того момента, как он вышел из подросткового возраста, Лукас подумал о ком-то, кроме себя самого — он отдал Веронике ключ от сада и тут же был замечен Природой, ибо когда человек говорит злу «стань же ты моим богом», он тут же лишается возможности быть кому-нибудь преданным, ибо бог, избранный им, это самый ревнивый из всех богов, и его собственная природа предаст его, стоит лишь ему изменить тьме. Плыть против течения вселенной может лишь сильнейший.

Глава 8.

Солнце уже село и сияние над Лондонскими дымоходами угасло, но Вероника все еще сидела в увядающем саду Блумсбери Сквер. Она не сидела под деревьями с тех пор, как уехала из маленькой деревеньки Суррей, теперь казавшейся ей лишь смутным воспоминанием о другой жизни. Она была уставшей и апатичной; воздух, тяжелый и затхлый, висел вокруг без всякого движения; разум ее был почти пустым, ибо операции Лукаса всегда замедляли ее ментальные процессы, и хотя она все еще немного боялась его, сбежать ей больше не хотелось. Она ощущала себя беспомощной и пребывающей в полной власти Лукаса, и она не собиралась бросать вызов своему тюремщику, лелея смутную надежду на то, что он будет благосклонен к ней и не возложит на нее слишком тяжелого бремени, которого она не сможет вынести.

Она не замечала человека, стоявшего за оградой и наблюдавшего за ней сквозь скудную листву живой изгороди из бирючины, окружавшей сад. Погруженная в собственные мысли,

она забыла про Лондонский сквер и вернулась обратно на холмы Суррей. Ее прежние дневные грезы возникали перед ее глазами в мельчайших подробностях; Прекрасный Принц, который так никогда и не появился в ее жизни, был призван из своего небесного дворца, чтобы сразиться с ужасным драконом (которым, конечно, был Лукас), чтобы она могла улететь от него на крыльях голубки и спокойно жить дальше. Замок в небесах не был ей интересен и ее уставшей маленькой душе было достаточно ее холмов; а еще диких роз, персиковых деревьев и высоких голубых люпинов в ее маленьком саду, и старой служанки, которая была наполовину няней, наполовину домработницей, и подавала ей чай, и кошки, мурлычущей на коврике у кухонного камина. А мужчина все стоял и наблюдал за ней из-за забора.

Она встала, собрала свою вышивку и медленно пошла к воротам по увядающей траве; спертый сумеречный воздух сменился духотой городской ночи, а дуговые лампы на углу сквера лишали ночь даже ее контрастной темноты. Когда она дошла до ворот, то обнаружила пару следивших за ней глаз; ей, грезившей наяву, они показались глазами, существовавшими отдельно от какого-либо лица, пока мужской голос не выдернул ее из фантазий:

- Калитка уже заперта, вам придется воспользоваться ключом, чтобы выйти.

Лишь теперь она поняла, что перед ней стоял Лукас.

Возвращение в реальность было для нее болезненным. Ибо до сей поры ее грезы помогали ей сбегать от реальности — воображая, что все еще живет в коттедже в Суррей с мурчащей кошкой, поющим чайником и спеющими персиками, она забывала о своей странной жизни в доме в Блумсбери Сквер и та начинала казаться ей какой-то выдумкой, которой она иногда развлекала себя и от которой могла очнуться в любой момент; но теперь, когда перед ней вновь возникли странные глаза Лукаса, она прыгнула в реальность так, как прыгают в воду пловцы, испытав шок и задержав дыхание, и изо всех сил стараясь держать голову над поверхностью.

Поиски ключа позволили ей оторваться от глаз Лукаса, чего она никогда не могла сделать самостоятельно, если уж посмотрела в них, ибо она постоянно следила за изменением их зрачков и испытывала благодарность каждый раз, когда они возвращались к нормальному состоянию. Ржавый замок неохотно поддался и она оказалась рядом с мужчиной на мостовой. Они молча пошли вдоль дороги. Лукас, казалось, был погружен в свои мысли, но девушка заметила, что он украдкой наблюдал за ней. В нерушимой тишине он открыл дверь своим ключом, впустил ее в дом и зажег свет в темной прихожей. Стараясь не смотреть на него, она направилась прямо к лестнице, немного нервно пожелав ему спокойной ночи через плечо, но он ничего не ответил. Дойдя до второго пролета, она увидела, что он все еще наблюдает за ней, стоя на том же самом месте, а его лицо и одежда покрыты дорожной пылью. Она поспешила скрыться в темноте верхнего этажа, радуясь возможности спастись от этого пугающего взгляда. Что заставило его вернуться так рано? Почему он смотрел на нее так странно, словно бы никогда не видел ее прежде? Ни на один из этих вопросов она не могла найти ответа; неопределенность пугала ее и за окном успел забрезжить рассвет, прежде чем она провалилась в тревожный сон.

Она как раз заканчивала свой поздний воскресный завтрак, когда дверь отворилась и на пороге возник Лукас.

- Я бы посоветовал вам, - начал он, - сменить свое муслиновое платье на что-нибудь более старое, вроде той юбки, а также надеть шляпу, которую не сдует ветром, и потом, если вы будете хорошей девочкой, я возьму вас в маленькое путешествие.

Вероника с непониманием уставилась на него; в какой новый психический опыт он намеревался погрузить ее? Он ответил ей веселой улыбкой.

- Вам не кажется, что мы заслужили небольшой отдых? - спросил он. - Вас когда-нибудь катали на заднем сиденье мотоцикла? Это очень весело, уверяю вас. Я думаю, мы съездим на ланч в Брайтон и послушаем концерт или что-то в этом роде, а потом вернемся обратно в вечерней прохладе.

Вероника продолжала молча смотреть на него и мужчина помрачнел.

- Что, как вы думаете, я намереваюсь с вами сделать, перерезать вам глотку? - спросил он резко.

- О, нет, - ответила Вероника, - Я... Я просто не очень понимаю.

- Ну так поймите и идите собираться, - ответил он и, развернувшись, вышел из комнаты.

Его мучило ощущение, что что-то было не совсем правильно. Не так должно было начаться их маленькое путешествие; а когда Вероника на свинцовых ногах, словно под принуждением, появилась на лестнице десять минут спустя, это ощущение лишь усилилось. В полной тишине она взгромоздилась на багажник, следуя его инструкциям, но ей пришлось дважды приказать застегнуть на талии кожаный ремень.

- Если вы этого не сделаете, вы свалитесь на первом же углу, - сказал он рассерженно, резким рывком заводя двигатель, что заставило ее выполнить его команду. Вероника мертвой хваткой вцепилась в него и закрыла глаза, когда они лавировали в трафике главной дороги; чуть позже она открыла их, обнаружив, что встретилась взглядом с женщиной, стоявшей на пешеходном островке посреди улицы. Лицо ее показалось ей знакомым, но Вероника не сразу узнала ее. Однако что-то в ее неодобрительном взгляде воскресило в ней мысли о колледже и она вспомнила, что женщина, строго осматривавшая ее, была секретарем женского отделения. Она была близкой подругой управляющей общежитием и Вероника ничуть не сомневалась в том, что ее приключения становились предметом сплетен, когда эти две подруги встречались за чашкой чая. Она передернула плечами. Что бы ни случилось с ней теперь, она сама будет в этом виновата; в соответствии с кодексом колледжа, ни одна девушка не должна вступать ни в какие социальные отношения с мужчиной-работодателем, даже в более мягкие; если она так поступает, то может рассчитывать лишь на себя при возникновении проблем и не ждать никакой помощи со стороны; а Вероника, которая итак уже ввязалась в проблемы, теперь еще и держала Лукаса за талию и ехала с ним на пикник. Двери службы занятости их колледжа теперь были закрыты для нее, если судить по взгляду секретаря; несомненно, за Лукаса бились все самые яркие звезды их курсов.

Вероника отпустила хватку и теперь сидела, ни за что не держась.

- Ради всего святого, держитесь. Вы сломаете себе шею, если не будете держаться, - рассерженно воскликнул Лукас.

- Мне все равно, - ответила Вероника, - В сущности, я даже буду этому рада.

Он оглянулся и, схватив ее безвольно повисшие руки, поместил их на ремень.

- Мы оба сломаем себе шеи, если вы не будете осторожны, - сказал он и мотоцикл вновь устремился вперед.

Тишина была нарушена лишь тогда, когда они взобрались на вершину первого из холмов, охранявших Лондон на юге, и начали долгий спуск в долину.

- Вам нравится? - спросил он сидевшую позади девушку, оглянувшись через плечо, но поскольку в ушах ее гудел ветер, она не услышала вопрос. Однако он подумал, что она промолчала специально, и направил мотоцикл вниз, отпустив тормоза и разогнав двигатель, как если бы намеревался отправиться вместе с ней в вечность.

Внизу он остановился, слез с мотоцикла и, встав посреди дороги, посмотрел на Веронику с неестественным блеском в глазах.

- Вы планируете вести себя так весь день? - спросил он.

Вероника вновь удивленно уставилась на него. Это был совсем другой Лукас, вовсе не тот, с которым она имела дело прежде, и он не вызывал в ней никакого страха. Этот Лукас был человеком.

- Я не понимаю, о чем вы.

- Ах, о чем я. Вы собираетесь дуться на меня весь день?

Вероника взглянула на сомкнувшиеся над их головами ветви деревьев и проглядывавшее сквозь них голубое небо. Последняя ее надежда рухнула, двери последнего убежища закрылись для нее и, что было довольно странно, ее страх теперь тоже растворился.

- Все происходящее мне безразлично, - ответила она. - Вы можете делать со мной все, что вам нравится, даже убить меня, я не стану возражать.

- Вы настолько ненавидите меня?

- Да.

- Но почему?

- Из-за того, что вы делаете со мной. Я не могу этого объяснить, но вы прекрасно понимаете, о чем я.

- Что я с вами делаю?

- Я не знаю. Я ведь даже не знаю, чего вы добиваетесь, но понимаю, все это неправильно и вы не имеете права так поступать. Уж это я знаю точно.

- А, так вы одна из тех, кто считает, что это незаконно — проникать на чужую территорию?

- Не знаю, о чем вы, но я понимаю, что ваши действия неправильны.

- Но ведь вы даже не знаете, почему я делаю это.

Она посмотрела на него с удивлением, поскольку тон, с которым он это произнес, был ей раньше не знаком.

- Послушайте, Вероника, я охочусь за одной важной вещью, настолько важной, что не могу даже рассказать вам о ней; она очень много для меня значит и я не могу получить ее никаким иным способом. Оставайтесь со мной, помогите мне довести это дело до конца, и я обещаю, вы никогда об этом не пожалеете. Прошу вас, Вероника.

Похоже, теперь они поменялись местами. Равнодушный диктатор Лукас теперь умолял ее помочь и в ее силах было или дать ему желаемое, или отказаться! Почему она соображала так медленно? Она не могла даже найти слов для ответа.

Мужчина заговорил снова.

- Хорошо, я скажу вам, что я ищу. Я ищу знаний, Вероника. Знаний, с помощью которых я смогу изменить мир. Если я получу эти знания, я смогу заставить нации отказаться от оружия, я смогу заставить власть провести социальные реформы, я смогу сделать все, что угодно, и мне уже удалось кое-что добыть — а те идиоты, которые обладают этими знаниями, никогда не смогут извлечь из них никакой пользы и не позволят сделать этого мне, хотя я имею на это полное право — я могу извлечь из них пользу — но мне нужно их сначала получить. Вот почему мне приходится их красть, Вероника, ведь я могу ими правильно воспользоваться, а они нет.

- Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Лукас, - ответила Вероника, - И я не знаю, чего вы на самом деле хотите, но я думаю, что они правы, не позволяя вам получить желаемого. Я бы тоже не доверяла вам на их месте.

Лукас охнул. Все-таки он был человеком и его человеческие чувства невозможно было полностью отбросить, а эта атака, предпринятая маленькой Вероникой, которая все это время ходила рядом, как мышь, и редко отвечала даже на прямые вопросы, застала его врасплох.

- О чем вы? Почему вы не стали бы мне доверять? Что я такого сделал, что заставило вас так говорить?

- Я не знаю, что вы мне сделали, но это знаете вы; и я знаю, что это мне вредит, и вы знаете это тоже; но вы думаете, что если я не могу толком объяснить, куда вы ввязались, то я ничего не подозреваю. Я могу чего-то не знать, мистер Лукас, но я все чувствую. Я почти что ощущаю запах вашей ошибки и я знаю, что и сами вы ошибочны; вы не только поступаете неправильно, вы сам — неправильный.

- Что вы имеете в виду? Что вам известно?

- Мне ничего не известно. Я не говорю, что что-то знаю, но я прекрасно все чувствую, и я чувствую, что вы не один из нас.

- Много правды говорится в невежестве. А если я не один из вас, то что же я тогда такое?

- Я не знаю, чем вы можете быть. Я знаю только, что вы другой. Если бы я сказала какому-нибудь другому мужчине «Вы вредите мне», он бы остановился, но если я скажу это вам, вы лишь скажете «Не поднимайте шум». Вы чувствуете все иначе, совсем не так, как мы. Мне кажется, вы идете каким-то другим путем.

Лукас посмотрел в лесную тень ничего не видящим взглядом. Последовала долгая пауза.

- Да, все почти так и есть. Я иду другим путем и я ужасно одинок. Я никогда не осознавал этого прежде. Вот в чем была причина проблем все это время. Нет ни одного человеческого существа, которое могло бы понять, куда я иду и с которым я мог бы обсуждать эти вещи. Я иду абсолютно один. А даже если кто-то идет путем левой руки, ему все равно нужен попугайчик. И видит Бог, я найду его! - и он схватил Веронику за руку. - Вы пойдете со мной, Вероника. В вас есть способности. Ваша природа так проста, что кажется почти примитивной. Еще совсем немного и вы совсем одичаете. Я отведу вас к Пану. Я приведу вас на Зеленый Луч. Ваш бледно-зеленый природный цвет и мой оккультный темно-зеленый составят вместе полный спектр Зеленого Луча. Пойдемте со мной, Вероника. Я обещаю вам власть, я обещаю вам жизнь! Вас ждет не замкнутое существование в цивилизации, но жизнь на свободе, такая же, какой жили язычники. Скажите, что вы пойдете со мной, Вероника!

Лицо мужчины начало светиться, зрачки расширились и превратились в океаны бескрайней тьмы, а на смуглой коже выступил румянец. Стоило Веронике взглянуть в эти глаза, как их очарование, как обычно, начало ее притягивать; но теперь они не пугали ее, а источали поток силы, которая ускоряла в ней жизненные процессы и заставляла ее струиться ему навстречу. Пока он говорил, лесные сумерки, казалось, озарились золотистым сиянием; теперь вокруг были не очертания темно-зеленого леса, но светящееся зеленое пространство. До нее донесся слабый свит, похожий на разлитый в воздухе звук мельчайших свирелей, еле слышимый, наполовину вымышленный. Было ли это ощущение вызвано упоминанием Пана, были ли все эти вещи только лишь ее воображением? Что-то обнаженное, нечеловеческое, но при этом наполненное жизнью больше, чем любое человеческое существо, скользило от куста к кусту позади нее, все больше и больше приближаясь; звук маленьких свирелей становился все яснее; маленькие острые копытца стучали по опавшей листве, и свет отражался в зеленой чаше, словно огонь в опале. Нечто почти поравнялось с ее локтем, начав взывать к ней, взывать и взывать, и казалось, что еще минута, и она бы пошла за ним напрямиком в зеленую чашу, чтобы больше никогда не вернуться обратно, ибо там бы ее похитили феири. Но ведь какую-то подобную историю о детях, оставленных без присмотра и украденных ими из колыбелей, рассказывала ей в детстве няня? И детей важно было крестить именно для того, чтобы феири не смогли их украсть. Но она была крещеной и феири никак не могли ей навредить. Что же тогда за маленькие паноподобные существа дергали ее за юбку? Они не были людьми. Ей нечего было делать среди них. К тому же ее крестили. Она знала молитвы. Она вспомнила, как стояла на коврике перед кухонным камином, читая их перед своей старой няней. Она вспомнила, как учила свою самую первую молитву, которая начиналась со слов «Милостивый Иисус, кроткий и добрый, обрати свой взор на маленькое дитя».

Сделав резкий вдох, словно пловец, вынырнувший на поверхность, Вероника обнаружила, что стоит посреди пыльной, асфальтированной дороги, а над ее головой смыкаются кроны деревьев и с них опадают первые засохшие листья. Перед ней все также стоял мужчина, но лицо его приобрело странный серый оттенок, а на лбу выступил пот.

- Подержите это, - сказал он, и, передав ей тяжелый мотоцикл, отшатнулся к обочине, уселся на землю и закрыл лицо руками.

Вероника стояла, совершенно беспомощная, кое-как удерживая тяжелую машину и гадая, что же могло произойти с Лукасом, ведь он выглядел так, как если бы пережил какой-то кошмарный шок. Сама она чувствовала себя на редкость спокойно и разум ее впервые за долгое время прояснился. Казалось, что ее способности, канувшие в небытие в ту пору, когда она начала работать с Лукасом, вновь вернулись к ней.

Наконец, он поднял голову и посмотрел на нее.

- Я не знал, что вы под защитой, - сказал он, - Сегодня впервые проявились хоть какие-то признаки этого.

Он встал, подошел к ней несколько неуверенным шагом, забрал у нее мотоцикл и зафиксировал его на стойке.

- Давайте присядем, - сказал он, ведя ее к траве у обочины. - Скоро поедем дальше.

Какое-то время они посидели в тишине, а затем Лукас, не глядя на нее, спросил:

- Вы понимаете, что вы со мной сделали?

Вероника помотала головой.

- Нет, вы ничего не знаете, да? И все же я сильно удивлен, что вы знаете намного больше, чем вам кажется.

Между ними снова повисла тишина.

Потом мужчина заговорил снова, все еще не глядя в ее сторону.

- Я хочу рассказать вам одну историю. Историю про одного мужчину, жившего когда-то в Риме, Древнем Риме, который, будучи еще мальчишкой, оказался на вилле своего дяди, поскольку остался сиротой. Он был обручен со своей кузиной, девчонкой, которая была намного младше него; и хотя в его жизни была скрытая сторона, он всегда возвращался обратно на виллу, ведь он слишком сильно заботился об этой девчонке, гораздо сильнее, чем она могла бы понять в силу возраста, ибо в те дни они женились слишком рано. Он изучал искусство Мистерий и однажды отправился в Элевсин, чтобы принять инициацию, надеясь, что когда он вернется, они смогут пожениться. Но когда он вернулся, то узнал, что она приняла христианство, а он, согласно правилам ее новой веры, был ужасным человеком, и она конечно же не вышла за него. Так он потерял лучшее, что было в его жизни, то, что было его якорем, и погрузился в темную сторону Мистерий. Он воскликнул «Зло, стань же тогда ты моим богом!», и зло приняло его в свои объятия.

Между ними снова повисла тишина, но в этот раз ее нарушила Вероника.

- Что с ней стало потом? - спросила она.

- Монашества в те дни еще не существовало, так что она стала одной из тех, кто помогал бедным христианам и спасла многие души. Но его душу она спасти не сумела, ее она потеряла. Так что за вами должок, Вероника.

Глава 9.

Прошло еще немного времени, прежде чем Лукас восстановился и они сумели продолжить путь, но даже и теперь он все еще казался потрясенным, ибо ехал с куда большей осторожностью, чем обычно. В результате они прибыли в Брайтон позже, чем планировали, и закончили с поздним обедом как раз вовремя, чтобы успеть занять места на пирсе и послушать концерт.

Со своих мест они могли видеть проплывающие на горизонте пароходы и наблюдать за всем оживленным судоходством по Ла-Маншу, самому популярному водному маршруту в мире; Лукас совсем не слушал музыку, уставившись на тенистую процессию морских судов ничего не видящим взглядом. Девушку, сидевшую рядом, он не воспринимал как физическое существо, видя в ней только лишь душу, путешествующую сквозь века ради некоей цели, известной лишь ей одной и идущую путем, с которого он не мог ее увести. Она шла дорогой своей расы; каждый раз, когда он думал об этой проторенной тропе, которую его земляки выбрали своей верой, ему представлялось стадо овец в овраге; мохнатые спины впереди идущих маячили перед их пустыми глазами и их выносливые маленькие копытца стучали, стучали, стучали по неровной дорожке, которая заканчивалась бойней. Ему казалось, что сам он был козлом стада Измаилова, свободно живущим в горах вместе со своим Темным Мастером. И когда он попытался спасти своего маленького ягненка и вытащить его из стада, то огромный посох отбросил его назад.

Но что за сила могла вмешаться? Если бы это был один из наказующих лучей его Ордена, он бы сразу его узнал, но это была совсем другая сила, не знакомая ему прежде. Она сокрушила его, заставив ощутить неуверенность в собственном пути и засомневаться в своей цели. Он взглянул на девушку, сидевшую рядом с ним; у нее было нежное круглое лицо, что часто встречалось среди английских девушек, но его отличало выражение безмятежной абсолютной расслабленности. Это лицо было настолько умиротворенным, словно бы его обладательница только что пробудилась от глубокого сна; напряженность и затравленность, отражавшиеся в ее взгляде на протяжении последних нескольких недель, теперь ушли, уступив место нерушимому спокойствию; некая сила, прошедшая сквозь нее, оставила на ней свою печать. Он сосредоточенно изучал это лицо, пытаясь понять, в чем ее секрет. Он знал, что Вероника ничего не сказала бы ему, сколько бы он ни просил ее об этом, но не потому, что не хотела, а потому что не смогла бы облечь своих мыслей в слова. Она скорее была из чувствующих людей, чем из мыслящих.

Мужчина оторвался от созерцания ее лица и вновь задумался о возникшей проблеме. Она была идеальным инструментом, слишком хорошим, чтобы потерять ее, но теперь с ее использованием могли возникнуть проблемы. Внезапно, когда он уже совсем поверил в то, что она полностью подчинилась его воле, через нее прошел один из тех потоков невидимой силы, с которыми сталкивается любой, кто погружен в оккультизм, и Лукас был нокаутирован им, словно боксер, получивший удар прямо в солнечное сплетение.

Он прекрасно понимал, что это значит. Как и все изучающие скрытую сторону вещей, он верил в реинкарнацию и знал, что каждая душа, которая этого жаждет, рано или поздно находит дорогу в то или иное большое оккультное братство; потом, жизнь за жизнью, она постоянно возвращается в его тень, ибо «однажды Посвященный остается таковым всегда», и точно также, как он мог пользоваться силой, скрытой в его Братстве, так и Вероника в момент опасности могла найти силу в тени того общества, под защитой которого она находилась, и сила эта была ему незнакома. Он стал усиленно просматривать прошлое, пытаясь найти хоть какую-нибудь подсказку, которая могла бы ему помочь. Как и все оккультисты определенного градуса посвящения, он помнил свои прошлые жизни также, как другие люди помнили свое детство, и хотя они казались смутными и отдаленными, они, тем не менее, не становились менее реальными; но хотя, как и ребенок, он помнил тех людей, которых встречал в те далекие дни, он не всегда узнавал их, когда они вновь появлялись перед ним в своем настоящем обличье.

Он проклинал себя за то, что не понял сразу, что процессом выбора руководило нечто большее, чем простое рациональное суждение, когда из целой комнаты женщин он выбирал одну и только одну для использования ее в своей опасной затее; нисколько не раздумывая, не сравнивая кандидатов между собой, он решительно указал на одну из них и произнес «Пойдемте».

Он пытался проанализировать те чувства, которые испытывал на протяжении последних нескольких недель. Медленно, но верно девчонка привязывала его к себе. То, что она делала это совершенно ненамеренно, он, бесспорно, признавал, но тем не менее связь их была вполне реальной. Да, он сам создал для нее ошейник с цепью, но если ошейник должен был всего лишь украшать ее шею, то скоба прикрепленной к нему цепи оказалась вживлена прямо в его душу. Он, человек, посвятивший себя Пути левой руки, человек, работавший с силами разрушения и разделения, теперь был вовлечен в водоворот обычных человеческих чувств.

Он часто воскрешал в памяти ту свою Римскую жизнь: вспоминал белую виллу и говорил с кроткой девчонкой, живущей на ней, и следуя дальше по цепочке воспоминаний, просматривал другие жизни, в которых они были жрецом и жрицей и участвовали в мистериях многих времен и народов, вплоть до жизни в древней Атлантиде с ее тусклой зарей познания и служением Солнцу. Несомненно, ту цепь, что ковалась от века к веку, нельзя было не принимать в расчет; в зависимости от причин ее возникновения, могла запуститься такая цепочка событий в этом воплощении, какой обычный человек не мог бы себе и представить; если бы он мог оценить эти силы, он смог бы составить очень ясное представление о тех условиях, в которых ему придется справляться с возникшей проблемой, и он возненавидел себя за то, что все его знания не помогли ему избежать этой кармической ловушки. Когда он уже почти было достиг главной цели своей жизни, в нее ворвались силы забытого Римского лета, угрожавшие свести на нет все его усилия.

Лукас мысленно пробирался вперед сквозь жизни, от глубокого прошлого к настоящему, пытаясь проследить ход событий, которые начались далеко не в этом воплощении, чтобы вывести хоть какие-то закономерности. Он не узнал в Веронике души, с которой его пути уже пересекались в прошлом (а когда оккультист говорит «прошлое», он имеет в виду всю свою эволюцию, а не прошлое той инкарнации, которую он проживает сейчас). В той душе была огромная сила и величие, но в Веронике ничего подобного не наблюдалось, да и, кроме того, она была самым настоящим ребенком. Он не увидел никакого решения, пока не дошел до Римской инкарнации, яркие образы которой, всплывшие перед его мысленным взором в тот самый момент, когда он испытал тот шок на дороге, стерли черты нынешней Вероники, наложившись на ее образ также, как накладываются друг на друга кадры в сложной

фотографии, и открыли ему иной слой реальности, так тесно переплетавшийся с его собственной судьбой. И все же бледно-розовое существо, которое сидело рядом с ним и которому он с радостью надрал бы уши, не проявляло ни намека на силу и величие, хотя и все также удерживало его рядом с собой.

Лукас нервно заерзал на своем стуле. Если она была той самой женщиной, с которой он работал в прошлом, ибо ничего другого предположить было нельзя, то проблему следовало искать в той Римской инкарнации, и поскольку ему не удалось найти ключа к разгадке, размышления его зашли в тупик.

Он тронул Веронику за руку.

- Если вы послушали музыку, то давайте попьем чай и поедем домой.

Она согласилась, молча и безропотно, как и всегда, и они, или, вернее, он, ибо она не принимала в этом никакого участия, стали искать чайную, где можно было перекусить. Она безмерно раздражала его, находясь в таком настроении. Он чувствовал себя человеком, который жестоко обращался с собакой, когда они были наедине, а она, когда они оказывались в обществе, выдавала его секрет всему человечеству, демонстрируя привычное раболепие. Пытаться заставить Веронику вести себя по-другому означало окончательно ее сломать; подбодрить ее тоже было невозможно.

Но разум Вероники не был настолько пассивен, как ему казалось. Она усиленно размышляла о случившемся на дороге. История, которую он рассказал ей, хоть и была на самом деле довольно банальной, произвела на нее весьма сильное впечатление и изображения сцен прошлого непрерывно возникали перед ее мысленным взором. Она видела белую виллу, субтропические сады, волов у колодезного колодца и возделывавших виноградники рабов также ярко и ясно, как и свой дом в Суррей. Конечно же та девушка отказала возлюбленному, но что еще ей оставалось делать? Их пути разошлись и они не могли остаться вместе. Но она не забыла его, Вероника была в этом уверена; нет, она вспоминала своего темного римского патриция, когда помогала городским изгоям, находясь не больше, чем на расстоянии одной мили от него, если использовать человеческие мерки, но поскольку теперь они смотрели в разные стороны, то больше никогда не видели друг друга.

Правильно ли она поступила, избежав искушения и оставив его? Весь дух той эпохи располагал к праведности и побуждал сбежать от мира и с его оскверняющим воздействием, но разве мир, лишенный своей живости, не начал скатываться ко все большему и большему злу? Впервые в своей жизни Вероника больше размышляла, чем чувствовала, и столь непривычный опыт по-настоящему ошеломил ее. Она повернулась к Лукасу, чувствуя, что нуждается в его поддержке, и обнаружила, что мужчина внимательно смотрел на нее. Резко, не задумываясь, она задала вопрос, возникший в ее голове:

- Как его звали?

И ответ последовал также быстро, как если бы до этого они и вправду обсуждали эту тему.

- Юстиниан. Он был назван в честь генерала, которому служил его отец.

- А ее?

- Вероника, как и вас. (Чертов дурак, как я не понял этого сразу), - добавил он с выдохом.

- Что стало с ними... потом?

- Он стал учеником одного из величайших темных магов эпохи, а когда его тело изнашивалось, а это произошло довольно быстро, он взял себе другое и продолжил свое обучение. Позже он родился в Авиньоне во времена расцвета ведьмовства и был сожжен на площади вместе со многими другими людьми.

- Его сожгли, когда она была монашкой?

- Откуда вы знаете, что она была монашкой?

- Разве не вы сказали мне об этом?

- Я не говорил ничего подобного. Я потерял ее из виду сразу после того, как покинул сад.

- Прошу прощения. Почему-то я решила, что она стала монашкой. Но что было дальше?

- Его сожгли за колдовство, я же сказал вам.

Он пристально посмотрел на нее.

- А потом?

- Почему вы думаете, что было какое-то потом? Мужчина умер.

Вероника выглядела озадаченной. Она была настолько уверена, что история еще не закончилась, что совершенно забыла о том, что смерть завершает любую жизнь, а Лукас, узнав все, что было ему нужно, умело переключил ее внимание на другие вещи.

Глава 10.

С этого дня отношения мужчины и девушки сильно изменились, ибо ни один из них еще не пробудил в себе прежних сил, хоть они и оставались в них спящими. Девушка обнаружила, что интуитивно понимает цели и мотивы мужчины, который прежде казался ей таким странным, и хотя она все еще была настроена довольно враждебно, она перестала бояться его, и симпатия, произрастающая из понимания, незаметно для нее самой начала расцветать на задворках ее разума.

Мужчина, со своей стороны, с опаской наблюдал за тем, как будут разворачиваться события. Причины прежних поступков уже вырвались из прошлого, но когда и как они могли сказаться на настоящем, он не знал; поэтому он погрузился в работу, которая не допускала никаких душевных терзаний, ибо он должен был закончить со своими исследованиями и трансовыми опытами до того, как карма придет в действие, иначе одним небесам известно, какие проблемы могут возникнуть с этим делом. Более того, он все еще ничего не знал о природе сил, которые вступились за Веронику на дороге. Почему они не проявили себя раньше, когда он отправлял Веронику на опасные задания? Когда они решат вмешаться снова? Теперь, когда она обнаружила их, всегда ли они будут здесь присутствовать? На все эти вопросы он

пока не мог себе ответить, а потом уже могло стать слишком поздно.

Однако он решил продолжать с трансовой работой и четыре ночи подряд отправлял Веронику в астральные путешествия. Прежде он так не рисковал, заставляя ее настолько перенапрягаться, но теперь он не мог медлить, ведь карма могла вмешаться в это дело в любой момент. Так что ей приходилось покидать тело и если бы она однажды не смогла вернуться, тем было бы лучше для него, ведь он освободился бы от старых проблем, по крайней мере, на весь остаток данной инкарнации.

Столь продолжительная трансовая работа сильно сказывалась на девушке. Станный мир, в который она проваливалась, переступая порог сознания, постепенно становился ей знакомым, и теперь она могла вспоминать о нем в нормальном состоянии.

Никогда больше, с момента происшествия на дороге, ей больше не было страшно, ибо она знала, что на той стороне она сразу же испытает ощущение Присутствия и оно будет с ней до тех пор, пока она не вернется. О природе этого Присутствия она ничего не знала, но ее отношение к Нему, вдохновенное, вне всякого сомнения, ощущением силы Его личности, было похоже на отношение ребенка к строгому, но любимому учителю.

Хотя ее первое погружение в сферу невидимого так и осталось чистым листом в ее памяти, все последующие погружения казались ей невероятно реальными. Воспоминания, поначалу обрывочные и неполные, начали складываться в видимый и понятный узор. Она была уверена, что присутствовала на великих ритуалах, но они сильно отличались от того, что она раньше понимала под этим словом, а именно церковных служб, на которых один человек проводил ритуал для блага всей паствы, ведь здесь ритуал проводился многими людьми для блага кого-то одного.

Хотя каждое такое погружение и отличалось от других, в них все же можно было обнаружить нечто общее. Во-первых, после полета сквозь сине-черный космос, она видела сияние расцвета вдалеке и душа ее, по всей видимости, настраивалась на него также, как настраивалась на определенную цель торпеда, и устремлялась к нему всем своим существом. Затем она понимала, что свет исходит из определенного места, огороженного барьером, но таким барьером, какого она никогда не видела на земле, ибо его стены не были неподвижными и постоянно вращались, чем-то напоминая ленточную пилу, и блики света отражались от их медленно двигавшихся поверхностей. Ей казалось, что ее душа никак не сможет справиться с этим барьером, но затем под воздействием мощного, хотя и несколько судорожного усилия извне она поднималась выше и оказывалась по ту сторону преграды. Там она, словно бы во сне, медленно плавала в пространстве; до нее доносились слабые и отдаленные голоса; изображения, маленькие и как будто бы видимые сквозь плохо настроенный театральный бинокль, возникали перед ее взором; а потом начиналось что-то странное. Ей казалось, что существовал некий тонкий серебряный шнур, соединявший ее душу с телом, оставшимся под присмотром Лукаса, и по этому шнуру душа передавала все полученные ей впечатления на другой конец, в бессознательный разум, который заставлял ее тело воспроизводить их. Слова, которые она слышала, стимулировали рефлекторную активность голосовых связок ее далекого горла, а действия ведущего церемонии повторялись ее пустой телесной оболочкой. Во всем этом ее сознание не принимало никакого участия и ей казалось, что она лежит на глубине, под толщей голубой воды, и отстраненно наблюдает за тем, как ее душа получает какие-то сведения и передает их в мозг. Как будто бы ее тело, лишенное способности ощущать, лишенное воли, оставалось с Лукасом, а ее способность к ощущениям, отделенная от эмоций, оказалась по ту сторону барьера; но сама она, ее сознание, все то, что и было ей на самом деле, растворялось где-то, где не существовало ни

времени, ни пространства, осознавая одновременно и то, что делало ее тело, и те ощущения, которые возникали за барьером, но не была при этом соединена ни с тем, ни с другим.

Но постепенно все начало меняться; по мере накопления опыта скрытая сторона вещей становилась все менее незнакомой для нее и после того, как она ощутила Присутствие в происшествии на дороге, ее уверенность в себе, когда она находилась вне тела, стала возрастать; она больше не чувствовала себя оторванным листом, который кружили ветры космоса, но управляла своим полетом самостоятельно и, ведомая естественным любопытством, все сильнее и сильнее концентрировалась на тех сценах, которые разыгрывались перед ее взором, так что со временем все большая часть ее личности проникала вместе с ее образом на другую сторону барьера и в результате на пятую ночь непрерывных трансовых опытов сцена ее сна стала совершенно реальной и материализовалась перед ее глазами, и она обнаружила, что стоит на широком мощеном тротуаре в окружении людей в капюшонах и смотрит прямо в глаза одному из них, тому, который сидел на возвышении за алтарем. Какое-то время они просто смотрели друг на друга, удивленные внезапной встречей, но затем, поднявшись со своего места, человек в капюшоне указал на нее пальцем и провибрировал странное Слово, не предусмотренное ритуалом. Грохот, раздавшийся в этот момент, был похож на грохот тысячи землетрясений; казалось, наружу вырвались молнии, буря и гром, чтобы вместе обрушиться на нее. Нечто вроде черной волны подхватило ее и понесло прочь, словно соломинку во время наводнения. Задыхаясь, утопая в этих черных водах, она, в большей степени разумом, чем глазами, осмотрелась в поисках Присутствия, которое всегда было рядом с ней, и как только она это сделала, то сразу же ощутила, что оно подхватило, приподняло и вытащило ее из водоворота, а затем, высадив ее на берегу, громогласно сказало:

- Возвращайся, дочь моя, и Мы закроем за тобой врата. Не пытайся войти в них снова, пока Мы сами не призовем тебя.

Все ниже и ниже падала ее душа с прежних высот, пока, наконец, с немалым шоком и стоном не ворвалась в собственное тело в полном сознании; позади нее с грохотом опустилось нечто среднее между гильотиной и подъемной решеткой, и она скорее почувствовала, чем увидела, как огромная Рука совершила знак Крестного Знамени.

Она лежала на спине на полу, а Лукас давил коленом на ее грудь и сжимал ее запястья.

- Боже мой, - сказал он, - Как же вы сильны! Я думал, что не смогу вас удержать. Что случилось?

Вероника осмотрела синяки на своих запястьях и, собравшись с мыслями, рассказала ему о произошедшем все, что смогла вспомнить. К концу ее рассказа лицо его стало пепельно-серым.

- Как вы думаете, тот мужчина, которого вы видели, запомнил ваше лицо?

- Он довольно долго смотрел на меня, - ответила Вероника.

- Тогда вам следовало бы обратиться отсюда прямо сейчас и мы спишем все на сплетни Эшлоттов.

Он прервался, а затем продолжил говорить, как будто бы обращаясь к себе самому.

- Но что, ради всего святого, мне с ней делать? Я не могу отпустить ее, нет, я не смогу этого сделать.

Пауза.

- Точно, рыбацкая будка генерала. Спрячу ее там. За ней приглядит смотрительница. Она глухая, как пень. Делает, что говорят и не задает вопросов. Она знает, что я помогаю ему. Будет молчать, если ей заплатит. Сколько времени? Четверть двенадцатого. Ни одного поезда этим вечером. Завтра воскресенье, будь оно проклято; ни одного поезда в это богом забытое место. Мне придется самому увезти ее. Сто двадцать миль. Заседание совета завтра в десять; его нельзя пропустить. Двести сорок миль, если туда и обратно. Успею ли я? Должен.

Затем он, кажется, очнулся. Он подошел к шкафу, стоявшему в углу, и, порывшись на нижней полке, достал пыльный вещевой мешок.

- Сюда, Вероника, вы сложите всё, что в него поместится. Возьмите ночную сорочку, расческу и принадлежности для ванной, этого будет достаточно на первые дни. Я привезу вам ваши вещи позже. Поторопитесь.

- Но Мистер Лукас, что все это значит? Что вы собираетесь со мной сделать?

- Не задавайте вопросов, торопитесь, - и он, схватив ее за плечи, вытолкнул ее из комнаты. - Наденьте самое теплое пальто, - крикнул он ей вслед.

Заразившись его настроением, она не стала медлить с выполнением его приказа, однако он быстрее переоделся в мотоциклетную форму и уже нетерпеливо ждал ее в коридоре, когда она спускалась.

- И это самая теплая вещь, которая у вас есть? - воскликнул он при виде тонкой накидки на ней. - Вот, возьмите это, - и схватив старый плащ, неизменно висевший при входе, он надел его на нее, застегивая и оборачивая его вокруг нее так, как если бы одевал ребенка. Он был настолько грязным, насколько вообще может быть грязным мужской макинтош, и пропах сильным трубочным табаком, который тот всегда курил, и Вероника, закутанная в жесткую ткань с головы до пят, чувствовала себя так, как если бы каким-то странным образом была окутана личностью этого человека.

Молча, как и всегда, она вышла следом за Лукасом в душную Лондонскую ночь в этом тяжелом пальто, давившем ей на плечи. От быстрой ходьбы Вероника задыхалась под его весом, пока они, наконец, не пришли в конюшню, где он оставлял мотоцикл. Он отпер грубую дверь и вывез мотоцикл наружу. Рев его двигателя эхом разнесся по округе и он, яростно проклиная его, привязал к себе Веронику и выехал со двора, прежде чем она успела поймать равновесие. Они так быстро летели по широким пустым ночным улицам, что уже совсем скоро Вероника ощутила прикосновение свежего воздуха к своему лицу и увидела очертания Хэрроу на холме слева.

Ветер, который освежал их, когда они выбрались из каменного города, теперь, на холме, резал их, словно нож. Никогда, до самой смерти своей не забудет Вероника этой поездки.

Лукасу нужно было преодолеть двести сорок миль менее чем за десять часов, а он еще хотел отдохнуть и перекусить перед обратной дорогой, ибо если бы он пришел на встречу совета смертельно уставшим, это вызвало бы множество вопросов, поэтому он должен был преодолевать в среднем тридцать миль в час и ехать по любому бездорожью, выжимая больше сорока там, где этого позволяли обстоятельства. Вероника цеплялась за него, словно глупая мартышка, и подпрыгивала на каждой кочке, а Лукас, стиснув челюсти, молился, чтобы удача не подвела его, ибо он не успел бы остановиться, если бы в свете фар вдруг возникло какое-нибудь препятствие.

Они все ехали и ехали, и открытая выхлопная труба ревела рядом с лодыжкой Вероники, а кочки, казалось, вытрясли из нее всю душу. Наконец, темнота начала проясняться и вдалеке показались очертания зданий, и Лукас, выключив фары, ехал дальше в призрачных сумерках, в которых было что-то очень и очень тревожное.

Рассветное солнце застало их на вершине холма, под которым лежала окутанная туманом долина. Впервые с тех самых пор, как они начали эту безумную гонку, Лукас нарушил молчание.

- Это Бекерин, - сказал он, и они направились вниз сквозь редкий лес.

Они проехали по сонной, беспорядочно раскиданной деревушке и пересекли широкую мелководную речушку по горбатуму мосту; потом, свернув на ухабистую поселочную дорогу, они еще с милю ехали по извилистому речному берегу. Толстые, неухоженные деревья смыкались вокруг них, и дикий берег прерывался бухтами и мысами, мешавшими движению. Мало кто мог проехать здесь, ибо вскоре дорога превращалась в еле видимый след от телеги и шины едва удерживались на скользкой траве.

Однако внезапно дорога снова расширилась и пара кирпичных столбов, удерживающих ржавые железные ворота, показалась с левой стороны; ворота, как и опорные столбы, и все остальное на этом зловещем речном берегу, были покрыты слоем зеленой слизи. Они были заперты на огромный висячий замок, но Лукас быстро решил эту проблему, проехав через то место, где колючая проволока, защищавшая ворота, упала на землю вместе со сгнившим столбом. Всё здесь выглядело так, словно бы кто-то решил построить особняк, но у него или не хватило на это средств, или же он просто передумал.

Они проехали по широкой подъездной дороге, покрытой зеленым бархатом густо растущего мха, и Вероника, наконец, смогла размять затекшие ноги, пока Лукас стучался в облупленную дверь, дефекты покраски которой скрывала всё та же вездесущая зеленая плесень.

Ржавый колокольчик уже не звенел и Лукас, после попыток достучаться, отдававшихся эхом в тихом доме, оставил Веронику в компании мотоцикла и пошел продираться сквозь заросли кустарника в поисках заднего входа, намереваясь, как он выразился, выкопать сиделку. Выкопать было единственным словом, подходившим в этой ситуации, ибо обычного человеческого пробуждения было бы явно недостаточно.

Где-то через полчаса Вероника, измученная и до смерти напуганная этим сырым и насквозь прогнившим местечком, услышала, как кто-то идет к ней по тихому дому; громко задребезжали болты и на пороге открывшейся двери возникло резкое и несколько недовольное лицо Лукаса, а из-за его плеча выглядывала некая ведьма.

В своем кожаном гоночном шлеме Лукас, прислонившийся к мраморным пилястрам крыльца, выглядел в точности как египетский жрец, а сгорбленная фигура рядом с ним казалась каким-то странным фамильяром, которого он призвал ради выполнения своей магической работы.

Выцветший малиновый халат был накинут поверх ее невероятно грязной розовой фланелевой ночной сорочки, ибо добропорядочную даму разбудили тем, что просто закинули полкирпича в окно ее спальни. Какие объяснения были предложены этой глухой даме, так и осталось тайной, но, по всей видимости, та небольшая пачка наличности, которую она держала в своей жилистой руке, была достаточным основанием просить ее о любой помощи.

Она посмотрела на Веронику сквозь свисавшие эльфийские пряди своих седых волос и назвав ее «дорогушей», пустилась в какие-то долгие объяснения, вероятно, пытаясь извиниться за состояние дома и сада, но так как у нее совершенно не было зубов, она не смогла разобрать ни единого слова.

Лукас закончил эту приветственную речь, просто отодвинув даму в сторону, и взяв за руку девушку, находившуюся в полубморочном состоянии, повел ее в дом.

- Пойдемте, - сказал он, - В этом склепе есть одна вполне пристойная комната. Мы зажжем там огонь и это место начнет выглядеть более дружелюбно.

Он провел дрожавшую девушку по длинному коридору в комнату, которая, очевидно, служила бильярдной, хотя теперь никакого бильярдного стола там не было. Отполированный пол в ней был покрыт ковром, вдоль стен стояли низкие книжные шкафы, а с них на незваных гостей тарасились огромные лакированные рыбы. В одном углу в стойке были ружья и повсюду валялись потрепанные рыболовные снасти.

Лукас усадил Веронику в одно из огромных кожаных кресел и открыл ставни, впустив в комнату яркий утренний свет, и когда ведьма, которая двигалась с удивительной для своих лет мышинной быстротой, вернулась с пучком хвороста и разожгла огонь в огромном открытом камине, помещение сразу же перестало казаться нежилым. У окна стоял овальный стол из красного дерева, инкрустированный в духе Викторианской эпохи, и Лукас с ведьмой вдвоем подтащили его к огню. В удивительно короткий срок на нем возникли бекон, яйца и чай, и два путешественника, которые с тех пор, как вошли в этот зловещий дом, не обращали друг на друга совершенно никакого внимания, уселись завтракать.

Они не обмолвились ни словом, хоть и сидели за одним столом, пока Лукас не закурил свою привычную трубку.

- Послушайте меня, Вероника, - начал он, - Постарайтесь внимательно выслушать и понять то, что я скажу вам, потому что это жизненно важно. Мы находимся в очень непростом положении, и вы, и я. Неприятностей еще можно попытаться избежать. Но если этого сделать не удастся, тогда на нас обрушится настоящий шквал. Скоро я обо всем узнаю. Все, что от вас требуется, это остаться здесь и сидеть как можно тише. Вы не должны пытаться поговорить с этой старой дамой, как бы ее ни звали, и она в любом случае не услышит вас, и вам нельзя пытаться поговорить с кем-либо еще. Нельзя связываться со знакомыми, особенно с Эшлоттами, и это очень важно, потому как если кто-либо узнает о вашем местонахождении, вы потеряете последний шанс на спасение. Поймите, Вероника, мы находимся в смертельной опасности, мы оба.

Веронике стоило лишь посмотреть на его напряженное лицо, чтобы понять, что он говорил правду, или, по крайней мере, то, что он считал таковой, но она не чувствовала совершенно никакого беспокойства. Она боялась этого дома и была напугана всей ситуацией, но она совершенно не переживала за свою собственную безопасность. Ее компаньон, однако, видел всё совершенно в другом свете.

Лукас, каждую минуту смотревший на часы, позволил себе получасовой отдых, а затем объявил, что должен вернуться обратно. Он поднялся с кресла и стоял, глядя на Веронику, как если бы ожидал чего-то большего с ее стороны. Однако она рассеянно смотрела на него в своей обычной манере, не понимая, чего хочет от нее это странное создание.

- Вы не проводите меня? - спросил он.

Она послушно поднялась, словно собака, и пошла за ним по кафельному коридору к двери. На крыльце он остановился и внимательно на нее посмотрел. Затем он внезапно схватил ее и притянул к себе.

- Вероника, - сказал он, - У вас нет никого, кроме меня, и у меня нет никого, кроме вас; мы должны держаться вместе. Скажите, что вы останетесь со мной, Вероника?

Мягкое маленькое сердце Вероники было тронуто. Она смотрела в напряженное, уставшее и напуганное лицо мужчины, стоявшего так близко к ней; все, что было до этого, тут же забылось, ибо теперь перед ней стоял другой Лукас, изменившийся и куда более мягкий. Почти непроизвольно она улыбнулась. Лукас впервые увидел ее улыбающейся и улыбка так сильно изменила ее лицо, что он с трудом узнал в ней прежнюю девушку, и еще не успев осознать, что он делает, он заключил ее в объятия и поцеловал в губы.

Кто знает, какая магия возникает при поцелуе? Лицо мужчины изменилось куда сильнее, чем лицо девушки. Судя по его взгляду, много разных мыслей пронеслось в его голове. Потом он неохотно отпустил ее и отошел. Наполовину взгромоздившись на мотоцикл, он замер и снова посмотрел на Веронику; затем он внезапно наклонился к ней.

- Я еще вернусь, - сказал он, - Я вернусь, дорогая, чего бы мне это ни стоило. Дождитесь меня, Вероника.

Глава 11.

Звуки в холле большого дома в Блумсбери Сквер указывали на то, что члены совета уже прибывали на встречу. Их встречал дворецкий, который тоже являлся членом братства, и они, друг за другом, проходили по длинному, выложенному плиткой коридору в помещение, построенное на заднем дворе, которое задумывалось, как бильярдная, однако ныне служило ложей оккультного братства.

В офисе же секретарь этого братства подготавливал бумаги, которые касались тех дел, которые планировалось обсудить. Присмотревшись, можно было заметить, что морщины на его лице стали глубже, добавив около десяти лет к его фактическому возрасту, и что его глаза были глубоко запавшими, а веки — отяжелевшими; кроме этого, а также запыленной мотоциклетной одежды, торопливо скомканной и брошенной в угол, ничто здесь не могло бы выдать того, что он преодолел за эту ночь две сотни миль.

Подготовив бумаги, он остановился, и, открыв шкаф, стоявший рядом с сейфом, налил себе чуть больше половины стакана виски и проглотил чистый алкоголь, не запивая. К тому моменту, как он оказался в коридоре, который вел к бильярдную, морщины исчезли с его лица.

Члены совета уже собрались, и приход секретаря стал для них сигналом занять свои места за столом и начать обсуждение дел. Протокол предыдущего собрания был зачитан и подписан, и в обычном порядке стали обсуждаться вопросы текущей повестки дня; затем пришло время, когда председатель спросил «остались ли еще вопросы?» и посмотрел на лица мужчин, сидевших за столом. Каждый ответил, помотав головой, и мужчина, сидевший в дальнем углу стола, уже было вздохнул с облегчением, когда председатель вновь нарушил тишину.

- Есть одно дело, братья, которое я хотел бы обсудить с вами и совет по поводу которого был бы очень ценен для меня. Прошлой ночью в этой Ложке проводился ритуал, ритуал Седьмой Степени. Я его вел. Внезапно я заметил фигуру, материализовавшуюся посреди ложи, и несколько других братьев заметили ее тоже. Используя Слово Силы, я сумел изгнать ее и мы продолжили ритуал, но это довольно серьезная проблема, что кто-то из *непосвященных* может проникать через наложенную на комнату печать.

Присутствующие выслушали это заявление с мрачными лицами. Любо́й, кто связан с оккультной работой, понимает, насколько это серьезно; тем же, кто с предметом незнаком, достаточно будет сказать, что оккультные братства тысячелетиями охраняли свои секреты не только физически, но и ментально, с помощью тайных печатей, которые они накладывали на места своих встреч, а это было одно из самых старых и могущественных братств в западном полушарии, которое столкнулось с фактом, что какой-то чужак сумел вмешаться в работу одной из их высших степеней.

Старик с длинной белой бородой, сидевший слева от председателя, заговорил первым.

- Вы уверены, что это был *непосвященный*? Я слышал, что бывали случаи, когда член Братства, оказавшийся на Другой Стороне в результате внезапной смерти, приходил в ложу чисто по привычке, забыв о том, что у него больше нет тела.

Для постороннего человека это могло звучать, как бред сумасшедшего, но для этих людей, одинаково способных функционировать как в теле, так и вне его, и общаться как с мертвыми, так и с живыми, в этом не было ничего странного, равно как и в заявлении, что мертвый вернулся обратно или внезапно материализовался кто-то издалека; они привыкли заседать с людьми, умершими сотни лет назад, или же с теми, с кем их разделяли целые континенты. Единственное, что озадачивало их, это то, как печать на их месте встречи могла быть сломана тем, кому не дали права войти, и председатель со всей серьезностью ответил:

- Это не мог быть член Братства, потому что это была женщина.

Лукас, затаив дыхание, ждал продолжения и хотел узнать, удалось ли нарушителю материализоваться настолько явно, чтобы его смогли узнать; он не смел задавать вопросов; зрачки его глаз сузились до заостренных точек, а лицо стало неподвижным, словно маска.

Обсуждение принимало то один, то другой оборот в течение нескольких минут, и общее мнение, казалось, заключалось в том, что какой-то чужак, обладавший значительными познаниями в оккультизме, сумел взломать печать и пройти внутрь. Такого не случалось с шестнадцатого столетия, когда было совершено точно такое же проникновение в Парижскую ложу, и к этому происшествию они обратились как к примеру, который должен был

подсказать им правильный образ действий.

В распоряжении Братства был секрет использования Карательных Темных Лучей дезинтеграции, и их использование вполне допускалось в ситуациях, к счастью, довольно редких, когда его секреты оказывались в опасности и могли быть раскрыты непосвященными. Не то, чтобы братья были кровожадными людьми, просто тайное знание, доверенное им, обладало такой силой, что его распространение среди тех, кто не был достоин столь высокого доверия, было действительно серьезной проблемой, слишком серьезной, чтобы с этим можно было шутить; и когда оккультное знание попадало в недостойные руки, те, кто были ответственны за его безопасность, были обязаны пресечь на корню любые попытки его использования или распространения; если человек решал выведать их секреты, то он должен был принять и последствия своего решения, ибо поскольку это знание не принадлежало им, они не могли ни распоряжаться им по своей воле, ни прощать подобные проступки. Некоторые братья, учитывая тот факт, что оступившийся, вероятно, был женщиной, хоть председатель и не был абсолютно в этом уверен, не смогли отдать голос в пользу наказания; и хотя никто в сущности не был против применения Темного Луча в данной ситуации, двое все же воздержались от голосования, так что решение приняли оставшиеся пять.

Оценивая поступки этих людей, не следует забывать, что на них были возложены серьезные надежды в деле сохранения доверенных им знаний и что никто не ценит человеческую жизнь меньше, чем оккультисты, ибо они убедились в существовании жизни вечной на собственном опыте, а не относятся к ней как к теоретической возможности, вера в которую основана, в лучшем случае, на свидетельствах священных писаний. Кто-то узнал их тайны и этого человека во что бы то ни стало нужно было заставить молчать, ведь только так можно было оправдать оказанное им доверие.

Как раз такую ситуацию Лукас и предвидел, когда решил использовать посредника для того, чтобы добыть знания, которых он желал. Он мог бы и сам сделать то, для чего нанял Веронику, но он использовал ее, чтобы избежать возможного риска. Сам он находился в безопасности; у братства не было причин думать, что нарушителем мог быть он; она и только она была бы поражена Темным Лучом, а он бы избежал наказания; он мог бы просто еще раз направить запрос в секретарские агентства Лондона, чтобы заменить ее на столь же чувствительную или почти настолько же подходящую кандидатуру, и все же он сидел, уставившись на председателя, словно загипнотизированный, и душу его охватил леденящий ужас. Никто не смотрел на секретаря, будучи поглощенными обсуждением, иначе его лицо определенно бы выдало его. В Лукасе, считавшим себя существом, находившимся за пределами добра и зла и невосприимчивым к эмоциям, проснулась человечность, и эта человечность предала его. Человек, идущий по Пути Левой Руки, черпает силы в отделенности; Лукас же создал связь, сойдя с пути безупречной верности злу, и искра добра, которая жила в нем, разгорелась в яркое пламя, и именно это его и погубило.

Братья обсуждали пути и способы наказания, кто будет отвечать за выполнение этой задачи, а также время и место, где они должны были встретиться для проведения коллективной медитации, которая должна была высвободить Темный Луч, и они даже не подозревали, что происходит что-то странное, пока их внимание не привлек скрип опрокинувшегося стула у дальнего конца стола.

Лукас поднялся на ноги; его лицо приняло специфический серо-белый оттенок, который обычно приобретает темная кожа, становясь совершенно бескровной; добрую минуту мужчины, сидевшие за столом, смотрели на него, захваченные выражением его лица.

Казалось, что он никогда не заговорит, но вскоре он с трудом произнес:

- Я хочу вам кое-что рассказать, - начал он.

Председатель жестом велел ему продолжать. Какое-то время секретарь уже находился под подозрением и для собравшихся здесь мужчин не стал сюрпризом тот факт, что Лукас был каким-то образом замешан в рассматриваемом деле. Они ждали, пока он соберется с духом. Наконец, он снова заговорил.

- Все совершенно не так, как вам кажется.

Последовала еще одна долгая пауза, пока Лукас искал подходящие слова. Неподвижно сидевшие за столом мужчины ждали в полумраке затененной лампы, взгляды их были прикованы к нему и никто не предложил ему никакой помощи.

Сделав еще одно усилие, он продолжил.

- Человек, которого вы видели в ложе, не имеет прямого отношения к этому вопросу. Она совершенно не могла сопротивляться. Она только трансмедиум. Она не виновата в случившемся.

- Тогда, - спросил председатель, - Если не виновата она, то кто?

- Я, - ответил Лукас, - Я направлял ее.

- Каким образом?

- С помощью гипноза.

- Она помнит о том, что произошло?

- Нет, ничего; я клянусь, что нет. Она была только лишь инструментом. Она имеет к этому такое же отношение, как ручка к тому, что ей пишут. Если вы хотите наказать кого-то, пусть это буду я. Я виноват в случившемся.

Эта сцена в темной комнате в Блумсбери являла собой странное зрелище. Мужчины сидели за столом, их лица едва освещались отраженным светом затененной лампы; позади них, в тени, виднелся алтарь, на котором тускло сиял Негасимый Огонь; а перед ними стоял мужчина, напряженный и одинокий, пребывавший на грани гибели.

Ибо не было сомнений в том, какой ему вынесут приговор. Вожди давно узнали, что Лукас не подходил на роль члена Братства; некоторое время назад они были почти убеждены, что он плетет интриги против них, а теперь он был пойман с поличным. Он, член внешнего храма, завладел секретами внутреннего храма вплоть до седьмой степени; они не только злились на воришку, но и были весьма обеспокоены тем, что такая кража вообще была возможна, и их обеспокоенность придавала им беспощадности.

Председатель заговорил.

- У нас есть только два пути, когда человек узнает секреты степени, в которую не был посвящен. Мы можем либо посвятить его в эту степень, либо — мы должны заставить его замолчать. Хотите ли вы, чтобы наш брат, стоящий здесь, принес клятву степени?

Мужчины, пока он переводил взгляд с одного на другого, поочередно мотали головами.

- Тогда, - сказал председатель, - Нам не остается ничего другого, кроме как выбрать другой путь.

Он не устраивал голосования на этом заседании, так как было сомнительно, что он смог бы заставить людей проголосовать, ибо они выносили смертный приговор, и хотя умом они были к этому готовы, сделать этот решающий кивок было непросто, и все прошло бы без возражений, если бы старик с длинной белой бородой вдруг не нарушил тишину.

- Пусть мы и не хотим посвящать этого человека в степень, секреты которой он раскрыл, но может быть есть какой-либо другой путь, кроме как... призвать Темный Луч?

- Какой другой путь вы видите? - спросил председатель.

- Разве мы не можем связать его клятвой и прогнать?

- Что думают братья по этому поводу? - спросил председатель, снова оглядев собравшихся.

Повисла долгая тишина, никто не решался взять на себя ответственность за то, чтобы озвучить мысль, которая сидела у всех в голове; человек, которого они судили, стоял напряженный, словно тетива лука, ноздри его раздувались, как у зверя, а его неподвижные глаза напоминали две черных бездны.

Наконец, тишину нарушил журналист:

- Не осмелюсь рискнуть. Не доверяю ему, - сказал он, и остальные с облегчением выдохнули, ибо были освобождены от необходимости вынесения вердикта.

- Вы тоже так считаете? - спросил председатель снова, обращаясь к собравшимся, которые, каждый по своему, кивком головы или тихо произнесенным словом, выразили свое согласие; все, за исключением старца, чей голос вновь нарушил тишину на собрании.

- Мы давно поняли, что представляет собой этот человек, - сказал он. - Человек, посвятивший себя служению злу, следующий Путем Левой Руки, черный оккультист; и если бы вы спросили меня об этом вчера, я бы проголосовал также. Но можем ли мы утверждать, что этот человек всецело отдан злу, отделенности? Не забывайте, вы судите его за добровольное признание; если бы он не признался, мы никогда об этом не узнали, а он предпочел пожертвовать собой, нежели этой невинной особой. «Нет больше той любви, как ежели кто положит душу свою за друзей своих»*.

- Влюбленный человек способен на все, - ответил журналист и Лукас вздрогнул, как если бы его коснулись раскаленным металлом. Эти слова, или же презрительная усмешка, с которой они были произнесены, казалось, оживили его; еще некоторое время он постоял так, как если

бы готовился к взлету, а затем его рука потянулась к заднему карману и собравшиеся обнаружили перед собой дуло револьвера.

- Если вам нужен я, то попробуйте заполучить меня, - прорычал он, - Перестрелка — это игра, для которой требуются двое.

И он медленно попятился к двери, глядя на них поверх блестящего дула револьвера.

- Уберите оружие, Мистер Лукас, - холодно сказал председатель. - Мы не станем применять физическую силу.

*Иоанн, 15:13

Глава 12.

Лукас захлопнул за собой дверь и повернул ключ. Комната ложи находилась на расстоянии от дома и обители Эшлоттов в подвале. Прошло бы некоторое время, прежде чем братья смогли бы выбраться. Он бросился по длинному плиточному коридору в кабинет, схватил бумаги из личного сейфа и помчался наверх в свою спальню. Там он собрал столько вещей, сколько могло поместиться в вещевой мешок; затем он снова помчался вниз.

Грохот у двери в конце коридора указывал на то, что он спустился как раз вовремя, и, схватив охапку писем, которые выпали из ящика на коврик в прихожей, он покинул старый дом в Блумсбери Сквер, в котором так долго жил и в котором свершалась работа всей его жизни. Перед ним открывался новый жизненный путь; что он принесет ему, он не знал, и никогда еще ни один человек так основательно не сжигал за собой мосты.

Вскоре он уже снова мчался по той же дороге, по которой увозил Веронику между заходом Луны и восходом Солнца этого богатого событиями дня, дороге, по которой он уже возвращался между восходом и полуднем; возбуждение от произошедшего придавало ему сил и он не чувствовал усталости, но стоило ему выбраться из плотного Лондонского потока машин на простор загородных дорог и получить время на размышления, как до него тут же дошло осознание собственного положения. Во-первых, он потерял работу и него быть крайне мало шансов получить хоть какую-то другую, не имея рекомендаций. Он ухмыльнулся при мысли о выражении на лицах братьев, если бы их попросили о рекомендациях или спросили о причине увольнения. Не то, чтобы у него не было ни гроша; у него была небольшая сумма в банке, но, как он отметил, вдвоем они не протянули бы долго на эти деньги; у Вероники не было ничего, кроме того, было на ней, а он имел лишь немногим больше. Может быть, они и могли бы до бесконечности «отсиживаться» в рыболовном домике генерала и он даже смог бы что-то заработать благодаря своей ручке, но этого в лучшем случае хватило бы им на пропитание.

Лукас не был склонен к интроспекции; если бы был, то он бы понял, что с имеющимися у него ресурсами он один протянул бы в два раза дольше, чем вдвоем; он не посмел бы использовать Веронику снова и не было ни одной причины, почему он не мог бы порвать с ней; никто не обязан держать секретаря, который ему не требуется; но как бы то ни было, ему не приходило в голову отказать от ее. Впервые в жизни странная природа этого человека создала связь; у него пока не было времени все обдумать, но слова журналиста «Влюбленный человек способен на все» породила в нем некую вспышку само-разоблачения. Был ли он влюблен в Веронику? Вряд ли он мог ответить себе на этот вопрос; он знал только, что он возвращался к ней, словно бы ведомый инстинктом почтовый голубь, так быстро, как только

мог ехать его мотоцикл. Она была единственным близким ему созданием среди чужого и враждебного мира; лишившись Вероники, он был бы совершенно одинок, и за Веронику он отчаянно цеплялся.

Преодоленное расстояние начало сказываться на нем, и он выглядел очень утомленным, когда смотрел вниз с гребня холмов на долину Бекерин, раскинувшуюся внизу под полуденным солнцем. Когда он достиг неровной, проделанной телегой колеи, идущей вдоль берега, все, что он мог, это твердо удерживать мотоцикл, а когда он слез с него у передней двери старого дома, он едва мог стоять на ногах. Зная, что звонить в колокольчик бесполезно, он прошел вокруг, через кусты, к лужайке, на которую выходили окна единственной жилой комнаты в этом месте, и Вероника, сидевшая за чаем, подняла глаза и увидела мужчину, идущего по траве нетвердой походкой и стучащегося в застекленную дверь, чтобы его впустили. Она вскочила и открыла ему, и он молча переступил порог и плюхнулся в кресло у стола. Она ничего не спросила, она никогда ничего не спрашивала; он был далеким, непостижимым созданием, на которое она не имела никаких прав, но ее женские инстинкты заставили ее налить ему чашку чая и удовлетворенно наблюдать за тем, как он пьет. Его лицо и одежда были покрыты пылью и он как никогда более походил на статую некоего падшего Египетского короля в забытой могиле, поглощенной песками пустыни.

«Чувства», которые он вызывал, странным образом изменились; он больше не казался ни властным, ни отрешенным; мистическая сила, которую он, казалось, всегда излучал, исчезла, и он выглядел просто очень уставшим мужчиной, и каким-то непостижимым образом он теперь был намного сильнее с ней связан. Онпил, но не стал есть; и когда третья чашка чая отодвинулась от его покрытых пылью губ, он с трудом поднялся на ноги и положил руку Веронике на плечо.

- Я немного посплю, малышка; я совершенно вымотан. Присмотрите за мной. Не оставляйте меня одного.

И он упал, как был, в запыленной одежде, на широкую кожаную софу, стоявшую возле камина.

Он не объяснил ей, почему она должна была присматривать за ним, пока он спит, ему было бы трудно объяснить это даже себе самому, но он чувствовал огромное отвращение при мысли о том, чтобы остаться в одиночестве; но было ли это вызвано страхом перед Темным Лучом и его атакой, затмившим его разум, или же он, впервые открыв для себя важность партнерства, наслаждался им, как новоиспеченные богачи наслаждаются роскошью, он не смог бы сказать.

Вероника наблюдала за тем, как тускнеет золотой полуденный свет, а затем шарканье в коридоре возвестило о приходе старой смотрительницы с ужином. Когда она увидела спящего на софе Лукаса, она пробормотала что-то неразборчивое и ушла за второй тарелкой; она, казалось, вполне смирилась с их присутствием в доме, за который несла ответственность.

Разбуженный ее перемещениями, Лукас проснулся и пошел смыть с себя пыль. Когда он снимал свое мотоциклетное облачение, он почувствовал что-то большое в своем кармане и вытащил кипу писем, которую схватил, когда покидал дом. Два письма были для Эшлоттов, остальные — для Братства, и одно было адресовано лично ему. Письма Эшлоттов он разорвал и бросил в камин, он не посмел бы рискнуть отправить их им, его безопасность в значительной степени зависела от неведения братьев о его местонахождении, ибо сложно сфокусировать оккультную силу, если не имеешь представления о том, в какую точку

пространства ее нужно направить. Письма для Братства он бегло прочел из чистого любопытства; их отправителям придется долго ждать ответа; наконец, он открыл письмо, адресованное лично ему. Оно было написано кратко и по существу, и без лишних предисловий информировало его о том, что генерал Соуберри мирно ушел из жизни в своем доме в Уокинг рано утром предыдущего дня, и что он является его главным наследником. Лукас издал долгий свист, почти переходящий в боевой клич. Какая поразительная удача, и как раз тогда, когда он нуждался в этом. Если в остальных его делах все будет настолько же удачно, то он отлично выкарабкается. Он положил письмо в карман и спустился к ужину, дружески погладив Веронику по спине, садясь за стол. Он болтал с ней на протяжении всей трапезы и она, как обычно, отвечала ему коротко и односложно, и он пообещал себе, что вскоре разбудит ее и сделает ее живым человеческим существом, и он предвкушал решение этой проблемы также, как мог бы предвкушать решение какой-либо сложной математической задачи или исправление дефекта в своем мотоцикле; Лукас и сам все еще был не совсем человеком, хотя и делал успехи в этом направлении.

После ужина, куря трубку и украдкой наблюдая за Вероникой, пока она читала, он вновь поздравил себя со своей большой удачей. Он стал владельцем этого дома, странного старого ветхого места, каким он по факту был; и здесь была Вероника — мало что могло сделать Веронику настолько очаровательной, и было удивительным опытом наблюдать за тем, как она раскрывается. Он не хотел ничего большего, кроме как остаться наедине со своими новообретенными ресурсами, чтобы продолжать наслаждаться тем новым опытом, который вошел в его жизнь.

Если бы только Братство оставило его в покое! Возможно, если он совсем исчезнет из их поля зрения, они со временем забудут о нем, или, во всяком случае, усмирят свою ярость. Он не хотел думать об этом Темном Луче и его воздействии, это было не лучшим предметом для размышления. Он вспомнил того американца немецкого происхождения, который предпочел броситься в Ниагарское ущелье, чем встретиться лицом к лицу с силой этого луча. Если бы не Вероника, он бы и сам совершил нечто подобное; но Вероника была здесь, вместе с этим только начавшимся новым опытом, чем-то таким, чего он никогда не знал прежде и сладость которого впервые испробовал — Вероника, мягкие изгибы подбородка и шеи которой оттенялись настольной лампой и которая удерживала все его внимание и интерес каким-то странным, непостижимым образом. Он страстно хотел добиться от нее хоть какого-то подобия ответа, вроде еще одной улыбки, как та, которой она одарила его перед его отъездом в Лондон; и он сидел здесь, разглядывая ее в этой тускло освещенной, задымленной комнате, размышляя, как он может снова заставить ее улыбнуться. Покорная, запуганная Вероника была ему не нужна, он хотел Веронику, которая действовала бы по собственной воле, и кроме всего прочего, улыбалась.

Он не мог забыть эту улыбку; впервые какая-либо женщина продемонстрировала ему эту сторону своей природы; это был первый раз, в сущности, когда он стремился выманить ее наружу, ибо такими улыбками не одаривают циничных, хладнокровных мужчин, каким он так старался стать. Но на самом деле Лукас не был ни циничным, ни хладнокровным, он был горячим, эмоциональным, страстным мужчиной, но обучался в традиции, которая не понимала в полной мере человеческой природы, и обучался мужчинами, которые считали, что расе могут хорошо служить лишь те, кто не имеет никаких уз и привязанностей, забыв о том, что только через любовь к другому человеку мы можем научиться любить расу. Человек, который сильно любил, сможет перенести свою любовь с отдельной единицы на общую массу, и именно люди с фрустрированными привязанностями лучше всех послужили целям человечества; но человек, никогда не любивший, не знает, как нужно любить, потому что никогда не учился этому в единственно возможной школе, школе опыта.

И теперь Лукас проходил это обучение. Как он предполагал, они с Вероникой вместе проходили Путь Инициации в течение многих жизней, пока он не сошел с Тропы и их дороги затем не разошлись; но теперь, когда она вновь появилась на сцене его жизни, старое влияние вновь заявило о себе и он медленно возвращался обратно на Путь. Его эволюция дошла до точки — на той дороге, которой его душа шла сквозь вечность — где боковая дорога, которая шла как бы по сельской местности, вдруг свернула на дорогу Пути Правой Руки.

Оккультисты знают, что периодически встречаются такие перекрестки, которые ведут с Пути Правой Руки на Путь Левой, с Пути Света на Путь Тьмы, и наоборот; те, кто идут Путем Света, Путем Правой Руки, как его называют, периодически подвергаются соблазну свернуть на эту опасную короткую тропу к силе, которая ведет их на Путь Тьмы; те же, кто следует Путем Левой Руки, ровно также получают возможность перейти на Путь Света. Но какой ценой для них самих! Ибо «дорога все время вьется вверх, да, до самого конца»*. Те, кто посвятил себя злу, подвергаются искушениям точно также, как и те, кто посвятил себя добру; и как чувственные наслаждения манят обратно детей света, так и детей тьмы начинает пугать их одиночество, плод отделенности, которое является обязательным условием их служения; и если в своем одиночестве они образуют связь с кем-то, кто идет Путем Правой Руки, они должны либо заставить его присягнуть темному пути, либо сами будут притянуты к свету. В тот день на дороге Лукас не смог перетянуть Веронику на путь тьмы, ее ранняя подготовка, сильнейшая вещь в мире, оказалась слишком сильной даже для него, не смотря на ту власть, которой он обладал над ней, ибо очень редко бывает так, чтобы те, кто в раннем детстве воспитывался в рамках пусть даже самых поверхностных и простых религиозных учений, взывающих к определенному Имени, целиком попадали под влияние Темных Мастеров. Сельский священник, льющий немного теплой воды на маленькую фигурку в своих руках, ставит печать, которую очень трудно сломать, о чем хорошо осведомлены те, кто имеет дело со скрытой стороной вещей. Лукас, со всем своим интеллектом и образованием, не смог разрушить влияния старой деревенской женщины, учившей маленького ребенка его первым молитвам. Оставим теологам спор о заместительном искуплении, но факт остается фактом — существуют Имя и Знак, которые помогают, когда приходит то темное подводное течение, которое утягивает душу вниз к нечеловеческим ужасам.

Лукас, переживавший кризис в Ложе, был искушен в точности также, как святые, и потерпел неудачу в доказательстве своей темноты; из-за того, что он связал себя узами верности, он отказался от плодов своего с трудом добытого знания ради блага маленькой Вероники; он знал достаточно, чтобы обезопасить себя, но когда настало время испытания, его сердце изменило ему, он не смог извлечь выгоды из собственного предвидения, и он пал, в точности как и святые, жертвой запретной любви. Да, это была эгоистичная любовь, думающая лишь о собственном наслаждении, а вовсе не о благополучии своего объекта; да, его верность Веронике была вызвана лишь страхом потерять ее, а не заботой о ее благе, но все же это была любовь, пусть и прорастающее семя, а не прекрасный цветок.

Глава 13.

На следующее утро Лукас в сопровождении Вероники отправился обследовать свое маленькое имение. За исключением лужайки перед домом, вся остальная территория была покрыта зарослями кустов и деревьев, слишком буйными и запущенными. Разбросанные лавры выросли в небольшие деревья, а дубы, беспорядочно и небрежно посаженные и жмущиеся друг к другу, растеряли все свое врожденное достоинство и умудрились создать зловещие сумерки в своей роще. Природа, предоставленная самой себе, никогда не бывает жуткой, но когда человек ухаживает за местом и потом бросает его, оно неизменно вызывает ощущение некоего зла и уныния. Лукас не намерен был приводить в порядок эту территорию, но ему доставляло удовольствие изучать ее ресурсы. Дом в Уокинг, как он знал, был куда более приятным и удобным жилищем, и именно туда он намеревался переехать и

перевезти свои пожитки (в последний пункт он включал и Веронику) сразу же после того, как будут улажены все формальности.

Лишь след от телеги отделял эти земли от реки, и поскольку граница была отмечена единственной нитью провисшей и ржавой проволоки, разделение было больше юридической фикцией, чем актуальным фактом. Многие деревья повалились и лежали на земле, медленно истлевая, и на один из таких стволов странники и уселись, глядя сквозь зеленые сумерки на затененную реку, ибо в этом месте дно углублялось и берега сужались, и река бежала через ущелье под нависающими над ней деревьями. Временами в воду плюхалась полевка; временами, словно голубой блик, по узкой полосе солнечного света в центре реки резко проносился зимородок, а Лукас рассказывал Веронике о жизни в целом и своей собственной жизни в частности.

Вероника, хоть и была неразговорчива (что в глазах Лукаса отнюдь не было недостатком), была превосходным слушателем, ибо обладала быстрым и восприимчивым умом, способным схватывать значение любых новых идей; и мудро и почти незаметно кивая головой, она обдумывала и запоминала те идеи о людях и явлениях, которые были ей представлены. Впервые она слушала учение о бессмертии души, доведенное до логического завершения, поскольку Лукас бойко рассказывал о прошлых жизнях и их влиянии на настоящую, говоря об этих вещах с легкой фамильярностью, указывающей на то, что они были частью привычного содержания его сознания; он не стал рассуждать о жизни после смерти, поскольку, как он выразился, «был привычен к смерти, хотя так и не привык рождаться; рождение всегда было некоторым шоком». Для него смерть была чем-то вроде эмиграции — серьезной проблемой для бедняка, но всего лишь интересным и захватывающим приключением для человека, богатого знанием. Однако он категорически возражал против преждевременной смерти, но не потому, что боялся ее, а из-за времени, которое требовалось на то, чтобы подготовить новое тело к служению; нужно было снова пройти через невыносимую скуку младенчества, детства и юности, прежде чем желанная зрелость сможет принести свои плоды.

Вероника поняла, что столкнулась с новой для себя системой жизненных ценностей; тело, да и весь мир ничего не стоили и были созданы лишь для того, чтобы служить цели, о которой у ней до сих пор не было ни малейшего представления; напротив, Лукас говорил о теле холодно, и рассматривал мир лишь как мир следствий, обладающий лишь малой властью устанавливать причины на собственный лад. То, что происходило там, было для Лукаса лишь следствием, настоящая же борьба, настоящее событие происходило на более тонком плане; Вероника узнала об идее существования великих сил, управляемых великими законами, которые управляли сложными происшествиями нашего бессистемного существования; целью жизни Лукаса, как она поняла, было постичь природу этих законов и затем управлять их силами, выравнивая один по отношению к другому, чтобы силой своей воли, пусть и бесконечно малой в сравнении с ними, уметь перевешивать чашу весов.

Итак, Вероника, хотя она не отвечала и не возражала, не была дурой, и она быстро и уверенно постигала суть любого вопроса, который ей доводилось рассматривать. Вскоре она поняла, что хотя Лукас много говорил об оккультных силах и важности их обретения, он не проронил ни слова о том, как он собирается их использовать, если однажды обретет, и она попыталась понять, как всегда тихо и незаметно, какой может быть его конечная цель, и быстро пришла к выводу, что у него ее не было; он играл с этими силами, как ребенок играет с конструктором, создавая маленькие машинки, способные перевозить небольшой вес, основывая свои изобретения на лучших инженерных принципах, но никогда не задумываясь о больших жизненных целях, к которым эти принципы можно было бы применить; игрушечный мост так никогда и не будет воспроизведен в реальности, если самому Лукасу

однажды не захочется пересечь реку. Он изучал Тайную Науку, Науку Королей, как ее называют, из чистого удовольствия наблюдать за тем, как разрозненные части собираются воедино и тайна получает объяснение; и это великое учение, которое в равной мере является и религией, и наукой, для него было не более, чем головоломкой. Все это простушка Вероника поняла, пока Лукас беседовал сам с собой в этот летний день.

Лукас, поглощенный своим повествованием, не обращал никакого внимания на своего слушателя, пока, сделав паузу, чтобы подобрать слово, не обнаружил, что маленький человек, сидящий на другом конце бревна, изучает его с необычной отстраненностью, и испытал неприятное чувство, что так или иначе выставил себя дураком, прямо как студент, прочитавший популярный трактат по астрономии и обнаруживший, что пытается доказать что-то Королевскому Астроному. Стремясь выяснить ее отношение, он впервые за утро задал ей вопрос:

- Ну? Что вы обо всем этом думаете?

Вероника глубокомысленно кивнула.

- Мне кажется, я поняла, что вы имеете в виду; есть вещи, которые заставляют случаться другие вещи, и вы хотите узнать, что они собой представляют, чтобы вы могли заполнить их.

- Именно так, - ответил Лукас. - Получить контроль над причинно-следственными связями, если быть точным.

- Но что вы будете делать с этим, когда получите?

- С этим можно делать, что угодно, и получить все, что пожелаешь.

- Но никому не нужно так чудовищно много, если, конечно, он не хочет пожить в роскоши; но вы ведь не из таких, Мистер Лукас.

- Нет, я не стремлюсь к роскоши, - ответил Лукас, смеясь, - Во всяком случае, это не является одним из моих бесчисленных недостатков. Но послушайте, разве вам не хотелось бы иметь в своем распоряжении огромные ресурсы?

- Я бы предпочла иметь определенное их количество, - ответила предусмотрительная Вероника. - Но не слишком много; иначе за ними придется постоянно присматривать. И потом, а что, если вы бы уравновесили эти силы, а одна из них внезапно вышла бы из-под контроля?

- Это как раз то, что и произошло, - пробормотал Лукас себе под нос и замолчал на несколько минут. Затем он отбросил свое мрачное настроение и заговорил снова. - Что бы вы сделали, если бы обладали всеми благами мира?

- Я бы купила несколько платьев, книг и картин, и собаку; о, да, я бы определенно купила собаку.

- Но это не исчерпает всех благ мира; что бы вы делали с остальным?

Вероника на момент задумалась.

- Я не смогла бы съесть весь хлеб в мире в одиночку, но я могла бы проследить за тем, чтобы нуждающиеся в нем люди тоже получили немного, и чтобы жадные люди не отхватили слишком много, как это происходит сейчас. Почему вы никогда не думали об этом сами, Мистер Лукас?

- О, я не знаю. Какое это имеет отношение ко мне?

- Но разве могли ли бы вы быть счастливы, зная, что кто-то другой голодает?

- Святой Боже, да; ведь это их проблемы. Люди должны быть в состоянии позаботиться о себе сами; вы никогда никуда не доберетесь, если будете постоянно ждать отстающих. Приходится обрезать лишние ветви, чтобы получить отборные фрукты, знаете ли; вы не можете сохранить жизни всех бедных маленьких яблок и при этом иметь фрукты, подходящие для десерта. Цивилизация основана на жертве, и если бы у меня был какой-либо выбор, а я думаю, что у меня он есть, то я бы предпочел стать одним из цивилизованных людей, а не тем, кем пожертвовали.

Это была логика, которую сложно было оспорить, и Вероника даже не стала пытаться. Она просто покачала головой и сказала:

- И все же я не верю, что вам на самом деле это понравилось бы, Мистер Лукас; вы все время пребываете в погоне за чем-либо и как только вы это получаете, тут же начинаете желать чего-то еще. Как на Чайной Вечеринке Безумного Шляпника — джем вчера и джем завтра, но никакого джема сегодня, ведь мне доставляет удовольствие только лишь путь.

Лукас был невероятно доволен собой. Вероника начинала просыпаться и его очень забавляло открывать для нее неожиданные глубины и выслушивать ее пронизательные замечания. В ней было больше, чем он ожидал; ее разум пустовал не столько от отсутствия способностей, сколько от нехватки информации. Ему казалось, что он оказывает Веронике огромную услугу; он почти не осознавал, как много Вероника делала для него самого. Он, равно как и она, столкнулся с новой точкой зрения; он мог отбросить все ее наивные детские суждения, но он не мог игнорировать того факта, что в какой бы странной манере они ни были высказаны, они были необычайно уместны, и что она обладала сверхъестественной способностью нащупывать слабые места в его жизненной позиции.

Может быть, путь и значил куда больше, чем цель, но в то утро Лукасу дали понять, что он просто куда-то шел и не имел никакой определенной цели; он был духовным кочевником; сама обособленность его существования не позволяла ему использовать имеющиеся в его распоряжении силы. Как сказала Вероника, он не мог съесть весь хлеб в мире, а следовательно, когда заполнится его собственный рот, он потеряет всякий интерес к этому делу; в то время как она, думавшая о ком-то еще, кроме себя самой, могла переполниться до краев, словно бассейн, и наслаждаться радостью, доставленной другим людям. Возможно, многое можно было бы сказать в поддержку ее позиции; он и сам испытал величайшее наслаждение, какого не знал прежде, от симпатического соприкосновения с этим дитем; и это ощущение сильно отличалось от ощущения власти. В манипулировании другим живым существом, несомненно, была своя прелесть, но она блекла, когда пропадало ощущение новизны; но когда кому-то, вместо манипулирования и контроля, удавалось добиться ответа от другого человека, тогда он, в свою очередь, стимулировался, поднявшись на более высокий уровень, откуда он возвращался, чтобы вдохновить своего партнера и вновь подняться обратно. Этот опыт открывал новые перспективы, новые возможности, и взаимодействие двоих было полной противоположностью работы в одиночестве. Но чтобы достичь такого взаимодействия, нужно было добиться от другого желания добровольного

сотрудничества, и недостаточно было перехитрить его или запугать; и он приступил к изучению тайны этого процесса с таким же рвением, с каким пытался получить запретные знания Братства.

Он предпочитал сократовский метод вопросов и ответов. В своем сознательном разуме он формулировал вопрос, который помещал в подсознательный разум, к которому давала ему доступ его оккультная подготовка (ибо оккультист знает о подсознательном разуме намного больше, чем психолог), и его подсознание, благодаря своим широким возможностям, выдавало ему ответ. Поглощенный этим занятием, он не замечал течения времени, и лишь когда начало садиться солнце, он вернулся к Веронике с уже готовым планом. Он знал, что он собирается делать с ее разумом, как возвысить ее природу, чтобы она превратилась из ребенка в женщину, и добиться от нее того ответа, которого он искал. Он уже хорошо изучил ее характер — или думал, что изучил — и знал, как ему затронуть те тайные пружины, которые позволили бы высвободить силы, скрывавшиеся в природе каждого человека, даже самого тихого.

*Отсылка к стихотворению «Ur-Hill» Кристины Росетти (1830-1894).

Глава 14.

Старая смотрительница приготовила ужин и Вероника уже сидела за столом, когда он с опозданием вошел в комнату. Ужин казался праздничным; Лукас, поглощенный своим новым занятием, пребывал в особенно радостном настроении, и Вероника, которая быстро теряла всякий страх перед ним, была почти готова ответить ему взаимностью, в результате чего Лукас, обладавший переменчивым темпераментом, забыл обо всех своих тщательно продуманных планах и отбросив в сторону все свои познания в психологии, направился по пути мужчины и служанки*, который, если верить мудрейшим представителям человечества, мог быть сравним лишь с путем змеи, ползущей ко камням или же лодкой, плывущей во морю.

С помощью осколков своей проницательности он понял, что это Вероника дергала за ниточки его природы, а не наоборот; это в его существе пробудились глубокие фонтаны, в то время как она, отстраненная, как все невинные души, наблюдала, наполовину испуганная, наполовину зачарованная, за разбуженными ей силами, но при этом, будучи женщиной, была невероятно довольна собой. Она еще недостаточно пробудилась для полного осознания; она понимала только, что если до сих пор он обращался с ней как с существом низшего порядка, которое держал рядом для собственных целей, то теперь она вознеслась над ним и он стремился ее достичь; и она, в своем девичьем уме, размышляла о том, протянет ли она ему руку или нет, и наконец решила, что сделает это. Он всегда странным образом очаровывал ее, и это очарование почему-то усиливалось ее страхом перед ним, так что прежде, чем был окончен ужин, Вероника еще раз улыбнулась Лукасу.

И эта улыбка стала его погибелью. Она тихо забрезжила, словно улыбка Моны Лизы, быстро сверкнула, открыв все то, что могло быть в женщине, и затем внезапно угасла, словно бы испугавшись собственной безрассудной смелости. Лукас решил сыграть в игру, но обнаружил себя унесенным потоком великих глубин. Так Природа обманывает тех, кто пытается переиграть ее. Люди отказывались от царств ради одной лишь улыбки, а Лукас отказался от своей души; его единственный шанс на спасение в нынешнем кризисе заключался в верности своему Темному Мастеру, чьим законом была отделенность; только так он мог воспользоваться силой, необходимой для противостояния направленной против него атаке. А он, человек, чьей главной заботой должна была быть черная магия, необходимая для собственной защиты, забыл и об атаке, и о противостоянии, и не думал о

тех трансцендентных вещах, которые искал и которым поклонялся, ибо приобретал черты человеческие, слишком человеческие.

Какое ему было дело до тайной магии Египтян? Он изучал куда более великую магию, чем та, которая была известна целомудренным жрецам; древний ритуал мужчины и женщины разыгрывался здесь, и они, словно жрец и жрица Природных мистерий, инициировали друг друга, и ему казалось, что мир давно потерян. Видеть, как в глазах Вероники зарождается тихая улыбка, еще не успевшая коснуться ее губ, и знать, что она зарождалась для него — Братству нечего было противопоставить этому. Хоть он и мог заставить Княжества и Силы появиться у него на пороге, что они могли ему дать, что накормило бы его человеческую часть, всегда остававшуюся голодной? Разделенность может даровать власть, но лишь в единстве можно обрести счастье, а путь к единству лежит только через любовь. И теперь, когда Лукас познал любовь, он не желал ничего другого. Добро может быть столь же губительным для плохого человека, как зло — для хорошего.

К тому моменту, как закончился ужин, Луна уже взошла высоко, ибо ужин всегда длится медленно в таких условиях. Яркий, холодный свет окрашивал лужайку в белый цвет, за исключением тех мест, где лежали черные, словно тушь, тени кустарника. Летняя ночь в этой закрытой со всех сторон долине была почти такой же теплой, как день, и они вышли через застекленную дверь на террасу. Там, пока они прогуливались взад и вперед, Лукас просунул руку под локоть Вероники; его рука оказалась на мягком округлом предплечье, остававшемся обнаженным из-за ее коротких рукавов, и его длинные, оливково-коричневые студенческие пальцы резко контрастировали с девичьей белой кожей; и она, наполовину ребенок, наполовину женщина, совсем не возражала против этого.

Так они прогуливались взад и вперед, беседуя о своем видении жизни, и Вероника впервые услышала самую просветляющую из всех вещей, историю мужчины о своей жизни и том опыте, который сделал его тем, кем он был, рассказанную женщине, понимания которой он желал добиться, и учащегося понимать самого себя в процессе повествования. Она узнала, что Лукас был рожден вне брака, как сын оперной певицы и мужчины, вращавшегося высоко в политических кругах; что он воспитывался в семье мелкого торговца, и что семья не смогла его удержать; как будто бы в круглое отверстие вставили квадратный колышек, но колышек оказался более прочным, и поэтому отверстие раскололось под его давлением. Затем последовал долгий рассказ о непокорном, неуправляемом парне, который прыгал с работы на работу, когда в нем проснулся горячий темперамент его матери; но вскоре заявил о себе интеллект его отца, и он изо всех сил старался дополнить образование в гимназии, которое преждевременно было прервано его желанием свободы, обучением в вечерней школе и на политехнических курсах.

Наконец, он стал помощником старика, державшего магазин подержанных вещей; но это был не антикварный магазин с вдохновляющими вещицами и даже не магазин вроде старых книжных лавок, куда искатели заглядывали в поисках редких томов, но был тем, что эвфемистически называют «лавками подержанных судовых принадлежностей», хотя подобные заведения зачастую не имеют никакого отношения к морю; их титул просто сообщает избранным, что здесь скорее царствует мораль торговцев цветным ломом, нежели честность старьевщиков, и что, в сущности, здесь будут рады всему, что может иметь хоть какую-то рыночную стоимость, пусть даже в воображении.

Однажды в этой грешной пыльной обители появился любопытный товар. Это была белая, или даже скорее цвета изабеллы**, запыленная простыня площадью около трех квадратных ярдов, на которой с помощью доброго количества маркировочных чернил был нарисован круг четырех футов в диаметре; внутренняя часть круга, если не считать грязных пятен, была

пуста, но вокруг него располагалось весьма странное сочетание иероглифов и грубых изображений существ и предметов. Владелец магазина принял эту вещицу по ее номинальной стоимости; пыльная простыня была для него просто пыльной простыней и могла использоваться лишь для того, чтобы накрывать ей запасы товара, пока ими не заинтересуются покупатели, и поэтому Лукасу было велено просить за нее не больше, чем семь фунтов и шесть шиллингов из-за ее грязных пятен, но и не меньше, чем пол кроны из-за ее огромного размера.

Но пытливый ум парня, однако, было не так легко удовлетворить; всякий раз, когда он разворачивал ее на ночь, он ломал голову над этими иероглифами, и каждое утро, сворачивая ее, вновь думал о них. Потом, в один из дней, когда торговля не ладилась, он пролистал некоторые из книг, которые имелись в лавке (старый торговец часто посещал распродажи домашней утвари и скупал все, что было достаточно дешевым, независимо от природы этих вещей), и в одной из них нашел ключ к разгадке тайны в виде грубой деревянной гравюры, с которой, очевидно, было скопировано изображение на пыльной простыне. В диком возбуждении он проглотил текст и узнал, что таинственная простыня была напольным покрывалом, которая использовалась магом, когда тот хотел призвать определенные элементарные силы; оператор стоял в центре магического круга и защищенный символами, которые его окружали, взывал к существам иного порядка, чтобы они заняли каждый свое место на сигиллах, изображенных по углам ткани.

Когда пришло время закрытия, молодой ассистент запер дверь изнутри, а не снаружи, и, расстелив магическое покрывало на том клочке пола, который смог расчистить от товара, занял свое место в центре круга и вслух, перед теньями, прочитал магическую формулу, которая, как утверждалось в книге, использовалась в таких случаях. Затем он стал ждать.

Абсолютно ничего не произошло, и он, испытывая отвращение ко всему происходящему, в том числе и к себе самому, выключил газ и пошел домой, и там сразу же лег в кровать. Однако стоило ему задремать, как он тут же проснулся от ощущения, что в комнате кто-то есть; он попытался протянуть руку и зажечь свет, но обнаружил, что не может пошевелиться. Он ощутил дыхание на своем лице, почувствовал что-то тяжелое на своей груди. Нечто коснулось его горла, а он все еще не мог двигаться. Затем, огромным усилием воли, он смог сесть, но обнаружил, что в комнате никого не было, ровно также, как и в магазине.

Будучи парнем с крепкими нервами, он вскоре успокоился и заснул, и больше никогда бы не вспомнил о своем кошмаре, если бы не то, что случилось утром, когда он неохотно ступил на потертую клеенку, устилавшую его маленькую каморку, и обнаружил, что весь пол был покрыт скользкими следами, как если бы по нему проползла целая армия слизней. Мерзкие следы шли от окна к кровати и обратно, и когда он огляделся, то обнаружил, что и оконная рама тоже была покрыта этой дрянью; существо, оставившее след, очевидно, вошло через шестидюймовую щель, оставленную сверху для проветривания.

В течение многих последующих ночей парень спал с закрытым окном, но внушительная коллекция книг, приехавших вместе с напольным покрывалом из дома кого-то, кто изучал оккультные искусства, так распалила его воображение, что он не мог думать ни о чем другом; вся его душа собралась в однонаправленном желании узнать тайну мистерии, ключ к которой он получил. Чего именно искали люди при помощи столь загадочных способов? Как они это искали, и кем были сами эти искатели?

Его желания, поддерживаемые единодушной волей, принесли свои плоды. Однажды вечером, когда он разворачивал пыльное покрывало над самым драгоценным хламом, он увидел лицо, уставившееся на него через стекло, и через минуту или две его обладатель возник в дверном

проеме, и грубый и волосатый человек поинтересовался стоимостью пыльной вещицы. Лукас назвал цену в шесть фунтов и семь шиллингов, как ему и было велено, и незнакомец без возражений положил на прилавок три полукроны. Затем он странно посмотрел на парня.

- Ты что-нибудь знаешь об этих вещах? - осведомился он.

Лукас, как и большинство людей во враждебной обстановке, был чрезвычайно сдержан, но что-то в незнакомце одновременно притягивало и отталкивало его, и прежде, чем он осознал, что делает, он начал рассказывать ему историю о своей инвокации и появившихся после этого слизневых следах. Незнакомец заплясал от радости и почти без своего согласия, Лукас вместе с книгой и покрывалом переместился в жилище незнакомца; там, прижавшись друг к другу внутри защитного круга, они с незнакомцем хором прочитали текст инвокации. Насколько Лукас мог судить, ничего особенного не произошло, но незнакомец, ужасающе сощурился, объявил, что вызванные Силы, как положено, появились на обозначенных местах, и тогда он начал читать сложное заклинание, размахивая руками, потому как, похоже, одно дело было вызвать эти силы, и совсем другое — избавиться от них. Однако после нескольких минут монотонного чтения и размахиваний, незнакомец, наконец, сказал, что комната очищена от Присутствия, и они уселись ужинать сосисками, поданными домовладелицей, которая была настолько жирной, что казалось, будто она поджарила на ужин себя саму.

Это был лишь один из многих ужинов. Лукас так никогда и не преодолел отвращения к этому человеку, но его учение завораживало его, и он ночь за ночью возвращался сюда, чтобы послушать его извечные рассказы о Парацельсе, Роджере Бэконе, Роберте Фладде и знаниях, которые умерли вместе с ними. Здесь, в грязной съемной комнате, была богатая коллекция книг по теме теософии и американской новой мысли, и сообразительный парень вскоре уловил их суть и сделал собственные умозаключения. Совсем немного опытов потребовалось ему, чтобы понять, что за всем этим словоблудием скрывалось нечто значимое, но он также понимал и то, что суть была вовсе не в том, чтобы сидеть в книгах. Если он хотел знаний, ему следовало найти кого-то, кто обладал этими знаниями; они вполне могли рассказать ему о том, о чем не хотели сообщать в книгах. И вновь вся его природа собралась в единой потребности в знаниях, и снова его желание было удовлетворено, когда однажды вечером он рылся в корзинах магазина подержанных книг и разговорился с женщиной, занятым ровно тем же самым, ибо существует особое взаимопонимание между посетителями букинистических лавок и многие важные дружбы завязывались здесь, ибо бедняк приходит сюда в поисках дешевой книги, а богач — в поисках редкой книги, и их общая страсть служит началом и становится основой для крепкой дружбы.

Его новый знакомый был человеком, совсем не похожим на покупателя покрывала. Это был, в сущности, никто иной, как седобородый старик, который всегда сидел слева от председателя на встречах совета. Оценив потрепанного паренька, он решил, что тот обладал умом необычайного калибра, и взял его под свое крыло; в распоряжении парня оказались нужные книги и повод для разговора со знающим человеком, если повод вообще был необходим, и впервые в жизни Лукас обнаружил, что очутился в дружественной атмосфере. Это было незадолго до его посвящения во внешний круг Братства и Лукас понял, что то, чего он так долго искал, он, к добру ли или к худу, получил.

Знакомясь то с одними, то с другими людьми, Лукас вскоре сумел попасть на Флит Стрит и быстро продвигался по карьерной лестнице, пока его журналистская карьера не была прервана его назначением на пост секретаря Братства.

Затем началась борьба между идеалами братьев и горячими амбициями человека, который

хоть и находился среди них, но одним из них не являлся. Лукас рассказал историю во всех подробностях, не скупясь на подробности, и используя Веронику вместо исповедальни, чтобы высказать все то, что он так долго держал в себе без какой-либо возможности это выразить.

Луна села прежде, чем история успела закончиться, и сгустившаяся темнота и выпавшая роса заставили их устремиться к дому. На ступенях возле застекленной двери они остановились, не желая покидать прохладную ночь ради удушливой жары освещенной лампой комнаты.

Вероника подняла руку.

- Послушайте, - сказала она, - Это гончие.

- Какая чушь, глупышка, - ответил Лукас, - Никто не охотится в это время года и тем более, если уж на то пошло, в это время суток.

- Но послушайте, - взмолилась девушка. - Они так близко; послушайте, как они лают. Они выследили свою жертву.

Лай охотничьих псов в лесу, похожий на колокольный звон, раздавался все ближе и ближе к ней; затем она внезапно схватила своего спутника за руку.

- Мистер Лукас, - вскрикнула она, - Они не на земле, они над головой, в воздухе!

Внезапно она почувствовала, как ее схватили и затолкали в дверь, и закрыли за ней створки. Лукас, мертвенно-бледный, молча посмотрел на нее, и затем плюхнулся на стул у стола и закрыл лицо руками.

Вероника, бедное дитя, беспомощно и обеспокоенно смотрела на его; рев гончих, который, казалось, раздавался в темноте над головой, звучал невероятно зловеще, и вид мужчины, склонившегося в отчаянии над столом, наполнил ее страхом и даже дурными предчувствиями, в то время как сердце ее сжималось от сострадания ему в его непонятной беде.

Она робко дотронулась до его плеча.

- Мистер Лукас, что это? Что происходит?

Вместо ответа он вытянул руку, обнял ее и притянул к себе, и уткнулся лицом в складки ее платья. Они долго оставались в таком положении, напряженный и неподвижный мужчина, и девушка, так и не убравшая руку с его плеча, время от времени поглаживающая его грубое твидовое пальто, чтобы дать ему то утешение, которое она не могла выразить иначе.

Наконец, он поднял лицо, странным образом изменившееся, и посмотрел на нее.

- Это были астральные охотничьи собаки, - сказал он. - Гончие Небес. С такими охотятся на предателей.

- Кто охотится на предателей? - спросила Вероника.

- Братство. А ведь это я научил их этому. И теперь они охотятся за мной. Новый дух в Братстве. Им не нравится новый дух в Братстве, но они всю его используют, когда им это

выгодно.

- Но, Мистер Лукас, они не могут охотиться на вас с собаками!

- Нет, они не охотятся с собаками, они лишь используют их, чтобы найти меня; чтобы убить меня, они задействуют Луч.

- Убить вас. Они же не собираются вас убивать? - пальцы Вероники впились в его плечо, когда она в отчаянии схватила его за пальто. Он посмотрел на нее.

- А вы будете возражать, если они это сделают, малышка Вероника?

- О, но это невозможно, Мистер Лукас, это все просто кошмарный сон.

- Это не сон, Вероника. Они собираются убить меня и они правы. Мне лучше умереть, и если бы не вы, я бы с радостью ушел, но теперь, когда я познакомился с вами, я не хочу уходить.

Он встал и повернулся к ней, зрачки его глаз сузились до точек, и выражение его лица вновь стало злым, чего она не видела на протяжении многих прошедших дней.

- Но я не уйду, - сказал он, - Не слишком далеко, во всяком случае.

Он нащупал и достал из кармана перочинный нож, открыл его и прежде, чем она поняла, что он собирается сделать, вонзил лезвие ей в руку.

- Не бойтесь, - сказал он, когда со смешанным возгласом боли и страха она попыталась отстраниться от него. - Я не причиню вам вреда. Я делаю это лишь для того, чтобы у меня осталась возможность связаться с вами, когда я окажусь на другой стороне. Такая кровная связь, которую создают дикари, впуская чужака в свое племя, сохраняется даже после смерти. Она сильнее, чем брак.

Затем, удерживая ее с силой, которой она не могла противостоять, он поднес ее окровавленную руку к своему рту и выпил ее кровь.

Она смотрела на него с ужасом, смешанным с изумлением. Прежний Лукас снова вернулся, Лукас, которого она почти забыла. Он отпустил ее руку, но схватил ее за запястье, чтобы она не сбежала.

- Не злитесь на меня, - сказал он. - Я ведь не сильно поранил вас, правда?

Затем он положил обе руки ей на плечи и посмотрел ей прямо в глаза.

- Послушайте, Вероника, мне, возможно, придется уйти, но я не уйду слишком далеко. Я вернусь снова, просто ждите меня.

Она все еще молча смотрела на него, и старый немой страх зарождался внутри нее. Он притянул ее к себе и прижался к ней щекой.

- Проявите ко мне доброту, Вероника. Возможно, мне вскоре придется уйти.

Тон его голоса и зловещее спокойствие в тихом доме победили Веронику, и она, разрыдавшись, прижалась к нему. Некоторое время они стояли так, но затем он мягко

высвободился.

- Пробила полночь, я должен идти. Ложа собирается в полночь. Поцелуйте меня на ночь, Вероника.

Без какого-либо принуждения она обхватила руками его шею и поцеловала его.

*отсылка к книге «The Way of a Man with a Maid» - эротическому роману с элементами садомазохизма неизвестного автора, написанному, предположительно, в 1908 году.

**Изабеллин, или Изабелла — бледно-серо-желтый, бледно-желтовато-коричневый, бледно-кремовый коричневый или пергаментный цвет.

Глава 15.

Сон Вероники был омрачен дурными предчувствиями; казалось, над домом нависла тень, наподобие той, что нависает над тюрьмой, когда становится известно, что один из заключенных будет повешен на рассвете; напряженная вибрация души, настраивающая ее на уход, задает тон всем остальным сознаниям в пределах диапазона своих колебаний, ибо ни одна душа не живет и не умирает обособленно; общество целостно, непрерывность Природы нерушима, и одна аура проникает в другую на всей протяженности нашей расы, и волнение одной души расходится рябью по всему морю духа до тех пор, пока импульс, который его порождает, не иссякает; рябь идеи, заряженной эмоцией, будь та положительной или отрицательной, распространяется сквозь время и пространство. В этом ключ к великому множеству вещей.

Итак, Вероника спала под тенью. В ее сны проникал образ Лукаса, и иногда это был мужчина, которого она встретила, впервые оказавшись в доме в Блумсбери Сквер, когда он предстал перед ней так, как исследователь предстает перед животным, подвергающимся вивисекции — воплощение разрушения — и все же без злобы; существо другого порядка, чьими действиями руководили мотивы, настолько отличные от ее собственных, что он казался совершенно непредсказуемым. В другой раз он представал в образе человека, который говорил с ней в лесу возле реки, показывая широкие аллеи жизни, уходившие далеко за видимый ей горизонт, и в то же время искушающий ее идти все дальше и дальше, как серебристая дорога, искушающая путника. Но в основном он выглядел как человек, испытывающий странную неизмеримую потребность, о которой не мог рассказать, и зывал к ней о помощи, природу которой она не могла постичь. Он внезапно возникал в лабиринтах ее снов, протягивая руки в мольбе, и глаза его были черны, как тогда, когда на поверхность выходила мягкая сторона его натуры; она устремлялась к нему, но он ускользал от нее, и она беспокойно скиталась по огромным пространствам, похожим на российские степи, пытаясь отыскать его; она знала, что он в беде, знала, что он нуждается в ней, но не знала, как ей его найти. Из этого тревожного сна она выныривала каждый час, находя лишь тень надвигающейся трагедии, ожидающей ее на пороге сознания.

Однако незадолго до рассвета все изменилось; тень, которая была смутной, хотя и зловещей, внезапно приняла определенную форму; она сгустилась, сузилась, удлинилась и приняла вид огромного меча с крестообразной рукояткой; с минуту он удалялся, словно бы освобождая место для удара, а затем стремительно опустился вниз по велению космической Руки, держащей его; мгновение он дрожал, как если бы пронзил сердце живого существа, а затем исчез, и Вероника, уснувшая мертвым сном, больше ничего не видела.

Она забылась тем тяжелым сном без сновидений, который оставляет тело одурманенным его

же собственными ядами, и, вероятно, проспала бы до самого полудня, если бы ее не разбудила старая смотрительница, яростно трясушая ее за руку. По ужасающему выражению на лице старухи она поняла, что произошло, хотя ее беззубое бормотание было неразборчивым; но Веронике не нужно было ничего говорить, она итак все знала. Завернувшись в кимоно, она последовала за старухой в комнату Лукаса.

Он лежал на кровати, вытянувшись на спине, держа ноги вместе и скрестив руки на груди, положив левую поверх правой, словно скульптура на могиле; солнечный свет озарял его лицо, и алые лепестки вьющейся розы, росшей под окном, были рассыпаны по покрывалу, занесенные в комнату ветром. Постель не была расправлена, а на подушке была единственная вмятина в том месте, где покоилась его темная голова. Комната была совершенно тихой и спокойной, и Вероника знала, что она была здесь одна; также тихо и намеренно, как человек снимает свою одежду, Лукас сбросил с себя тело этой ночью и перешел в царство теней, которое для него было одним из планов реальности.

Ждал ли он удара меча или же открыл дверь и шагнул в нее, она не знала, но она была уверена, что это не было смертью в том смысле, в каком она была научена воспринимать ее. Лукас ушел, оставив свое тело, как если бы срочный вызов заставил его уйти и бросить свой багаж. Лукас был не здесь, а его тело с кожей оливкового цвета, служившее им местом встречи, больше не было таковым; ее друг ушел и она не знала его нового адреса, и было непонятно, сможет ли он снова общаться с ней, но ее друг не перестал существовать. У нее не было ощущения горя или потери, лишь растерянности; как Лукас собирался снова связаться с ней? Вспомнит ли он о ней или же забудет? В комнате не ощущалось никакого беспокойства; какую бы битву ни пришлось вести Лукасу, она закончилась еще до его ухода; он был повержен, она знала это, ибо он не хотел уходить, но война еще не была закончена, он лишь был отброшен на вторую линию окопов; с его уходом звуки сражения стихли, и теперь лишь умиротворение пустоты царило в комнате.

Она долго стояла так, глядя на тело на кровати; она совершенно не была потрясена, но она была озадачена тем, каким может быть следующий шаг в этой игре. Звук тяжелых шагов на ступенях вернул ее из задумчивости, и она повернулась, чтобы столкнуться с мужчиной рабочего вида, которого, по всей видимости, позвала старуха.

- Э, мэ, - сказал он. - Это кошмарное происшествие. Ваш бедный муж...

Он заметил ее палец без кольца и замолчал в нерешительности, ибо ум деревенских жителей был чрезмерно традиционным. Его вмешательство задело каждый нерв в теле Вероники; она хотела пребывать в том странном возвышенном состоянии, к которому привыкла за последнее время, в той ментальной атмосфере, которая оказывала тот же эффект на разум, какой разреженный воздух в горах оказывал на тело. Она не хотела разговаривать, чтобы не разрушить эту атмосферу контактом с другим человеком; не произнеся ни слова, она немного отстранилась, мягко вытолкнула мужчину за дверь и захлопнула ее у него перед носом; потом она уселась в кресло рядом с окном, и попеременно смотрела то на залитый солнцем сад, то на залитое солнцем лицо на подушке.

Наконец, ее уединение вновь было нарушено. Мужчина с маленькой коричневой сумкой для вызовов в руках, возникший в дверном проеме, изучал комнату. Он переводил взгляд с лица на подушке, умиротворенного смертью, на лицо женщины, сидевшей у окна, которое тоже, казалось, выражало такое же точно умиротворение. Затем он подошел к кровати и начал молча проводить обследование; казалось, он не посмел нарушить тишину. Но тишину нарушила сама Вероника. Действия мужчины вернули ей способность к действию, и она мгновенно заняла оборонительную позицию.

- Я не хочу, чтобы к нему прикасались, - сказала она, заговорив впервые за день.

Новоприбывший мягко ответил:

- Боюсь, что к нему придется прикоснуться. Нам много всего придется сделать, но вы можете быть совершенно уверены в том, что мы сделаем для него лучшее, что мы можем, равно как и для вас. Скажите, вы не его родственница?

- Я его секретарша, - ответила Вероника.

- О, - ответил доктор, - Ну, как бы то ни было, мы сделаем лучшее, что в наших силах, и для вас тоже. Но вы не знаете, где можно найти его родственников?

- Нет, - сказала Вероника. - Не думаю, что они у него были.

- Вы провели здесь не слишком много времени, верно? Где вы были до того, как приехали сюда?

Вероника ответила.

- А что вы там делали?

Сначала ей захотелось рассказать ему обо всем, но затем она поняла, что не может; она соприкоснулась со скрытой стороной вещей, а он нет, и она не могла говорить с ним об этом, между ними зияла огромная пропасть; он был чужаком, он плавал на поверхности, но она была посвященной, она прошла сквозь завесу и увидела причины явлений; отныне она принадлежала к скрытой стороне вещей, она была лишь странником и временным обитателем в мире явлений, и могла создавать связи, дружить и проявлять симпатию лишь к тем, кто видел жизнь также, как видела ее теперь она. Она должна была идти одна, если только рядом не было людей ее типа, а доктор явно был не из них; она не могла ничего ему рассказать, он бы этого не понял.

Так что она принялась за сухую констатацию фактов. Она была у Лукаса в подчинении. Он ушел от своего собственного работодателя и приехал сюда, взяв ее с собой. Она не знала, почему он уволился; она не знала, кем были его работодатели, это было что-то вроде научного общества, как ей казалось; как бы то ни было, если доктор направит запрос в дом в Блусмбери, они, вероятно, расскажут о себе; это было не ее дело, ей хорошо платили и она не задавала вопросов. Нет, она не состояла в отношениях с Мистером Лукасом, она уже говорила. Нет, она не знала его имени. Нет, и возраста тоже. Он подписывал документы как Дж. Лукас. Нет, она не знала, что значит Дж., это могло быть Джеймс или Джон, она не имела ни малейшего понятия об этом, это ее не касалось и этот вопрос ее никогда не интересовал. Она всегда обращалась к нему Мистер Лукас. Нет, она не могла пролить свет на причину его смерти, предыдущей ночью он еще был в порядке. Он никогда не жаловался ни какие заболевания, хотя недавно он сказал, что чувствует себя уставшим.

Доктор ухватился за это утверждение, как за первую данную ему внятную подсказку, а Вероника, поскольку ее не спросили, сочла, что не обязана говорить о причине усталости Лукаса; те, кто имеют дело со скрытой стороной вещей, стоят в стороне от своей расы и улаживают конфликты своими собственными методами. Вероника не считала, что Лукаса убили; она знала, что он просто был вынужден оставить тело и была абсолютно уверена в том, что он сможет позаботиться о себе, и пока ждала от него указаний, не предпринимала

никаких дальнейших действий. Наконец, доктор убедил ее выйти из комнаты и передал смотрительнице, и она, бедная старая душа, засуетилась вокруг нее, пытаясь выразить свое сочувствие невнятным бормотанием.

Длинные полуденные часы неспешно тянулись, погрузив девушку в полу-дремотное состояние; она никак не могла осознать, что мужчина, заслонявший собой весь ее горизонт в течение последних нескольких месяцев, лежал наверху мертвым, и что, какое бы будущее ей ни было уготовано, этот этап ее жизни закончился навсегда. Она воспринимала это как внезапную перемену в их планах; как остановку, может быть, но не как конец; она не могла предположить, каким будет следующий шаг, но игра, вероятно, еще не была закончена, и она пребывала в надежде и ожидании чего-то, что должно было в скором времени произойти.

Глава 16.

Выводы следствия были подробно представлены на страницах газет, и нет нужды приводить их здесь; читатель уже осведомлён о причинах, которые привели к скоростижной кончине Лукаса, и нет причин утомлять его полуправдой, озвученной тем, кого волнует лишь судьба плотной оболочки, от которой того заставили поспешно отказаться; доктор заключил, что причиной смерти стала сердечная недостаточность, вызванная переутомлением; это все, что он мог сказать. Тщательнейший перекрестный допрос Вероники, тщательнейший анализ внутренних органов покойного не дал совершенно никакого представления о том, почему он мог умереть, его жизнь просто оборвалась и всё. И всё же у тех, кому пришлось разбираться с этим происшествием, осталось странное ощущение; все они чувствовали, что многое осталось нераскрытым, и всё же ни один из них не мог внятно сформулировать, что именно вызывало его сомнения и что еще следовало бы прояснить в этом деле.

Все они понимали, что молодая леди, которая была спутницей покойного, знала больше, чем пожелала им сообщить; знали они и то, что сурового вида мужчина, прибывший из Лондона и назвавшийся работодателем погибшего, не сказал всей правды в суде; а когда стало известно, что при погибшем нашли свежесоставленное завещание, по которому все его имущество отходило вышеупомянутой девушке, таинственности прибавилось, но все же никто не мог понять, что на самом деле связывало этих людей с произошедшей трагедией. Это была загадка, которую они не в силах были разгадать, так что они решили отступить от нее и вернулись к выводу, что смерть наступила по естественным причинам, что полностью соответствовало данным медицинского освидетельствования, хотя вся округа понимала, что здесь произошло нечто неестественное.

Однако после завершения следствия состоялась беседа из разряда тех, за присутствие во время которой они бы многое отдали, хотя что бы они могли из нее вынести, было трудно предугадать. Мужчина сурового вида пришел увидаться с Вероникой. Она сидела на террасе во время заката, когда услышала шаги по гравийной тропе, и, подняв голову, увидела его рядом с собой.

Он уселся на каменную балюстраду террасы, подался вперед, упершись локтями в колени, сцепил руки, и, максимально приблизив свое лицо к Веронике, посмотрел ей прямо в глаза.

- Итак, Мисс Мэйнеринг, я хочу правды. Что вас связывало с Лукасом?

- Я была его секретарём, - ответила Вероника.

Глаза мужчины изменились также, как глаза Лукаса в тот день, когда он выбирал одну из всех женщин, направленных к нему Лондонским бюро трудоустройства; он смотрел сквозь Веронику, а не на нее, и взгляд его был расфокусированным и стеклянным.

- Вы обладаете психическими способностями и привыкли находиться вне тела; скажите, можете ли вы делать это по собственной воле или кто-то должен загишнотизировать и вытолкнуть вас?

- Не понимаю, что вы имеете в виду, - ответила Вероника, стараясь выглядеть как можно более удивленной, а ее круглое детское лицо могло выглядеть очень удивленным, когда она предпочитала не понимать чего-либо, как уже выяснилось в ходе следствия.

- Не имеет значения, понимаете вы или нет. В вашем сознании возникают образы и я могу их считывать. В сущности, вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Ну же, Мисс Мэйнеринг, неужели вы не хотите открыться мне? Я пришел как друг, а не как враг; нам прекрасно известно, что вы совершенно не виноваты в том, как были использованы ваши способности.

Вероника все еще пыталась поддерживать удивленный вид и мужчина резко сказал:

- Бессмысленно притворяться, что вы ничего не знаете, потому что Лукас обо всем нам рассказал. Более того, это именно я видел, как вы материализовались в Ложе той ночью, и как только вы поднялись на свидетельское место, я сразу же вас узнал.

После этих слов Вероника достала носовой платок и расплакалась. Суровый мужчина стал мрачно крутить свои усы; в таких ситуациях женщины всегда оказываются в выигрышном положении.

- Очевидно, бесполезно пытаться вас образумить, - сказал он, - Но помните, что как бы много или мало вы ни узнали, вы не должны никому об этом рассказывать. Вы видели, что произошло с одним предателем, так что позаботьтесь о том, чтобы этого не произошло и ещё с одним.

- Вы слишком много на себя берете, - ответила она. - Вы не имеете права учинять самосуд. Это не было исполнением приговора, это было убийством, и вам придется ответить за это. Если бы вы дали ему время, он бы исправился, но вы не дали ему времени и теперь он мертв.

- Это в точности то, что думаю и я, - раздался голос позади них и они оба повернулись, с удивлением обнаружив старика с длинной белой бородой, незаметно пересёкшего газон, пока они беседовали. - Я отвечал за этого парня. Именно я вложил в его руки нож, которым он ранил себя, и вам следовало позволить мне самому разобраться с ним. Я всегда с ним справлялся, он по-своему любил меня, и мы с ней... - указав на Веронику взмахом своей сморщенной старой руки, он продолжил: - ...Могли бы вдвоем заняться им. А теперь вы породили причины, следствия которых мы не сможем так легко просчитать. Однако как юная леди относится ко всей ситуации?

- Упрямые, как ослы, - изрек мужчина сурового вида, закручивая свои усы еще более яростно, чем прежде. - Я умываю руки.

- Жаль, что вы не сделали этого раньше, - холодно ответил новоприбывший, и суровый мужчина повернулся и зашагал прочь по тропе, всё еще покручивая свой ус.

- Итак, дитя мое, - сказал старик, повернувшись к Веронике. - Давайте обсудим произошедшее и посмотрим, что мы можем сделать теперь. Нам практически всё известно, поэтому вам не следует думать, что вы можете выдать какую-либо информацию, которую Мистер Лукас не хотел бы нам предоставить; всё, чего мы не знаем, это какую роль во всём

этом играли вы. Вы знали, что вы делаете, или вы были пассивным инструментом в его руках?

- Я ничего вам не скажу, - ответила Вероника. - Не понимаю, почему я должна отвечать на ваши вопросы; вы убили Мистера Лукаса и, если хотите, можете убить и меня тоже, но я ничего не расскажу вам о нем.

Старик вздохнул.

- Не смею настаивать, учитывая ваш долг перед ним, - сказал он.

Вероника удивленно посмотрела на него.

- Какой долг? О чем вы?

- Так он вам не сказал? Он не доверял вам?

- Он практически ничего мне не говорил. Я ничего не знаю, за исключением того, о чем догадалась сама.

- Тогда почему вы так верны ему, если вы не его союзник? Вы должны бы быть его жертвой, его инструментом, использованным так беспринципно, как ни одно другое существо, использованное людьми, которое я мог бы вспомнить.

Вероника молчала, всматриваясь в последние отблески заката.

- Вы не поймете, если я скажу вам, - ответила она, наконец. - Я не уверена, что я сама это понимаю, но между нами существовала некая связь; я не понимала ее природы, но осознавала ее существование. Кроме того, на его стороне не осталось бы никого, если бы я ушла, а если бы он остался один, он бы окончательно потерялся. Он был плохим человеком, но он не был полностью плохим; мне кажется, в нем было что-то хорошее, и я думаю, что он бы исправился, если бы они дали ему шанс.

Мужчина протянул руку.

- Продолжайте верить в него, - сказал он. - Если его что-то и может спасти, то это только ваша вера.

Вероника заметила, что он тоже относился к Лукасу, как к живому существу, и хотела было задать вопрос, но осеклась, боясь выдать что-то, важности чего она могла не понимать.

Он уже сделал несколько шагов по тропе, когда вдруг вернулся обратно.

- Он был куда более плохим человеком, чем может представить себе девчонка вроде вас, - сказал он. - Вам понадобится вся ваша вера, если вы хотите возродить его, и я собираюсь сказать вам нечто такое, что должно укрепить вашу веру, хотя я боюсь, что это причинит вам очень сильную боль. Знаете ли вы, что Лукас пошел на смерть вместо вас?

Вероника уставилась на него широко открытыми глазами.

- Братству, членом которого я являюсь, стало известно, что наши секреты кто-то узнал, и мы решили нанести удар по этому человеку, что мы вполне были способны сделать, даже если не

знали точно, кто он; и Лукас, узнав об этом, встал и сказал: «Этот человек не более, чем инструмент, это я ответственен за произошедшее», поэтому братство оставило вас в покое и ополчилось против него, и я думаю, что они совершили огромную ошибку, ибо они должны были понять, что человек, принявший такое решение, уже повернулся к свету, и должны были дать ему время, чтобы пройти этим путем. Моя дорогая, я боюсь, что вы увидели самую темную сторону Тайной Мудрости; вы увидели ее использование во зло и вы увидели ее использование для наказания, лишённого хоть какого-то милосердия; но я прошу вас не забывать, хотя, вероятно, вы итак уже это знаете своим внутренним сознанием, ибо я думаю, что вы достаточно пробуждены для таких вещей, что сила, стоящая за братством, благотворна, хотя люди могут призывать ее всуе и использовать неправильно; ибо только люди величайшего калибра могут распоряжаться такой силой и не сгибаться под ее весом, или не быть разорванными ей на части; поэтому не судите строго человека, потерпевшего неудачу в оккультной работе. Пусть вас не вводят в заблуждение наши ошибки, наша слепота или наш страх, ожесточающие людские сердца; мы служим реальности, дитя мое, хотя и не всегда можем ясно воспринимать ее.

Вероника встала и протянула ему руку.

- Я не знаю вас, и у меня нет к вам претензий, - ответила она. - Но я чувствую, что могу доверять вам; вы поможете мне? У меня нет никого, кого я могла бы попросить, и я ничего не понимаю во всех этих деловых вопросах, и мне не к кому обратиться за советом.

Старик взял ее за руку.

- Я принимаю возложенную на меня ответственность и молюсь о том, чтобы справиться с ней лучше, чем с ответственностью за старшего ребенка моего духа, которого мы не уберегли.

Глава 17.

Старик остался у Вероники на три дня, чтобы заняться ее делами. Не то, чтобы они были слишком запутанными, ибо Лукас, очевидно, ждал своей смерти и подготовил все необходимое. Смерть Генерала Соуберри за каких-то пять дней до его собственной сделала его, а следовательно и Веронику, владельцем значительного имущества, лишь малой частью которого был дом в долине реки. Веронике предстояло уладить множество дел, прежде чем она могла вступить во владение своим состоянием, и старик очень хотел, чтобы она покинула мрачный и грязный дом, ставший местом трагедии, и поселилась с ним и его сестрой до тех пор, пока дела ее не будут улажены. Но она отказалась. В этом месте ей казалось, что Лукас был где-то рядом и что если она покинет его и переедет в оживленное людское жилище, он потеряет ее след, и каким бы злым он ни был при жизни, каким бы мрачным ни казался ей этот дом, она все же не могла заставить себя уехать отсюда. Она ничего не желала так сильно, как закончить с ворохом дел, которые обрушились на нее с его смертью, и спокойно наслаждаться тишиной, которая одна только могла позволить ему приблизиться к ней.

Поэтому она попросилась со стариком, пообещав связаться с ним, если ей что-либо потребуется, и осталась наедине со старой смотрительницей, своей единственной служанкой. Никто не беспокоил ее. Доктор, который настороженно относился ко всей этой ситуации, был счастлив разделить с ней; а викарий, считавший Веронику паршивой овцой, и вовсе не собирался портить свой имидж в глазах белой и пушистой паствы, пытаясь ее спасти.

Так проходили дни. Распорядок дня Вероники был близок к тому, которому они следовали в течение тех нескольких часов, которые провели здесь вместе с Лукасом. Утром она гуляла по территории и сидела на бревне у реки, а по вечерам прогуливалась по террасе. В перерывах

между этими занятиями она сидела в бильярдной комнате, служившей им гостиной, а иногда — в комнате, в которой умер Лукас. Она верила, что Лукас может появляться в местах, которые были ему знакомы, и что рано или поздно они смогут встретиться; но поскольку шли дни и она не ощущала его присутствия, в ее сердце закрадывался холодный страх. Может быть, он и вправду был мертв? Мертв в том смысле, какой большинство людей вкладывает в это слово? Она прекрасно понимала, что он покинул свое физическое тело, что мужчина с оливковой кожей и прямой осанкой больше не будет гулять рядом с ней той легкой пружинистой походкой, которая всегда отличала его; но она твердо верила в то, что Лукас как личность продолжал существовать — что организованная совокупность мыслей и чувств, которая составляла его характер, все еще удерживалась вместе централизованным сознанием, все еще приводилась в действие желаниями и контролировалась направленной волей, и что именно это организованное сознание и было ее спутником, а не те пять футов и девять дюймов плоти и костей, которые теперь гнили на церковном погосте.

Лето сменилось осенью, и выйдя однажды на улицу после дождливой ночи, Вероника обнаружила, что дул ледяной ветер. Было слишком холодно, чтобы гулять по саду раздетой, поэтому она сняла с крючка старый плащ, в который Лукас завернул ее, когда увозил из Лондона, и облачившись в это одеяние, отправилась в лес.

Странное дело, но одежда как будто бы поглощает какую-то часть личности своих владельцев. Вероника обнаружила, что ее окружила ментальная атмосфера, которую всегда излучал Лукас, как если бы она вдруг оказалась рядом с ним самим, говорящим с ней в свойственной ему манере.

Смутность воспоминаний прошла и он снова стал живой действительностью, и ей внезапно показалось, что он хочет, чтобы она пришла к нему на могилу. Она никогда не ходила туда, ибо она никогда не думала, что сам ее друг был похоронен там, и, кроме всего прочего, она боялась любопытных глаз в деревне. Но теперь, в чем была, с непокрытой головой, завернутая в старый плащ, она отправилась выполнять его поручение.

Окольными путями, через лес, она дошла до церкви и вошла на кладбище незамеченной. Двое мужчин копали могилу, маленькую могилу для ребенка, а позади них виднелось три других маленьких могильных холма. Веронике показалось странным, что в такой маленькой деревне умирает так много детей, ибо четыре маленьких могилы указывали на тяжелую ситуацию с детской смертностью при столь низкой плотности населения. Веронику отделяло от могильщиков лишь несколько кустов и когда она подошла ближе, до нее долетели обрывки их разговора:

- ...И хотя следствие длилось несколько дней, и они не хоронили его еще неделю, чтобы узнать, что скажут врачи в Ланноне, и лишь затем Мистер Сэмпсон должен был его похоронить, он оставался всё также свеж, как и в день своей смерти, и на теле его не было ни единой отметины...

Когда Вероника обогнула церковь в поисках могилы Лукаса, ее локтя коснулась рука, и она обернулась, увидев миловидного, свежего молодого человека со шляпой в руках, который обратился к ней:

- Я... Я прошу прощения, но... Это же вы Мисс Мэйнеринг?

Вероника кивнула.

- Тогда, если вы позволите проводить вас - вам сюда, - и он повел ее через кусты в дальний

угол кладбища, ибо инстинктивное чутье деревенских жителей подсказывало им, что Лукас не был одним из них и даже после смерти они отвели ему место как можно более далекое от того, где должны были лежать они сами или их дети.

Вероника остановилась, глядя на свежую насыпь сырой земли; здесь покоилось все, что осталось от Лукаса, как думал весь мир, и она почувствовала, как холодная волна страха поднималась в ее сердце при мысли, что мир, судя по всему, был прав; не было никаких доказательств обратного и никакая призрачная рука из могилы не коснулась ее, как она ожидала, и у нее не возникло совершенно никаких предчувствий, и теперь, когда она стояла перед этой глиняной насыпью среди тисов, смерть в том виде, в каком ее знал весь мир, казалась неопровержимым фактом; за каким странным призраком веры пытался угнаться Лукас, таща ее за собой в своем поезде? Он умер от сердечной недостаточности, вызванной переутомлением, как заключила медицинская комиссия; а перед тем, как умереть, страдал от галлюцинаций, и она, очарованная его личностью, тоже поверила в них. Но теперь он был мертв, а здесь было захоронено его тело, а его душа, согласно всем постулатам ортодоксальной веры, отправилась в ад. Это был конец.

Вероника вынырнула из своих мыслей. Сквозь унылые вечнозеленые заросли дул холодный ветер, поэтому она плотнее завернулась в тяжелый плащ и вытащила ноги из раскисшей земли, в которой они утонули. В десяти шагах от нее все еще стоял в ожидании мужчина с непокрытой головой, показавший ей дорогу в могиле, и наблюдал за ней, и как только она отошла от могилы, он подошел к ней, преисполненный неловкого английского сочувствия, неловкость которого лишь усиливалась двусмысленностью ее положения; но какими бы ни были ее отношения с Лукасом (а у деревни на этот счет было совершенно определенное мнение), он был тронут видом этой одинокой девушки, пришедшей к столь же одинокой могиле.

- Я... Я боюсь, вы прескверно чувствуете себя в усадьбе, - начал он неуверенно. - Особенно после всего пережитого. Это место внушало отвращение даже в лучшие свои времена. Я ужасно сожалею о случившемся. Должно быть, вы переживаете кошмарный период.

Вероника молча и неподвижно смотрела на него некоторое время. Это был крупный, румяный парень, похожий на одного из тех, с кем она играла в теннис в садах на холмах Суррей; он напоминал о старых днях, когда ее мир еще не рухнул ей на голову, днях, которые, как ей казалось, навсегда остались в прошлом, и в память о тех днях она улыбнулась.

В спокойствии Вероника казалась милой куклой; оживляясь, она казалась милым ребенком, но ее улыбка была улыбкой Моны Лизы, превращавшей ее в вечную женщину, древнюю как мир, но не имевшую возраста, и намекала на скрывавшиеся за ней сущностные силы жизни, пребывавшие в спокойном и неактивном состоянии, и лишь ожидавшими прикосновения, которое их пробудит; и ни один мужчина, видевший эту улыбку, не мог удержаться от попытки подарить ей это прикосновение и увидеть, как по его команде разгорится пламя.

Наконец, Вероника заговорила.

- Это очень мило с вашей стороны, - сказала она. - Но мне не было одиноко. После того, как все закончилось, я была счастлива побыть в тишине.

- Но эта Богом забытая усадьба - скверное место для девушки. Как долго вы планируете там оставаться?

- Я не знаю, - ответила Вероника. Еще час назад она бы сказала, что планирует прожить там

всю жизнь, но теперь ей овладело странное равнодушие. Лукас был мертв, все было кончено; не было никакого смысла там оставаться.

- Вы сейчас возвращаетесь в усадьбу? Я могу показать вам короткий путь через лес, если хотите, и вам не придется идти через деревню, - и он повел Веронику к тропе, которая вела через дыру в низкой каменной стене, окружавшей церковное кладбище. - Меня зовут Алек Батлер, - продолжил он. - Мой отец местный врач.

- Я помню его, - ответила Вероника. - Он приходил, когда умер Мистер Лукас.

- Эм... Да, - ответил Алек, смутившись, и между ними повисла тишина, которую Вероника не потрудилась нарушить.

Но внезапно тишину нарушил сам мужчина.

- Послушайте, взгляните на свою руку! - воскликнул он. - Она в крови!

Вероника в удивлении подняла руку. Тонкая струйка крови стекала по ее запястью и тяжелыми каплями падала с пальцев на лежавшие под ногами мертвые листья, разлетаясь алыми брызгами в бледном свете солнца, наконец-то показавшегося из-за облаков. Такое же багровое пятно виднелось и на серых камнях, валявшихся вокруг разрушенной стены. Вероника откинула негнувшийся рукав плаща и увидела, что кровь, капля за каплей, вытекала из вен ее предплечья; рана, которую Лукас нанес ей во время той странной сцены, что разыгралась в ночь его смерти, по каким-то неизвестным причинам вновь открылась и начала кровоточить.

- Послушайте, это же довольно глубокий порез! - воскликнул Батлер. - Как вы только умудрились? - и достав большой белый носовой платок, он весьма умело перевязал им ее руку. Однако он не спешил с завершением этой задачи и Вероника подозревала, что получи он хоть малейшее одобрение с ее стороны, он бы взял ее под руку, поэтому она решительно опустила грубый рукав и спрятала пораненную руку под плащ; некоторое время они еще постояли так, и мужчина смотрел вниз, на девушку, а девушка вверх, на него. От ветра их укрывала низина и хотя он трепал верхушки деревьев, подлесок оставался нетронутым. Но пока они стояли, вдруг налетел легкий странный ветерок и начал кружить вокруг них; небольшие воздушные вихри закручивали мертвую листву в маленькие смерчи, и этот причудливый ветерок был странно холоден, словно ветер, дувший в пещере. Вероника задрожала и плотнее закуталась в плащ, а Батлер, движимый сам не зная каким порывом, оглянулся, и они одновременно зашагали дальше по тропе ускоренным шагом.

Батлер проводил Веронику до самой нити провисшей проволоки, окаймлявшей проржавевшие ворота, и остановился в нерешительности, ожидая приглашения войти. Однако его не последовало; Веронике о многом нужно было подумать и хотелось побыть одной, и неохотно подняв шляпу, он развернулся и пошел обратно.

Легкий холодный ветерок все еще обдувал Веронику, когда она пробиралась сквозь заросли, и она слышала, как он шелестит в ветвях позади нее, и видела, как неухоженные лилии шевелились над ее головой, и листья дождем осыпались сверху. Она остановилась у открытого окна на террасе, заметив, как маленькие спирали из листьев танцуют в неподметенных углах лестницы, и когда она открыла дверь, поток опавших листьев дикого винограда, красных, словно кровь, пронесся по полу и поднялся вихрем в головокружительном танце перед камином.

Вероника плюхнулась в большое кожаное кресло и уставилась на теплящийся огонь. Поскольку сквозняк прекратился, листья легли блестящими пятнами на выцветший ковер. Все стихло.

Вероника оказалась на распутье, это подсказывала ей женская интуиция; она могла, переключившись на Батлера и все то, что он нес с собой, снова вернуть свою душу в нормальное состояние; или она могла, сосредоточившись на личности Лукаса и том странном мире, от которого у него был ключ, уйти туда, куда стремился уйти он, достигнув большей свободы души. Все ее раннее обучение, сильнейшая вещь в жизни, толкала ее к тому, что символизировал собой Батлер, к ее излюбленным холмам Суррей, к садам и вечерам у камина; но Лукас освободил ее от межзвездного пространства и эонического времени, и показал ее душе путь из темного Океана Непроявленного к Космическому Огню. Она видела это, и она не сможет забыть; ни одна душа не смогла бы. Словно ласточка, слишком долго парившая в небесах, Вероника готова была сложить свои крылья под навесом человеческого жилища, но все же она была птицей, познавшей полет, а не птицей скотного двора, и рано или поздно ей снова захотелось бы взлететь; рано или поздно, она чувствовала, вновь раздастся зов Незримого и она должна быть готова ответить на него.

Так сменялись ее настроения. Приветствие садовника, крики детей, игравших ниже по дороге, и ее понимание, что Лукас был мертв и погребен, и безумный сон окончен; затем, когда угасал дневной свет и в дом проникал вечерний ветер, закруживая листья в спиралевидном танце, угасающий в камине огонь начинал освещать все меньше пространства и в углах возникали тени; тогда невидимый мир подбирался очень близко к Веронике и завеса, которая защищает нас, смертных, от чрезмерно яркого жизненного пламени, истончалась, и сквозь щели в ней она улавливала кратковременные, зыбкие отблески быстрых потоков пространства, кружащихся и вздымающихся облаков славы, поднимавшихся словно дым из печи, и исполинских Форм, движущихся среди них; и среди всего этого, словно летающие золотые пчелы, мелькали заостренные кверху огоньки, являвшиеся сокровенными душами людей; некоторое из них спали в течение краткого промежутка между смертью и новым рождением, другие — наслаждались большей свободой, что разделяет рождение и смерть. За пределами шоу теней нашего мира она видела отблеск великого Присутствия, которое отбрасывало эти тени, и рано или поздно из завихрений и ускорений пространства к ней должен был выйти тот, кого она ждала, и позвать ее за собой.

Потом старая смотрительница приносила утренние газеты, доставленные запоздавшей сельской почтой, и Вероника стряхивала с себя свои видения и возвращалась к реальности.

Глава 18.

Настроение Вероники менялось также быстро, как солнечная погода сменялась пасмурной в эти короткие осенние дни, но она все еще оставалась в ветхом старом доме. А меж тем Батлер старательно развивал знакомство, завязанное у свежей могилы. Он приходил в странное время, в самый разгар утра, после чая, а также после ужина, но никогда не оставался разделить трапезу, даже если стол уже был накрыт. Это вызвало бы много разговоров в домашнем кругу, а он не хотел, чтобы домашние узнали о его визитах в усадьбу к ее одинокой обитательнице. Вероника, не зная, как устроен мир, удивлялась его отказам и не понимала, что они могли значить. Батлер готов был стать защитником попавшей в беду красавицы, но только до определенных пределов; вне этих пределов он был связан условностями своего мира.

Но тем не менее, не смотря на сложности, он так часто пользовался укромной лесной тропой, начинавшейся на церковном кладбище, что даже мастиф, сидевший в будке на цепи и охранявший задние помещения, начал узнавать его шаги и перестал лаять при его

приближении. Снова и снова, сидя в залитой теплым светом комнате вместе с Вероникой, он был почти готов попросить ее стать его женой, но снова и снова колебался. Она спокойно рассказывала о своем детстве, о времени своей учебы в колледже, но о своей жизни с Лукасом она рассказала ему не больше, чем следователям. Она была секретарем Мистера Лукаса в Лондоне, когда он управлял делами Общества по Сравнительному Изучению Фольклора; она приехала с ним в Бекерин, чтобы продолжить выполнять свои обязанности, когда он покинул Лондон; он был очень добр с ней и она не потерпит никакой клеветы в его адрес. Как и все остальные в округе, Батлер понимал, что эти очевидные заявления не могли объяснить всего, но Вероника не собиралась просвещать его, а ему не хватало смелости спросить ее обо всем напрямую.

Не сумевший найти работу среди всей послевоенной разрухи, живший в доме своего отца и зависящий от него даже в деньгах на карманные расходы, и еще не пришедший в себя после сильного отравления газом, он находился не в том положении, чтобы выбрать путь, который вызовет недовольство родителей, так что Батлер не мог занять никакой определенной позиции в отношении Вероники. Дни проходили довольно приятно, он проводил с ней так много времени, как если бы они официально встречались, но был избавлен от всех проблем, которые могла бы вызвать огласка; ни одного другого мужчины не было видно на горизонте, так что ему не нужно было делать предложение из страха потерять ее. Вероника, со своей стороны, все еще оставалась жертвой переменчивых настроений и придерживалась столь же гибкой политики в отношениях с Батлером. Хотя он отлично подошел бы на роль Прекрасного Принца и победителя драконов в те дни, когда она жила в Суррей, то время ушло навсегда, и в кратком насыщенном промежутке Вероника узнала мужчину, в котором так яростно пылал огонь жизни, что все другие мужчины казались блеклыми на фоне его света, словно печь, на которую светит Солнце. Другие мужчины казались ей теперь слабыми, один лишь Лукас был мужчиной в самом расцвете сил. Батлер был ребенком, щенком; ей нравилось его общество и ей льстило, что она ему нравилась, но он не мог разжечь в ней огня. Лукас, с помощью алхимии своей личности, поднял температуру возгорания ее эмоций так высоко, что мало кому из ныне живущих удалось бы воспламенить ее снова.

Так бы всё и продолжалось неопределенно, если бы Батлер не пришел в один день без предупреждения и не обнаружил Веронику грызущей конец своей ручки в попытках расправиться с какими-то официальными бумагами. Его предложение помощи было принято, и он быстро понял, что помогает разобраться в вопросах, связанных со значительным состоянием. Это придавало делу совершенно иной оборот. Батлер не хотел быть меркантильным, да и не был, в сущности, таковым по своей природе, но он был слаб, а страсть его была не такой сильной, чтобы заставить его преодолеть все препятствия на пути к желаемому. Обнаружение, что у Вероники есть средства, и притом немалые средства, устраняло финансовый барьер, мешавший их женитьбе. Конечно, он не собирался жить за счет жены, он нашел бы работу и поправил свое положение, но они могли не зависеть от доброй воли его семьи, доброй воли, которая, как он был уверен, никогда бы не распространилась на Веронику, даже если бы она сумела доказать свою непорочность после той дурной славы, которую она заслужила в деревне, а Вероника не выказывала ни малейшего желания отмыться от клеветы, в которой ее испачкали. В сущности, она была так неопытна в жизни, что не понимала, почему ей вообще нужно отмыться, ведь ее совесть была чиста и это все, что имело для нее значение.

Батлер придвинул стул к столу и помог Веронике заполнить свидетельства на получение дивидендов. Хотя уже достаточно стемнело для того, чтобы попросить зажечь лампу, его голова оказалась куда ближе к ней, чем того требовали обстоятельства, и в следующий момент роковые слова могли бы сорваться с его губ, если бы внезапно кипа сухих листьев не ударила в стекло и резкий порыв ветра не заставил задрожать окна. Они оба в недоумении

подняли глаза, ибо ночь до этого момента была спокойной.

- Начинается шторм, - сказал Батлер, и стоило ему это сказать, как новый порыв ветра ударил в окно с еще большей силой; рамы напряглись, затряслись, а затем ветхая задвижка поддалась и обе створки застекленной двери отворились, и сильный порыв ветра ворвался в комнату, а вместе с ним — поток танцующих листьев. Лампа погасла, но огонь поленьев взметнулся вверх, и пушистый пепел из камина присоединился к листьям в диком хороводе бури. Батлер схватил створки двери и с усилием захлопнул их, а затем чиркнул спичкой и вновь зажег лампу; снова стало светло и стало видно медленно оседавшие по всему полу красные листья и серый пепел. Вероника сидела среди своих раскиданных бумаг и смотрела в пустоту невидящими глазами. Казалось, что что-то из дикой ночи снаружи вошло в комнату вместе с порывом ветра, и хотя все смолкло, томный дух темноты разливался по ней; лампа давала меньше света, огонь давал меньше тепла, а завеса, скрывавшая незримое, свисала лохмотьями, покачиваясь от малейшего дыхания. Вероника чувствовала, что стоит этой странной атмосфере, разлившейся по комнате, стать еще хоть немного более ощутимой, и что-то станет видимым для физических глаз их обоих, даже для лишнего воображения Алека, подобно тому, как жидкость, в которой раствор достигает точки насыщения, внезапно кристаллизуется. Однако невидимый мир, который в этот раз приблизился к ней, был не невидимым межзвездного пространства, но скорее напоминал подземные воды; он был темным, густым, угнетающим, как воздух в колоде; лампа в такой атмосфере не разгоралась, а в камине среди поленьев виднелись лишь маленькие голубые огоньки; но Батлер, в счастливом неведении и со здоровой невозмутимостью, собрал разбросанные бумаги, раскурил трубку и снова сел к столу, чтобы закончить начатое дело.

К счастью, оно было почти закончено, ибо Веронике сложно было концентрироваться на документах, требовавших ее подписи; Батлер тоже торопился, ибо уже приближалось время ужина, а он не хотел вызывать подозрений своими отлучками, опаздывая к трапезе, так что они быстро разобрались с задачей и он встал, чтобы уйти. Однако Вероника не хотела, чтобы он уходил, и ему пришлось побороть все ее попытки оставить его, чтобы вместе поужинать. Она открыла дверь и вышла на террасу. К своему удивлению они обнаружили, что ветер стих также внезапно, как и начался, и никакого движения воздуха не наблюдалось в закрытом от ветра саду. Заметив это, они некоторое время стояли, глядя на звезды на безоблачном небе, но как только Батлер повернулся к Веронике для последнего прощания, тишину в долине нарушил пронзительный вой собачьей агонии. Вой доносился из подсобных помещений, где жил старый сторожевой пес, и выросший в деревне Батлер инстинктивно бросился на помощь несчастному животному, быстро обогнув террасу вместе с Вероникой.

Они увидели старого мастифа, чьей задачей было охранять дом, лежавшим на боку на каменных плитах рядом с бочкой, которая служила ему будкой; его темная морда была вся в пене и он тяжело дышал, но в остальном с ним, кажется, все было в порядке. Он поднял голову, ощутив их присутствие, но снова уронил ее на камни, выглядя совершенно измученным.

Батлер опустился на колени и осмотрел его.

- Бедный старикан, - сказал он. - Должно быть, у него случился какой-то приступ.

И взяв тяжелую собаку на руки, он умудрился положить ее обратно на солому в ее будке, а существо, которое было слишком слабым для того, чтобы сопротивляться, угрюмо приняло его помощь.

- Не понимаю, что с ним могло случиться, - сказала Вероника. - Прошлой ночью он тоже

очень странно выл. Я никогда не слышала раньше, чтобы собака так выла; протяжный вой на одной ноте. Садовник сказал мне, что такой вой предвещает смерть, и сказал, что в хибарах ниже по улице очень расстроились из-за этого; он сказал, что собаки так воют, когда видят разгуливающие души умерших, но никто не умер той ночью, разве что какой-нибудь бродяга или цыган сгинул в полях. Люди даже отправились посмотреть, смогут ли они там кого-нибудь найти.

- О, какой вздор, Вероника! Вы же не хотите сказать, что всерьез воспринимаете весь этот бред? - воскликнул Батлер. - Мамин мопс однажды забрался в мусорную корзину и наелся пуха, который сняли со щетки для ковра, и завыл точно также, когда не смог вздохнуть; я вытащил эту дрянь из его горла при помощи пера. У вашего зверя, вероятно, что-то застряло в дыхательных путях, но чем бы оно ни было, он уже прокашлялся, потому что снова дышит нормально.

И он повел ее обратно на террасу вокруг дома, чтобы оставить в безопасности у двери, прежде чем отправиться обратно в деревню.

Он был на седьмом небе от счастья и ноги его едва касались земли; он почти заполучил Веронику (ему не приходило в голову, что она могла ему отказать), и он насвистывал Свадебный Марш Мендельсона, пока шел по темной лесной тропе. Он прекратил свои упражнения, лишь когда зашел на кладбище, ибо он был хорошо воспитан и считал непочтительным свистеть в таком месте. Только что взошедшая Луна оставляла озера света среди темных тисов и в одной из таких областей возвышалась грубая глиняная насыпь, под которой покоился мужчина, чье влияние на выбранную им девушку все еще было ощутимым. Он остановился у этой насыпи. Какую тайну он хранил? Он должен был прямо поговорить с Вероникой обо всем этом, прежде чем сделает ей предложение; не годится, если у жены будут секреты от мужа, и он решил узнать все обстоятельства этого дела. Кем был этот парень и что ему было нужно? Славно, что он отчалил и расчистил тебе путь, Алек.

- Ну, старина, - сказал он вполголоса, кивая лежавшему внизу человеку. - Боюсь, я отбил твою девчонку, но тебе ведь она больше не нужна, правда? Ты ушел туда, где не женятся и не делают предложений; всего тебе хорошего, я надеюсь, ты там счастлив и играешь на арфе, и не скучаешь по тому, как веселился здесь. Пожелай мне удачи, дружище, даже если я тебя обставил.

И он, насвистывая, пошел дальше. Даже на кладбище он не мог успокоиться, думая о своих перспективах. Ночь была тихой и на этот раз никакой легкий ветерок не возник у могилы, чтобы охладить его тело и сердце, и заставить его ускорить шаг.

Вероника, оставшись в усадьбе в одиночестве, поужинала и села у камина, уставившись на пламя. На окнах не было ставней, а тяжелые саржевые занавески легко поддались бы любой попытке сдернуть их, и они были настолько прогнившими от сырости и старости, что ночь беспрепятственно заглядывала в окна, что могли сделать также и те создания, которые обитали в ней. Однако Вероника не боялась; вылеты из тела, к которым ее приучили действия Лукаса, лишило невидимое покровов ужаса; она знала, что скрывалось в нем, оно не было ей незнакомо, и она также знала, что могла в любой момент попросить о защите, и чувствовала себя в безопасности, словно маленький ребенок, нашептывающий старую молитву:

Четыре ангела, стоящих у постели,

Двое в ногах и двое в изголовье:

Мэттью и Марк, Джон и Люк,

Защитите меня, пока я сплю.

Так она и сидела, глядя на пламя и вспоминая свою жизнь. Свое детство на холмах Суррей, где никогда ничего не происходило; свою сложную жизнь в колледже; свое знакомство с Лукасом и всю последующую вереницу событий; и, наконец, задумалась о своей привязанности к этому старому, сырому дому, в котором он умер. Затем она вспомнила о Батлере; из-за того, что ее чувствительность повысилась благодаря тем процессам, которые запустил в ней Лукас, она без труда уловила его мысли, когда он сидел рядом с ней за столом, и прекрасно понимала, что вскоре он сделает ей предложение, и она думала, какой ответ она даст ему; если бы не было Лукаса, он бы очень сильно ей понравился, ведь он отлично подошел бы той непробужденной милой кукле, которой она была прежде; он был крупным, красивым, добродушным блондином; любил все то, что любила она — собак, сады, маленькие двухместные автомобили и велосипеды; читал дешевые романы; любил популярную музыку с запоминающимися припевами; всегда готов был повеселиться и был хорошим во всех отношениях парнем; и он уже привык обращаться с ней как со своей собственностью, что ей определенно нравилось. Но за его спиной возвышалась темная личность Лукаса, и хотя Батлер прекрасно подходил той девушке, которой она была до того, как переступила порог дома в Блумсбери Сквер, теперь пробудилась к жизни какая-то часть ее природы, которую он не смог бы ни понять, ни удовлетворить.

Ей казалось совершенно естественным, что собака может видеть уходящие души умерших, когда они устремляются в последнее путешествие, и может бояться их; она бы и сама испугалась, если бы не знала, что с ней происходит, но почему кто-то должен был бояться своего друга, будь он в теле или вне его? Смерть никак не меняет человека и если он был кому-то другом при жизни, то останется им и после смерти. Она сама была таким же точно призраком, как и любой умерший человек, когда материализовалась на полу Ложи, но ее природа при этом не изменилась; и человек, который видел ее, Мистер Фордайс, не испугался; он просто разозлился и посчитал ее поступок дерзким, как если бы она проскользнула в своем физическом теле туда, где ее совершенно не ждали. А Алек относился ко всем подобным вещам в первую очередь как к обману или суевериям, и если бы он сам увидел нечто подобное, то перепугался бы до смерти. Какую же свободу давало это знание, путь даже столь малая его часть, как досталась ей; жизнь стала бесконечно больше, а смерть перестала пугать; не смотря на всё пережитое, она не хотела бы возвращаться в прошлое. Она обладала чем-то таким, чем не обладал Батлер, да и никогда не смог бы обладать, если бы только не прошел по пути, по которому прошла она, что вряд ли бы случилось; человек должен заплатить определенную цену за это странное освобождение души, но это стоило того. Как сказал старый Доктор Латимер, она видела только темную сторону оккультизма; она видела Лукаса, пытавшегося использовать черную магию, и она видела, как Братство покарало его; и все же своим собственным внутренним взором она видела, что позади всего этого был свет. Она ощутила Присутствие, которое настолько же превосходило человека, как человек превосходит собаку; она познала Силу, которая могла зажечь огонь в душе, который никто не сможет погасить. Она гадала, какой могла быть ее прошлая инкарнация; она была уверена, что Лукас сыграл в ней особую роль. Она гадала, какой же будет ее следующая жизнь? Она была уверена, что он появится снова, и ей хотелось, чтобы в следующий раз все сложилось правильно, без всей этой трагедии и борьбы. Этим вечером явления внутреннего мира казались ей очень близкими и реальными, они были фактами ее личного опыта, а не рассказами из книг.

Она была уверена, что встретится с Лукасом в следующем воплощении, но встретит ли она его снова в этой жизни? Он ушел преждевременно, в самом расцвете сил, не закончив свою работу, и все его желания были прикованы к земле; его смерть сильно отличалась от смерти

старика, прожившего отмеренный ему срок, чья хватка за жизнь неуклонно ослабевала и чьи друзья ждали его по ту сторону завесы; про такого человека можно было сказать, что он обрел свободу, отбросив тело, но Лукас был отчаявшейся душой, и она знала, что он вернется, если это будет в его власти. Внезапная мысль пришла ей в голову, а не был ли Лукас тем, кого видел пес и на кого он выл? Может быть, он и в самом деле вернулся и был где-то рядом? А если да, то как она могла установить с ним контакт? Как только эта мысль посетила ее, она выпрямилась, сидя в своем кресле. Ее страх перед Лукасом в те дни в Блумсбери Сквер был забыт, она помнила только того человека, которым он был последние сорок восемь часов, и она ощущала странную связь, существовавшую между ними, связь, которую смерть лишь сделала прочнее.

От размышлений ее отвлек звук шагов по гравии, что-то приближалось снаружи в темноте и внимание ее переключилось на дверь; сердце ее замерло, ибо звук таких шагов в одиноком сельском доме, в котором живут лишь две женщины, совершенно не радовал. Тень приблизилась к незанавешенной стеклянной двери и остановилась, вглядываясь внутрь, и она увидела, что это был старый мастиф, который сорвался с цепи и теперь стоял, разглядывая освещенную комнату, и глаза его сияли зеленым светом в отражении лампы. Эти странные, светящиеся глаза заставили ее вспомнить о том, как ее гипнотизировал Лукас, и его глаза, казалось, светились точно таким же внутренним огнем; в сущности, Лукас, как казалось, был совсем рядом этой ночью.

Она не испугалась собаки; собаки были ее страстью, и пока она раздумывала, стоит ли впустить пса погреться у камина, он решил этот вопрос сам, встав на задние лапы и оперевшись передними на дверь; и второй раз за вечер поддались ветхие задвижки, и он вошел в дверь, огромный пятнистый зверь, черная морда которого была подернута сединой, ведь это был очень старый пес.

Вероника пересекла комнату и закрыла за ним дверь, ибо ночь была холодной. Пес подошел к огню и встал возле камина, оглядывая комнату; он не бродил, обнюхивая все вокруг, как обычно делали собаки в незнакомом месте, но пользуясь больше глазами, чем носом, вертел головой из стороны в сторону, осматривая помещение и в особенности Веронику.

Она вернулась на свое место у огня, и он подошел и встал возле нее, глядя на нее карими собачьими глазами. Она подалась вперед и посмотрела ему прямо в глаза.

- На кого ты так выл прошлой ночью? - спросила она.

Пес раздул ноздри и громко залаял, и мощная лапа поскребла ее юбку. Он подошел ближе и положил свою тяжелую черную челюсть ей на колени, и посмотрел на нее с взволнованным выражением, которое морде мастифа придавали морщины.

Она наклонилась, и глядя ему прямо в глаза, сказала:

- Если снова встретишь мистера Лукаса, скажи ему, что я хочу его видеть.

Пес громко гавкнул, как будто бы с облегчением, и уселся на задние лапы. Рот его открылся, красный язык вывалился, и он усмехнулся так, как может усмехнуться лишь собака. Веронике совсем не понравилась эта усмешка; было что-то зловещее в том, как это глупое животное насмехалось над ней.

- Лежать, - скомандовала она, указывая на камин, и он послушно улегся там, куда она показала. Сама она занялась рукоделием, а пес лежал у ее ног, не двигаясь, но наблюдая за

каждым ее движением, пока не пришло время идти спать и она не поднялась с кресла.

- Пойдем, - сказала она своему другу, - Я должна привязать тебя на ночь.

Он последовал за ней к двери, и положив руку на его мощную шею, она проводила его во двор, и огромное животное покорно плелось рядом с ней. Там она обнаружила, что он сорвался с цепи, освободив голову из ошейника, поэтому она осторожно застегнула ремень на одну дырку туже, ибо ей не нравилась мысль, что этот огромный пес может разгуливать на свободе; да, пока он проявлял себя довольно дружелюбным созданием, но было что-то зловещее в его тихом появлении у двери; этот силуэт, вынырнувший из темноты, казалось, впустил в дом ночь, как если бы вместе с ним ворвались в дом невидимые обитатели подземного мира. Она вернулась в освещенную комнату через дверь, которую оставила открытой; но даже здесь она не нашла прибежища и казалось, что в ее отсутствие комнату заполнила тьма, которую не могла рассеять лампа. Мерцающее пламя, то поднимавшееся, но опадавшее по мере того, как сгорали дрова, бросало в темноту порывистые отблески, и казалось, что выпученные глаза огромных рыб в стеклянных ящиках горели жизнью. Вероника зажгла свечу и поспешила наверх, подальше от этих зловещих теней.

Глава 19.

С утра ее нервозность показалась ей смешной. Да, она все еще съезживалась от мысли, что мастиф мог свободно разгуливать по дому, ведь он был большой и сильной собакой, и был бы очень опасным посетителем, если бы его нынешнее благодушие сменилось злостью, а собака, которая охраняла дом всю свою жизнь, вряд ли обладала кротким нравом. Что-то в нем, однако, привлекало, хотя одновременно и отталкивало; это была собака, которая странным образом казалась личностью, как некоторые из тех псов, которые глубоко доверяют своим хозяевам и привыкают смотреть на вещи также, как люди, из-за постоянного пребывания рядом с ними.

После завтрака Вероника отправилась проведать его и посмотреть, не страдал ли он от последствий своего странного недомогания предыдущей ночи. Он не вышел, чтобы поприветствовать ее, как она ожидала, учитывая его недавнее дружелюбие, и только когда она опустилась на колени у входа в его будку и позвала его, оттуда высунулась голова. Затуманенные глаза удивленно моргнули, увидев солнечный свет, и голова снова исчезла, и никакие призывы не побудили ее выглянуть снова, хотя собачьи глаза светились странным зеленым животным огнем из темноты будки; Веронике показалось, что слюна на челюстях животного слабо фосфоресцировала, и все «впечатление» от собаки, будки и окрестностей было таким отталкивающим, что она быстро встала и поспешила подальше от двора и его зловещего обитателя.

Но когда она дошла до лужайки перед террасой, она почти надумала вернуться; было странно так относиться к собаке; прошлым вечером она почти полюбила дружелюбного старика, да и как бы то ни было, животное, очевидно, было нездорово. Увидев в зарослях садовника, она подошла и заговорила с ним о состоянии собаки, и тот сказал ей, что животное отказалось от еды этим утром, и что ему не нравилась идея осматривать его самостоятельно; однако в деревне был очень хороший ветеринар, и если Мисс Мэйнеринг пожелает, он попросит его прийти и осмотреть пса, и Вероника согласилась, что это обязательно нужно будет сделать, если зверь не почувствует себя лучше к следующему утру.

Завернувшись в плащ Лукаса, который стал ее привычной одеждой теперь, когда на улице стало холоднее, Вероника отправилась на прогулку по речному берегу, пытаясь стереть из памяти изображение светящихся глаз и слабо сияющей слюны, которые она увидела в темноте будки. Ее путь пролегал мимо ряда стоявших ниже по переулку хибар, в которых

жили рабочие; несколько детей, игравших на улице, смотрели на нее с жадным любопытством, а взгляды их старших родственников сквозь открытые двери были полны то жалости, то откровенной враждебности. Вероника пошла дальше; их мнения не волновали ее, ведь она принадлежала другому миру, чьи жители, дружелюбные или враждебные, обитали на другом плане существования, и только те человеческие существа могли быть ей близки, которые тоже ощутили свободу этого мира. Суровый мужчина, хоть и был к ней враждебен, каким-то неуловимым образом был ей ближе, чем Алек Батлер, как бы хорошо она ни была знакома с последним; а старый Доктор Уинтроп так и вовсе казался кровным родственником; она подумала, что ей стоит посоветоваться с ним, если Алек сделает ей предложение, а она была уверена, что он это сделает.

Она не могла принять решения по поводу Алека. Ее прежнее Я было бы вполне удовлетворено его простой, приятной внешностью, но ее нынешнее Я познало Лукаса со всеми его глубинами и высотами. Она разрывалась между двумя своими личностями, она чувствовала, что по своей воле могла выбрать одну или другую, но она не могла выбрать сразу обе, их невозможно было соединить. Если бы она пожелала вновь стать Вероникой с холмов Суррей, то ей нужно было бы вернуться по той дороге, которую открывал перед ней Батлер. Она не могла вернуться самостоятельно; как только она проникла в скрытое царство, рассеченная вуаль вновь вернулась на место; только близкий союз с обитателем внешнего мира мог вернуть ее назад. Всё это подсказывала ей внутренняя интуиция, которая день ото дня становилась все более острой; временами Веронике казалось, что это был какой-то голос, и она боролась с соблазном персонифицировать его; мой Друг из Мира Теней, называла она его, и представляла в виде яркого, светящегося Существа, которое двигалось на огненных ногах, и было того же порядка создания, что и Присутствие, к которому она привыкла за время тех странных полетов души, в которые отправлял ее Лукас в далекие дни, проведенные в доме в Блумсбери Сквер. Она помнила огромную Руку, которая закрыла за ней врата невидимого мира, запечатав их Знаком Креста; ей запрещено было снова искать этот мир, но теперь странным, неведомым образом он, казалось, приближался к ней; неуловимо, постепенно, как вырисовывались очертания предметов по мере приближения рассвета, ее медленно оживавшие чувства начинали улавливать смутные очертания другого состояния существования; иногда она ощущала нематериальное присутствие, а иногда невидимый фактор в других живых существах, который, как ей казалось, неуловимым образом отражал их сокровенные мысли и тайные эссенции душ. Справедливые речи и приятные лица больше ничего не значили для Вероники, ведь она судила по этим тонким эманациям, словно собака, которая, как говорили, могла учуять хозяина, и она испытывала комфорт или дискомфорт в зависимости от оттенка этого тонкого аромата. Именно слабость духовного аромата делала Батлера неприятным ей; мысленно она сравнивала его с лимонадом, сделанным кем-то, кто ненавидел лимоны; слабый привкус негативного присутствия портил чистую воду одиночества, и вкуса личности для общения было недостаточно; в его голосе не было чувства, а в его физическом присутствии — силы. Глядя на его гладко выбритое, привлекательное лицо и большое сильное тело, Вероника задавалась вопросом, не была ли проблема в ней самой; неужели ее вкус в отношении этих неуловимых духовных ароматов был безнадежно испорчен знакомством с Лукасом? Могла ли она, если больше не будет получать нездоровых стимулов, вернуться к здоровой, но безвкусной диете? Все раннее воспитание Вероники, воздействие ее домашней жизни и ее религиозное образование толкали ее забыть кошмарный сон последних месяцев и вернуться к здоровой нормальной жизни, которую символизировал Батлер.

Казалось, будто ее ангел-хранитель стоял на распутье и говорил ей: "На этом пути тебя ждет покой и простое счастье. А на этом пути - битва и шторм, и душу придется вырывать из огня. Мы не хотим для тебя такой судьбы, поэтому предоставили тебе альтернативу, чтобы выбор твой был свободным".

Но она узнала Лукаса и она не сможет забыть его. Он открыл для ее души широкие пространства, сквозь которые шли дороги за горизонт; он показал ей необходимость в просторе; сможет ли она осесть в тесном окружении защитных стен, которые будут возведены вокруг нее, если она свяжет свою судьбу с Алеком? Сможет ли дружба с уважаемыми в деревне людьми компенсировать ей закрытие завесы?

Не сможет! Вероника знала, что не сможет, и только лишь потому, что она увидела зловещую сторону Незримого, она могла задумываться о таких вещах. Маленький холодный ветерок, который затихал также внезапно, как и возникал — странный блеск в глазах мастифа в темноте его будки — если бы не подобные вещи, она бы даже не посмотрела в сторону Батлера, но они, казалось, олицетворяли странный мир незнакомых кошмаров, который в любой момент мог настичь ее и от которого он, лишь он один мог защитить ее; если она останется одна, то шаг за шагом будет постепенно заходить все дальше в невидимый мир, высоты и глубины которого она видела прежде лишь мимолетными проблесками.

Именно этот ужас заставлял ее видеть всё лучшее, что было в Батлере и том, что он мог ей предложить, и очень ценить тихую, хотя и однообразную жизнь, видя в ней альтернативу высотам и кошмарам, которые Лукас, казалось, был все еще способен открыть для нее, хоть он и был мертв, и ценить простой, дружелюбный, традиционно считавшийся хорошим характер Алека, хоть он и не шел ни в какое сравнение с тем страстным огнем, что горел в Лукасе.

И именно такие мысли заставили ее одарить его редкой, спокойной улыбкой Моны Лизы, когда она открыла дверь, чтобы впустить его, когда он пришел повидаться с ней этим вечером, и эта улыбка, последовавшая за устранением материальных препятствий, окончательно укрепила его решение.

Не дожидаясь, когда они зайдут в комнату, будучи наполовину внутри и наполовину снаружи, он заключил ее в объятия.

- Вероника, - сказал он, - Вы знаете, зачем я пришел?

Он смотрел сверху вниз в ее большие, серо-голубые глаза, и впервые почувствовал укол сомнения, ведь глаза ее были словно бы под вуалью, смотрели куда-то вдаль и видели что-то, чего не мог видеть он; в этой девушке была глубина, которую он не мог объяснить, что-то, что выходило далеко за пределы его понимания, и он даже не мог толком объяснить природу этого ощущения. Однако Вероника оставалась пассивной и не отталкивала его, и позволила увести ее к камину, где она мягко высвободилась из его объятий и села в свое привычное кресло.

Он встал рядом с ней.

- Вероника, - сказал он. - Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Вероника не ответила. Положив подбородок на руки, она неподвижно сидела, глядя в огонь. Среди углей ее воображение нарисовало лицо Лукаса и она мысленно спросила его: «Если я это сделаю, как это отразится на вас? Нужна ли я вам еще в вашем новом состоянии? Сочтете ли вы, что я нарушила верность вам, если я воспользуюсь этим средством спасения от того, с чем не могу справиться? Я отдала себя вам, когда поцеловала вас здесь, на этом самом месте, где теперь стоит он, в ту последнюю ночь вашей жизни; и теперь, когда я знаю, что вы для меня умерли, обещание мое вдвойне значимо. Если я нужна вам, то я останусь, если же нет,

то последую этим путем отступления, который мне предложен».

Слабый звук, донесшийся с другой стороны комнаты, заставил ее очнуться; мертвый лист, поднятый каким-то блуждающим потоком воздуха, перелетел через подоконник и упал на полированный пол.

- Будь проклято это окно! - воскликнул Батлер, которого подобное вмешательство заставило прийти в ярость, и пройдя в другой конец комнаты в своих тяжелых охотничьих ботинках, он с грохотом его закрыл. Вернувшись к камину, он снова встал перед девушкой.

- Ну же, Вероника? - сказал он. - Каким будет ваш ответ?

Веронике показалось, что холодная, невидимая тьма проникла в комнату сквозь открытое окно. Ее прежний страх перед Незримым вернулся с новой силой, и, повернувшись к Батлеру, как к спасительной башне, она протянула ему руки; он схватил их своей сильной, теплой хваткой, и, встав перед ней на одно колено, приблизил к ней свое взволнованное лицо. Но когда она посмотрела ему в глаза, то внезапно осознала, что ей было совершенно нечего ему дать, ибо душа ее последовала за другим мужчиной в темноту; затем, глядя вверх его головы, она увидела, что свет лампы стал менее ярким, а тени из углов комнаты начали стекаться к камину, и внезапно еще сильнее сжала руки, которые держали ее. И все же она ничего не могла пообещать ему; не могла, как бы ей ни было страшно, закрыть себе путь в невидимый мир.

Она неуверенно поднялась на ноги.

- Мне нужно время, чтобы подумать, - сказала она. - Это слишком серьезно, мне необходимо время, чтобы принять решение. А теперь уходите, пожалуйста, Алек. Приходите завтра утром и я дам вам ответ.

Он встал перед ней.

- Как бы то ни было, - сказал он, - А я намерен поцеловать вас, прежде чем уйду, - и заключив ее в объятия, он поцеловал ее прямо в губы.

На мгновение перед глазами Вероники возникло лицо Лукаса, искаженное яростью и скрежещущее зубами. Батлер отпустил ее.

- Пока-пока, - сказал он, - Я вернусь рано утром, а если случится что-то, что сможет мне помешать, то я вам сообщу.

Вероника внезапно подумала, что будь она на месте поклонника, ничто не смогло бы помешать ей вернуться узнать свою судьбу, и закрыв за ним дверь, она стояла, прислушиваясь к его тяжелым, удаляющимся шагам на гравийной дорожке. Он дошел до края леса и шаги стихли, стоило ему ступить на мягкую земляную тропу. Но внезапно сердце Вероники замерло; тихо и молниеносно, словно тень, мимо окна пробежал мастиф, нюхая землю и идя по свежим следам уходящего человека.

Вероника, словно парализованная, оперлась на окно, чтобы не упасть. Должна ли она крикнуть, чтобы предупредить его? Может быть, ей стоит вооружиться чем-нибудь и пойти следом? Может быть, ей нужно бежать к хибарам за помощью? Пока она раздумывала, в ночи раздался дикий, ужасающий крик, и затем внезапно оборвался. Все смолкло. Колени Вероники подогнулись и она бесформенной грудой плюхнулась в ближайшее кресло.

Некоторое время она сидела, утонув головой в подушках. Затем она поднялась. Вернется ли пес обратно? Уставившись в темноту, она ждала, и ей не пришлось ждать долго. Смутная тень показалась на лужайке, а потом над ступенями, которые вели на террасу, возникла тяжелая голова и у двери возник пес.

Темная пеннистая слюна свисала с его морды, а бока тяжело вздымались; это был старый пес и борьба его измотала. Девушка посмотрела животному в глаза и они наполнились странным свечением. Пес встал на задние лапы и положил передние на стекло. Вероника беспомощно и зачарованно наблюдала за тем, как ветхая деревянная конструкция напряглась, а затем поддалась защелка и дверь широко распахнулась; в проеме показались пятнистые плечи и замерли, как будто бы ожидая приглашения. Вероника не издала ни звука и даже не пошевелилась, и животное вошло в комнату.

Оно подошло к ней и положило морду на колени. Она все еще не шевелилась; на нее нахлынул страх перед зверем, убившим одного из ей подобных, и странный паралич не давал ей пошевелиться. Псу, казалось, передалось понимание того, какие чувства он у нее вызывает, ибо шерсть на его шее вздыбилась в гневе и он низко зарычал сквозь зубы; затем Вероника увидела, как зрачки его глаз медленно сузились до двух зеленовато-коричневых дисков, матовых, словно фарфор. Что-то щелкнуло в мозгах Вероники и прояснилось; на морду собаки наложилось лицо человека; старые, забытые истории об оборотнях всплыли в ее памяти, истории о созданиях, которые были наполовину животными, наполовину людьми, об оживленных магами телах зверей, а также клубок сказочных сказаний и историй о приведениях, а животное меж тем продолжало все также сидеть рядом с ней, высунув изо рта красный язык в усмешке, как если бы говоря «Ну наконец-то до тебя дошло».

И тогда Вероника потеряла сознание. Когда она пришла в себя, собаки уже не было, но дверь все еще была открыта; дрожащими руками она закрыла ее; а затем, в полубессознательном состоянии, не способная соображать, поплелась в свою комнату. Она пребывала между сном и бодрствованием до тех пор, пока за окнами не забрезжил серый рассвет, и лишь тогда ее настигло истощение и она забылась настоящим сном.

Глава 20.

Проснувшись, Вероника обнаружила, что комнату заливают теплый осенний солнечный свет, и услышала пение птиц; на мгновение настроение ее поднялось, приветствуя яркое свежее утро, но затем на него упала тень, и солнечный свет начал казаться бледным и холодным; она только проснулась от глубокого сна и некоторое время не могла понять, что отделяло ее от яркого утра и окутывало холодным мраком. Затем она вспомнила про Лукаса.

Сидя в кровати и глядя невидящими глазами на верхушки деревьев, видневшиеся на фоне голубого неба, она вспоминала свою жизнь с момента знакомства с этим странным существом. В ее душе открылись двери; одна из них вела к звездам, другая — в подземный мир, и жители обоих планов теперь были доступны для нее; она была подхвачена потоками судьбы, которые милостиво обходят стороной большинство других людей, и ее стремительно несло вперед к какой-то неведомой цели; в этом быстром потоке не могло существовать никакой бесцельности, в нем не было ни одного случайного завихрения, и только самая решительная борьба с ее стороны могла помочь ей выбраться на стремительно удаляющийся берег.

Лукас не был мертв; она была абсолютно уверена в этом; более того, она знала, что он не отказался от своего стремления к ней; он парил где-то очень близко, хотя и был невидимым, и мог использовать как сосуд проявления лишь определенные формы материи, заставляя их

служить своим целям хотя бы несколько секунд; он был духом внешней темноты и приходил холодным вихрем ветра, который, возникая из ниоткуда, закручивал в спиралевидном танце мертвые листья и утихал также неожиданно, как и возникал; его воля не могла удерживать эту нестойкую форму дольше нескольких секунд, но и этого времени, и ее силы было достаточно, чтобы распахнуть хилые створки застекленной двери и смахнуть бумаги с ее стола, как если бы он с возмущением смахнул их со стола рукой.

Теперь всё это было ей предельно ясно; Лукас, развоплощенный и неспособный проявиться разум, неспособный материализоваться никак иначе, кроме как в мимолетных и нестабильных формах, но все еще осознающий происходящее и ничуть не изменившийся после смерти, был движим все той же беспринципной волей, которая вела его по жизни; все его интересы были сосредоточены на материальном мире, делая его привязанным к земле духом; бестелесный, бесформенный, он все еще жаждал телесных удовольствий, и Вероника была его главным стремлением.

Наконец, подталкиваемый неизвестно какими демонами ревности, ненависти и фрустрированных желаний, он захватил и воспользовался телом собаки, бедного пятнистого зверя, который со своей тяжелой челюстью и мягкими лапами вполне подходил на роль оболочки для низшей жизни, поскольку его темперамент был куда ближе ему, чем человеческий, чью форму он использовал при жизни. В Лукасе было куда больше от охотничьей собаки, чем от человеческого существа; в добром спаниеле или мудрой овчарке было куда больше человечности, чем в нем; он не смог найти никакого иного тела, кроме как тела старой, дикой собаки, как нельзя лучше подходившей его целям.

В старые дни в Блумсбери Сквер Вероника ощущала первобытный ужас при мысли о том, что она не может рассказать ни одному человеческому существу о том опыте, через который она проходит; она бы просто выглядела сумасшедшей; временами она и сама казалась себе сумасшедшей, и тогда она всем своим сердцем желала, чтобы Лукас и все, что было с ним связано, оказалось бредом, пусть даже и ценой ее собственной свободы; по крайней мере, она бы знала, что с миром все в порядке, он все еще основан на трех измерениях и состоит из твердой субстанции, но что сама она обитала в мире, который был безумен, словно сон сумасшедшего. Невидимый ошейник, который Лукас надел на нее, был распространенным феноменом внушения, но она об этом не знала; а что же до собаки с глазами и намерениями человека? Средневековая литература была полна таких историй и зачастую довольно подробных, но и это ей тоже было неизвестно, и возможно, это было к лучшему.

О Батлере она вспоминала с ужасом и жалостью, как о человеке, столкнувшемся с кошмарной смертью; он казался ей странно далеким, а о его ухаживаниях она почти позабыла — в ту долгую секунду, когда она смотрела в собачьи глаза, сужающиеся до злых точек, она вернулась в самое сердце водоворота, из которого пыталась выбраться; лишь к одному Лукасу она стремилась теперь и один лишь Лукас заполнял собой ее горизонт. Однако она больше не думала о нем как о мужчине, к которому смягчилось ее сердце за время их кратковременного общения перед самым концом, скорее он снова был для нее человеком с темными и неизвестными ей целями, который беспринципно использовал ее в своих интересах. Лукас, который был мастером трансовой работы, Лукас, который был убийцей Батлера, мог увлечь ее за собой во тьму, откуда он восстал бы со своей зловещей работой, стоило ему лишь коснуться ее души, - и одна в своей залитой солнцем спальне, она дрожала, как если бы холод этой тьмы уже окутал ее.

Однако долго в одиночестве она не пробыла; появилась старая смотрительница и больше жестами, чем словами объяснила, что внизу был кто-то, кто хотел ее видеть. Наспех одевшись, Вероника спустилась в закрытый ставнями холл старой усадьбы; там она

обнаружила двоих мужчин, только один из которых был ей знаком. Знакомый был доктором, которого вызывали, когда обнаружили Лукаса мертвым; но он был также и отцом Алека, и по его присутствию Вероника догадалась, что ненависть, вызванная этим кошмарным происшествием, опять достанется ей. Не способная защитить себя или предоставить какое-либо объяснение, или рассказать о реальном положении дел, она вернулась к тактике, примененной на дознании, когда ее попросили объяснить судьбу другого мужчины, найденного мертвым вблизи ее дома, и сейчас, как и тогда, ее собеседники прекрасно понимали, что в этом деле было много того, что не могли прояснить их вопросы. Они также чувствовали, и доктор, в свою очередь, дал это ясно понять, что две смерти были каким-то образом связаны и что за всем этим стояла Вероника, и он не мог бы испытать к ней еще большего отвращения, если бы поймал ее с поличным; его спутник, которому, очевидно, было некомфортно от такой демонстрации ненависти, стоял, неловко ковыряя охотничьим хлыстом свои сапоги для верховой езды, и разглядывал девушку, бывшую объектом многочисленных местных слухов, с которой впервые встретился лицом к лицу.

Вероника, со своей стороны, просто перечисляла факты, которые от нее требовали, не давая никаких дополнительных комментариев, прекрасно понимая, что ни один из этих мужчин не сможет увидеть скрытых связей, которые объединяли эти дела; борьба Лукаса с Братством, его злоупотребление полученными знаниями и последовавшее за этим наказание, да и, в конце концов, само существование тайной науки, которая имела дело с неизвестными силами, - все это было за гранью понимания этих двух истинных англичан, разве что разум отца, на некоторое время заострившийся из-за шока, вызванным смертью сына, интуитивно понимал, что этот странный порыв со стороны собаки был не менее странным событием, чем остановка сердца Лукаса, и косвенные улики привели его прямо к порогу девушки, которая в обоих случаях была последней, кто видел умершего.

В конечном итоге перекрестный допрос ничего не прояснил, за исключением факта, что Батлер был частым посетителем усадьбы (Вероника избавила своего собеседника от новостей, что его сын сделал ей предложение), и мужчина, озадаченный и рассерженный, повернулся к своему спутнику, воскликнув:

- Ну, Хагривз, что вы думаете об этом экстраординарном происшествии?

Другой мужчина впервые заговорил:

- Если хотите узнать мое мнение, доктор, то никакой мистики здесь нет; это обычный случай бешенства и лучше избавиться от собаки, чтобы она не заразила других; единственное, что не понятно, так это где сидящий на цепи зверь подхватил его. Полагаю, вы не возражаете, Мисс Мэйнеринг, если я уничтожу его? Это необходимо сделать, и я сделаю это достаточно безболезненно. Я ветеринар, кстати.

Вероника отшатнулась и, оказавшись у стены, оперлась на нее и уставилась в пространство невидящими глазами, а мужчины с удивлением наблюдали за ней. Для нее Лукас и пес были одним целым, и каким бы ужасным человеком ни был Лукас, она не могла вынести ему смертный приговор.

Наконец, к ней вернулась способность говорить.

- Я... Мне нужно время... Подумать, - сказала она.

Доктор резко ответил:

- У вас нет времени, - сказал он. - Зверь разгуливает на свободе, и одним небесам известно, что еще он может натворить.

Последовал новый приступ ужаса, ведь собака, сошедшая с ума или одержимая, могла свободно разгуливать где захочет, а она совершенно забыла об этом.

Затем заговорил незнакомец:

- Я хорошо понимаю ваши чувства к вашему животному, - сказал он. - Но я боюсь, что его придется уничтожить, и притом без промедления; подумайте о детях, что живут ниже по переулку; это самое милосердное, что можно сделать, да и к тому же он уже стар.

Вероника опустила голову.

- Делайте, как считаете нужным, - сказала она. - Только закопайте его где-нибудь подальше и поглубже, - и она развернулась и пошла в бильярдную.

Некоторое время она сидела в одиночестве, уставившись в пространство, в компании одних лишь пучеглазых рыб в стеклянных ящиках. Лукас, который казался таким близким, сейчас был где-то далеко. Она гадала, что они ему сделают — те мужчины снаружи, и что случится с ним, когда они уничтожат его собачью форму? Сейчас, когда ему грозила опасность, она так по-женски сочувствовала ему и была на его стороне. Сможет ли он снова установить с ней контакт, когда его выгонят из его нынешнего убежища? Каким бы он ни был плохим, а мысль о том, что она может потерять его, доводила ее до отчаяния.

Пока она размышляла, в кухне поднялся дикий шум; какая-то женщина впала в истерику и ее крики заглушали хор громких и напуганных мужских голосов. Вероника побежала в задние помещения по длинному коридору и обнаружила там старую смотрительницу, лежавшую на полу и вопящую во всю мощь своих легких; несколько побледневших деревенских жителей расступились с появлением Вероники, искоса поглядывая на нее.

- Что случилось? - спросила Вероника, обращаясь к ним.

Никто не ответил, и компания незаметно скрылась за полуоткрытой дверью; старуха, с трудом поднявшись, медленно пошла в кладовку, откуда раздался хлопок, сопровождаемый бульканьем, что вполне объяснило ее действия. Заметив маленького мальчика во дворе, наблюдавшего за происходящим, Вероника выскочила наружу и схватила его за рваную куртку, прежде чем он успел убежать.

- Что произошло? - спросила она его.

- Они пристрелили собаку, Мисс, - ответил он, пытаясь освободиться.

- Это я знаю, но чего они все так испугались? Нет смысла извиваться, я не отпущу тебя, пока ты не скажешь.

- Там... Там был джентельмен, Мисс, - сказал мальчишка быстрым шепотом. - Он вернулся.

- Какой джентельмен? - спросила Вероника.

- Темный джентельмен, который был здесь с вами, Мисс. Он вышел из будки, когда они застрелили собаку, я видел это своими собственными глазами, мы все это видели; он вышел

из будки и стоял здесь, на солнце, видимый так ясно, как только возможно, и ухмылялся, а зачем стал понемногу исчезать, словно облако дыма, пока не исчез совсем. Но я точно это видел, и все остальные видели. Отпустите, Мисс, - и рванувшись последний раз, он освободился от хватки Вероники и сбежал.

Вероника вернулась в бильярдную в мрачном расположении духа, но стоило ей открыть дверь, как она поняла, что ее кто-то ждет. Неужели доктор или его спутник вернулись, чтобы поговорить с ней? Она огляделась, поискав их у камина и возле окон, но там никого не было. Пройдя в другой конец комнаты, она вышла через застекленную дверь на террасу и почти не осознавая, что она делает, оставила ее открытой для того, кто вышел следом за ней. Там она повернулась лицом к Тому, кто был рядом с ней.

- Так вы вернулись? - спросила она.

Она подождала, как если бы ожидая ответа, но его не последовало. Затем она заговорила снова.

- Я не могу простить ни того, что вы сделали с Алеком Батлером, ни того, что случилось с собакой; я могу простить то, что вы причинили мне, это в прошлом и позабыто, но собака была ужасающей, и я не могу этого простить.

Снова повисла тишина. Вероника сказала то, что должна была сказать, но не уловила никакого ответа. Она повернулась, прошла по гравийной дорожке, зашла обратно в комнату и быстро закрыла дверь позади себя. Затем она остановилась, наблюдая. День был спокойным и солнечным, словно бы настоящий день Индийского лета, но тут же, как она и ожидала, небольшой ветер начал закручивать мертвые листья, лежавшие по углам лестницы; они поднялись, подхваченные легким вихрем, и ударили в стекло; створка выгнулась, ветхая задвижка соскользнула, но Вероника прижала дверь рукой и снова закрыла ее, а затем подперла тяжелым креслом. Листья, разбросанные по всей террасе последним возмущенным порывом ветра, снова медленно осели в недоумении.

Глава 21.

С этого момента Вероника редко оставалась одна. Совсем как в старые времена, она всегда ощущала присутствие Лукаса рядом с собой. Однако яркость этих ощущений менялась; ясным солнечным днем, особенно если сама она находилась под прямыми лучами солнца, она не чувствовала его присутствия, но в пасмурный день, и особенно в сгустившихся сумерках, его присутствие становилось невероятно ощутимым, а с наступлением темноты и сам Лукас появлялся рядом с ней. Она ничего не видела и не слышала, и никто ни разу не заговорил с ней из могилы, но все же она ощущала каждую перемену в его настроении. Это был то радостный Лукас, то рассерженный Лукас, то Лукас, страстно жаждущий подчинить ее своей воле и понимающий, что используемые им средства для достижения цели слишком слабы. Порой невидимый, развоплощенный разум перемещал те единственные предметы, которыми мог управлять, и тогда мимолетный вихрь ледяного ветра разбрасывал вокруг нее опавшие листья в бессильных попытках заключить ее в свои бесформенные объятия. Она знала, что это было проявлением рассерженного Лукаса, и ей было предельно ясно, почему духи всегда изображались или как демоны, или как ангелы, ибо только под воздействием сильной эмоции, не важно, ненависти или любви, большинство из них могло проявиться на материальном плане; человек, находящийся в своем обычном состоянии сознания, может быть воспринят только теми немногими бедолагами, которых мы называем сенситивами.

Когда он, наконец, преуспел в том, чтобы заставить ее ощущать его присутствие, его силы, казалось, начали возрастать. Становилась ли она более восприимчивой или же ему всё лучше

удавалось преобразовывать материю по собственной воле, было неизвестно, но факт оставался фактом — между разумом умершего мужчины и живой девушки установилась связь, и между ними активно происходило телепатическое общение.

Для живого человека возвращение пусть даже любимого умершего может стать своего рода испытанием, а для Вероники, знавшей, что Лукас был злым и ощущавшей, что она находится в его власти, проявление этого темного присутствия было исполнением всех возможных страхов и детских кошмаров о призраках. Хоть она и ощущала смену его настроений, она не могла читать его мыслей, и совсем скоро поняла, что ее собственные мысли он мог читать с невероятной легкостью. Стоило ей позволить себе подумать об Алеке, как атмосфера вокруг нее наполнялась жутким гневом, и снова и снова хоромы листьев поднимались в своем бессильном недовольстве. Но если, с другой стороны, она позволяла себе вспомнить о тех нескольких часах понимания и взаимной симпатии, которые предшествовали смерти Лукаса, если она посылала в темноту вопрос, желая узнать, все ли в порядке у ее друга, то комната наполнялась странным теплом, которое, казалось, оборачивалось вокруг нее, словно мантия из невидимого света.

Вероника постепенно училась различать настроения своего невидимого посетителя и вскоре присутствие, которое поначалу олицетворяло собой весь ее ужас перед непознанным, стало знакомым и начало восприниматься как нечто более или менее привычное; хотя она все еще боялась его, она боялась его не больше, чем в то время, когда он обитал в своем доме из плоти, и со временем вернулась и его прежняя сверхъестественная притягательность; она обнаружила, что ждет его появления, когда угасает свет, и каким-то странным, подсознательным образом сама помогает его проявлению. Она боялась его, но все же она бы скучала по нему, если бы он не пришел, поэтому проводила дни в своем прежнем состоянии очарованности с примесью отвращения или отвращения с примесью очарованности, а поскольку ночь с каждым днем наступала все раньше, то и время силы Лукаса увеличивалось.

Близился канун Дня Всех Святых, когда ему, наконец, удалось перейти границу непроявленного и обрести опору на плане жизни. Яркий морозный день сподвиг Веронику к длительной прогулке и она, вернувшись обратно в сумерках уставшей, была счастлива упасть в огромное кресло у камина и подремать в освещенной огнем комнате до тех пор, пока старая смотрительница не принесет лампу. Полностью расслабившись, она полулежала на подушках и разум ее блуждал в долгих дневных грезах юности. Лукас, казалось, был очень далек от нее этой ночью; она избавилась от ощущения его присутствия, когда забрела в своих странствиях за пределы области его проявления, и он еще не успел найти ее снова. Так что на этот раз она была одна.

Она думала о странном существе, которое, встретившись ей на пути, изменило весь маршрут ее жизни. Она думала о нем и думала об Алеке, сравнивая двух мужчин, и она знала, не смотря на все сомнения, что никогда, никогда она не была бы счастлива с тем добросердечным, жизнерадостным парнем, которого весь мир считал бы идеальным супругом. Она была более счастлива, разделяя темные цели Лукаса, чем могла бы быть с обожаемым ее Алеком, ибо лишь так она ощущала себя живой; великие потоки вселенной носились вокруг нее, на нее изливалась необычайная жизненная сила мужчины, и она чувствовала, что она росла и превосходила себя, и что Великое Незримое, откуда происходили все вещи и куда они впоследствии возвращались, становилось к ней все ближе.

Размышляя об этом на границе сна и бодрствования, она неотрывно смотрела на сияющие в камине угли, когда вдруг почувствовала тот стремительный вылет вовне, который всегда предшествовал странным путешествиям души, в которые отправлял ее Лукас. Однако в этот

раз она не провалилась в забвение; напротив, она продолжила осознавать всё, что ее окружало, хотя движения ее стали несколько заторможенными. Некоторое время она сидела так, в сонном мечтательном состоянии, которое даже казалось ей приятным, а затем ощутила себя странно опустошенной, когда нечто, струясь, начало вытекать из ее левого бока и белый сгусток напоминавшей туман субстанции стал собираться у ее ног. Он медленно расширялся, разрастался и принимал форму призрачной, закутанной в странное одеяние фигуры, а затем среди темноты одежд начало образовываться лицо, и это было лицо Лукаса!

Вероника, лишенная жизненной силы, сидела в кресле и наблюдала за тем, как мертвый мужчина вновь оживал на ее глазах. Его яркие темные глаза смотрели прямо в ее затуманенные глаза; губы, красные от крови, приблизились к ее бледным губам; и руки, сильные, как при жизни, сомкнулись вокруг ее тела, которое теперь, казалось, совсем сморщилось под одеждой.

Это странное проявление длилось недолго; Лукас не осмелился продолжать; и через несколько секунд лишенная сил девушка ощутила, как в нее возвращается жизнь, и одновременно с тем увидела, как призрачная фигура перед ней уменьшается, теряет очертания и оседает бесформенным туманом у ее ног. Затем она очнулась, словно бы ото сна, спрашивая себя, не был ли этот странный опыт всего лишь плодом ее воображения.

После ужина он показался ей еще более нереальным, и когда утром она очнулась после тяжелого сна без сновидений, от него не осталось ничего, кроме смутного воспоминания. День медленно проходил в мелких заботах; но прогулка между периодами дождя, вязание, чтение романа, хоть она и уделяла им время, не смогли захватить ее внимания так, как требующее ответа письмо от юриста, о котором Вероника вспомнила, когда зажгли лампы. Сев за письменный стол, она окунула ручку в чернила и принялась грызть ее конец, ибо она не слишком быстро отвечала на письма, а деловые вопросы были и вовсе за гранью ее понимания, и написав «Дорогой сэр», она остановилась, держа ручку над листом, и тогда, к своему удивлению, увидела линию букв, медленно проявляющуюся на чистой белой странице:

- Как вы, Вероника? Это Джастин.

Девушка с недоумением смотрела на слова, медленно возникавшие перед ее взором. Ручка писала без какого-либо волевого усилия с ее стороны; слова, хоть они и были написаны ее рукой, не были написаны ее обычным почерком, хотя этот почерк был ей знаком. Это был мужской почерк, и имя Джастин было мужским. Она не знала никого с именем Джастин, но почему-то это имя казалось ей знакомым. Где же она слышала его прежде? О, теперь она вспомнила, это было имя римлянина, о котором ей рассказывал Лукас, имя мужчины, который любил и потерял девушку во времена существования той древней, всемирно известной империи.

- Верно. Его звали Юстиниан, а Джастин зовут меня, это английская версия латинского имени, также как и сам я — английская версия римского солдата, только вот вам я больше известен под именем Дж. Лукас.

И вновь рука писала без всякого ее желания, и Вероника сидела, словно прикованная, уставившись на слова, которые возникали на бумаге, так точно отвечая на неозвученные ей мысли.

Ручка снова начала писать:

- Вы ведь останетесь рядом со мной, Вероника? Вы же будете со мной до конца? Не забывайте, я завишу от вас.

И затем, словно бы его проникательный разум нашел способ повлиять на нее:

- Если вы не поможете мне, я пропал. Не бросайте меня, Вероника!

Ну какая женщина могла бы устоять перед такой просьбой? Вероника — чьей первой мыслью было паническое бегство наружу, по двор, на дорогу, куда угодно еще — осталась неподвижной, прислушиваясь и ожидая следующего проявления того незримого присутствия, что сновало вокруг нее.

Ручка снова начала писать и она следила глазами за написанным.

- Вы отлично справились прошлой ночью; тонкие эфирные энергии легко отделились от вашего плотного тела и я смог вытащить их и построить себе тело, но я боюсь, что если мы с вами будем часто это проделывать, то вы слишком перенапряжетесь; что нам действительно нужно, так это группа людей, которая образует круг, чтобы каждый мог привнести в него немного своей энергии, и тогда это никому не навредит. Одно дело — извлечь эфирную энергию, и совсем другое — вернуть ее обратно, ведь если это не удастся, вы умрете. Я так понимаю, возможности собрать круг нет?

Вероника ничего не ответила, ведь всё это находилось абсолютно за гранью ее понимания. Конечно же, не было никого, кого она могла бы попросить помочь ей в этом странном и ужасном предприятии, если он это имел в виду. Очевидно, так и было, ибо ручка продолжила писать:

- Тогда единственное, что я могу предложить, это использовать вашу энергию для частичной материализации, а затем попробовать подобраться к каким-нибудь другим людям настолько близко, насколько сможем, и я возьму оставшееся количество необходимой мне энергии у них. Я думаю, мне удастся это сделать, если мы дождемся, пока они уснут. Как бы то ни было, мы можем попробовать.

Вероника бросила ручку, открыла дверь и быстро вышла на террасу. Какой ужасный опыт намечался поставить этот покойник? Она была абсолютно несведуща в подобных вещах и не могла ни представить, ни постичь ни природы тех странных сил, которыми пользовался Лукас, ни еще более странных дел и целей, которые он преследовал. Тайное братство, которое учило подобным вещам — невидимые существа, которые собирались вместе — незримые силы, порождавшие эффекты, которые мы наблюдали на материальном плане — о существовании всего этого она даже не подозревала, пока не оказалась погруженной в самую гущу подобных вещей. Теперь ей казалось, что она повидала их со всех сторон, как если бы однажды прикоснувшись к этим силам, больше не могла избавиться от них, и пока большинство людей сталкивалось лишь с результатами своих собственных поступков, она качалась на огромных волнах развивающейся и распадающейся жизни, потоки которой носили ее взад и вперед. Одинокая, растерянная, беспомощная, она была полностью подчинена направленной воле Лукаса и была не способна сопротивляться; и Лукас был мертв не больше, чем она сама, просто у него больше не было тела и он, очевидно, стремился восполнить этот недостаток любыми средствами, какие только мог использовать.

Какая безумная фантазия! Вероника знала, что все это не может быть ничем иным, кроме как сном. Ее разум сдал от перенапряжения. Ей стоило посетить доктора и попросить его позаботиться о ней, поместив в сумасшедший дом или куда угодно еще, где люди,

страдавшие такими же видениями, как она, могли быть в безопасности. Вот только, ирония из ироний, доктор не захотел бы иметь ничего общего с ней; даже после смерти заклятый враг Лукаса прекрасно служил его целям, и смерть Алека полностью перекрыла Веронике все пути к бегству; она почти услышала смех, когда осознала это.

Вскоре сгущающаяся тьма и резкий ветер заставили ее вернуться в дом, и вечер стремительно мчался к моменту, когда нужно было ложиться спать, а Вероника все прокручивала и прокручивала в голове воспоминания об этих странных происшествиях. Чем больше она о них думала, тем более странными они ей казались; любое отдельное происшествие еще можно было объяснить, но только не целую череду событий, каждое из которых, казалось, зависело от других и занимало свое место в цепочке причинно-следственных связей. Их было слишком много, чтобы упражняться в казуистике, и ей волею-неволей пришлось согласиться с тем, что она столкнулась с какой-то малоизученной, но отнюдь не нереальной формой энергии.

Вероника, потянувшись за свечой, вдруг остановилась, и рука ее замерла в воздухе. Присутствие было в комнате, она ощущала его рядом со своим локтем. Она медленно опустилась в кресло, с которого поднялась, и как только она это сделала, у нее вновь возникло ощущение внезапного вылета души вовне. И снова странная субстанция, которая была ее жизненной силой, начала выделяться из ее левого бока и собираться в форму закутанной в одеяние фигуры, с которой нас познакомила традиция, и вскоре среди складок белоснежного одеяния вновь возникли глаза Лукаса. Но на этом процесс остановился, сгущение прекратилось и полностью материализованными остались только глаза; все остальное повисло в воздухе, словно завиток дыма.

Вероника, сохранившая все свои способности, ощущала странную легкость и смотрела прямо в его темные глаза. Губы и горло недостаточно проявились, чтобы говорить, но гипнотический взгляд полностью подчинил ее себе и заставил медленно подняться с кресла и встать перед ним в желании исполнить любое его желание. Последовав за ним, она дошла до угла комнаты, где лежал на кресле старый плащ, тот самый, который, как ей всегда казалось, был пропитан личностью Лукаса, и, завернувшись в него, она ощутила, что ее странное духовное родство с ним стало еще сильнее.

Глаза, сиявшие сверхъестественным светом, смотрели на нее наполовину с нежностью, наполовину с триумфом, и когда серая фигура вышла за дверь, Вероника немедленно последовала за ней. Ей казалось, что она ничего не весила и ничто не притягивало ее к земле, и что ей стоило лишь подумать о каком-либо месте, как она мгновенно переместилась бы туда; и действительно, ее тело с невероятной готовностью подчинялось любой команде ее разума; мягко, без каких-либо усилий, все действия совершались сразу же, как только поступала команда, и она быстро пошла вслед за парящей призрачной фигурой по темной террасе.

Со скользящей впереди фигурой ее соединял тонкий серебряный туманный шнур и она знала, что любой ценой должна сохранить этот шнур невредимым. Затем она заметила еще одну, куда большую странность — хотя вокруг была кромешная тьма, она видела все достаточно ясно, словно бы двигалась в тяжелых серых сумерках. Местность казалась ей освещенной странным бледным сиянием, как бывает во время полного солнечного затмения, только сейчас сияние было гораздо меньшей интенсивности и предметы при этом не отбрасывали тени.

Совершенно не прикладывая усилий, они с огромной скоростью прошли по заросшей дороге, затем — по тропе, шедшей вдоль берега реки, и затем свернули налево, и Вероника

догадалась, что их целью был ряд рабочих хибар, что стояли чуть ниже по переулку. Едва осмеливаясь дышать, она шла за призрачной фигурой, которая тянула ее за серебряный шнур, до тех пор, пока они, наконец, не остановились у стены ближайшего к ним домишки.

Темные глаза мельком взглянули на нее, а затем фигура воспарила над ее головой, словно завиток дыма, и она увидела, как та протискивается сквозь витраж в свинцовом переплете, вставленный в хлипкую раму под карнизом хибары. Вероятно, призрак нашел в нем какую-то щель, ибо он медленно проник внутрь и снаружи остался лишь тонкий серебряный шнур, связывавший его с ее телом.

Казалось, она ждала целую вечность и ни звука не доносилось со стороны хибар, а затем она услышала слабый скрип и увидела, что над ее головой открылось окно, а на подоконнике появилась рука. Сквозь щель в дом проник бесформенный туман, но теперь наружу выбиралась самая настоящая человеческая фигура, и по глухому стуку, с которым она ударилась о землю, Вероника поняла, что она даже обладала каким-то весом. Затем фигура подошла к ней по замершей траве и она увидела, что это был тот Лукас, которого она знала при жизни, одетый в мягкую серую накидку с капюшоном.

Взяв ее под руку прежним привычным жестом, он быстро повел ее прочь тем же путем, которым они пришли, и затем через сад провел обратно на террасу.

Древесная зола в камине бильярдной комнаты все еще отбрасывала красноватое свечение, и Вероника, схватив кочергу, попыталась расшевелить угли до пламени, ибо она умирала от холода и страха, но рука, которая теперь была абсолютно ощутимой, остановила ее, и знакомый голос сказал ей на ухо:

- Спокойно, детка, вы же знаете, что я не переношу яркого света.

Властным жестом он подтолкнул её, не способную сопротивляться, к креслу, и когда она откинулась на подушки, склонился над ней.

- Сейчас я верну вам то, что я у вас занял. Совсем не безопасно держать вас так долго в вашем нынешнем состоянии, - сказал он, и пока он говорил, Вероника ощутила поток возвращавшихся к ней жизненных сил, которые были частично у нее отняты. Однако на этот раз фигура перед ней не растаяла полностью, когда она вернулась в бодрствующее состояние, но превратилась в осязаемую плавающую туманную форму с глубокими озерами тьмы в тех местах, где прежде были глаза. То, что он отнял у спящих людей в хибарах, он оставил себе, отдав ей лишь то, что заняла ему она.

Призрачная фигура подплыла ближе к ней, как если бы прощаясь, и затем, проскользнув к окну, просочилась сквозь щель в прогнившей раме, и Вероника, потрясенная и измученная, разожгла огонь и оглядела опустевшую комнату.

Глава 22.

На следующее утро Вероника поняла, что не может считать произошедшее чем-либо иным, кроме как кошмарным сном, и, лежа в кровати между сном и бодрствованием, благодарила небеса за то, что все это не было правдой, когда вдруг ей на глаза попались промокшие и испачканные грязью домашние туфли. Она устала на них, все еще отказываясь признавать реальность воспоминаний о вчерашней ночи; это должно было быть сном, если она хотела сохранить рассудок, а за свой рассудок Вероника намеревалась держаться до последнего.

После завтрака она отправилась на утреннюю прогулку по берегу реки, когда вдруг звук колес позади нее заставил ее оглянуться и увидеть доктора, отца Алека, едущего в своей повозке по заросшей травой дороге. Он удостоил ее взгляда, полного ненависти и отвращения, и, встряхнув поводья, помчался дальше, ничем больше не выдав того, что узнал ее. Да, этот мужчина, живший в объективном мире, не мог установить никакой иной причины смерти, кроме сердечной недостаточности в случае Лукаса или кровотечения из яременной вены из-за укуса собаки в случае своего сына, но интуиция, дремлющая даже в самых приземленных из нас, подсказывала ему, что каким-то неведомым образом Вероника была связана с обоими этими случаями — что-то было такое в этой девчонке, что не вписывалось в рамки законов его трехмерной вселенной. Что это было, он не мог объяснить даже самому себе, и поэтому боялся и ненавидел ее так, как умеют ненавидеть лишь дети и собаки — без видимых на то причин, ведомый одним лишь безошибочным чутьем.

Вероника продолжила свою прогулку по заросшей дороге и дошла, наконец, до ряда рабочих хибар, которые видела во сне минувшей ночью. Даже при свете дня не могла она избавиться от страха перед этим воспоминанием; оно, словно тень, все еще нависало над ней. Вот угол увитого розами крыльца, рядом с которым она стояла; а там, прямо под карнизом, маленькое окошко, в которое залезал Лукас. Слава Богу, все это было лишь сном, успокаивала она себя. Но затем, посмотрев на раскисшую землю под ногами, она остановилась, как вкопанная: на мягкой земле был ясно виден отпечаток подошвы, совершенно не похожей на подошву грубых крестьянских ботинок. Это был отпечаток маленькой ножки в домашних туфлях на высоких каблуках и с блестящими пряжками, туфлях в духе Людовика, одной из первых вещей, которые она купила себе со щедрого жалованья, выданного ей Лукасом, туфлях, которые лежали сейчас, вымокшие и испорченные, на полу ее спальни. Сердце ее бешено колотилось, пока она искала на земле следы мужской обуви, которые должны были сопровождать ее собственные, если ее ночной комар не был просто сном. Однако никаких других следов здесь не было. Маленькие ножки в кромешной тьме беспокойной ночи ходили по этой дорожке в одиночестве. Здесь были также следы грубых деревенских ботинок, но больше здесь не ходил никто. Однако стоило ей вздохнуть с облегчением, не найдя подтверждения своим страхам, как она заметила рядом со следами туфель на высоком каблуке еще один, куда более странный след, как будто бы кто-то тащил здесь что-то по земле, а местами и вовсе виднелись отпечатки голых стоп; правда, это были не совсем человеческие стопы, но скорее лапы или какие-то недоразвитые конечности.

Ее внимание привлек странный звук и она обернулась, увидев привязанную к ограде лошадь доктора, которую не замечала прежде, и самого доктора, стоявшего у ворот первой из хибар, из которой он, очевидно, только что вышел, и внимательно наблюдавшего за ее действиями.

Она с тревогой посмотрела на него. К чему были эти наблюдения с явно враждебными намерениями? Подозревал ли он ее в ночной вылазке, а если да, то что собирался предпринять?

Наконец, он сказал:

- Прошлой ночью в этом доме умер ребенок, а четверо других серьезно больны. Они были абсолютно здоровы, когда отправились спать.

Они стояли, глядя друг другу в глаза, одинаково не способные как-либо прокомментировать это краткое заявление; Вероника — потому что ее парализовало абсолютным ужасом, а доктор — потому что не сумел найти слов, в которые мог бы облечь свои интуитивные прозрения.

Взгляд мужчины упал на землю рядом с Вероникой и он сделал шаг вперед, как если бы намереваясь выяснить, что же привлекло ее внимание. Но стоило ему это сделать, как поднялся легкий холодный ветерок, уже такой знакомый, и большая куча осенних листьев пронеслась по дороге, полностью уничтожив предательские следы. В тот же момент лошадь, доселе спокойно стоявшая в ожидании хозяина, резко встала на дыбы, сломав прогнившую доску, к которой была привязана, и побежала по переулку, таща за собой свои поводья.

Доктор замер в нерешительности, не зная, продолжить ли свое расследование или догнать сбежавшего коня, и наконец устремился в погоню за последним; следы на земле, которые, вероятно, изучала девчонка, никуда не денутся, а любая попытка с ее стороны уничтожить их будет пресечена на корню.

На подгибающихся ногах Вероника удалялась от зловещей находки до тех пор, пока, будучи не в состоянии идти дальше, не опустилась на одно из поваленных деревьев в этом неухоженном месте. Отсюда она могла видеть хибары в переулке, хотя сама была полностью скрыта подлеском.

Наконец, она услышала звук колес со стороны дороги и увидела доктора, возвращающегося с обузданной теперь лошадей. Однако, когда отрезвленное животное оказалось рядом с последней хибарой, оно так резко дернулось, что одним колесом повозка соскользнула в канаву и доктор едва не упал. Этот достопочтенный гражданин, будучи полностью уверенным в том, что его никто не видит, как следует выругался, облегчив свои чувства, и взяв абсолютно растерянную лошадь за голову, повел ее прочь от пугавшего ее места. Темные струи пота стекали по ее гладкой гнедой шерсти, не смотря на морозный день, пока она, испуганная, с расширенными зрачками, неохотно плелась за своим хозяином по переулку.

Было ясно, что доктор хотел остановиться и посмотреть, что же так привлекло внимание Вероники, но лошадь была почти неуправляема; кроме того, огромная куча листьев, которой старательно подмел землю маленький холодный ветерок, уничтожила все отметки из камней и глины, по которым он рассчитывал определить это место, поэтому там, где он искал, не было никаких следов, а копыта его животного навсегда уничтожили единственные физические доказательства реальности полуночной вылазки.

Вернувшись в бильярдную, в общество пучеглазых рыб, Вероника принялась обдумывать произошедшее. Было бесполезно считать случившееся дурным сном; каким бы ненормальным ей это ни казалось, она должна была признать, что это произошло на самом деле. Там, в хибаре, лежал мертвый ребенок, а четверо других были смертельно больны. Вот она цена, которую нужно было заплатить за то, чтобы умерший человек мог и дальше вести ту призрачную жизнь, которую вел Лукас. Необходимую ему жизненную силу можно было добыть только опустошая других. Ее не хватало на всех и у некоторых она заканчивалась, когда незваный гость опускал свою ложку в чужую тарелку. Лукас, безжалостный одиноличник, воровал у тех, кто меньше всего был способен защититься от его мародерства — у маленьких детей. Вероника вспомнила о свежих детских могилах, которые она видела, когда ходила на кладбище, и гадала, как много жизней должно было быть принесено в жертву, чтобы Лукас мог и дальше оставаться на плане проявления.

Одно она знала твердо, никаким больше маленьким детям не будет причинено вреда, если в ее силах будет это предотвратить. В Веронике был очень сильно развит материнский инстинкт и Лукас не смог бы найти более верного способа заставить ее отвернуться от него, чем нападать на детей. Робкая, готовая покорно вынести что угодно, когда дело касалось ее собственного благополучия, она превращалась в разъяренную тигрицу, когда маленькие

беззащитные создания нуждались в ее помощи. Лукас разозлил Вечную Мать, хранительницу жизни, и в Веронике, разозлившейся впервые, восстала вся оберегающая сила Природы.

С мелкими личными проблемами отдельных людей можно было справиться своими силами и не выносить их дальше, но когда мужчины и женщины соприкасаются с невидимыми силами, они часто становятся каналами проявления для них, причем совершенно непредсказуемо. То, что они призывают в личных целях, может, в свою очередь, использовать их в своих, и их личные усилия изливаются в космос. Так, Лукас, используя элементарные силы, пробудил элементы, и они, желая восстановить равновесие, которое разрушили его эгоистичные желания, нашли канал выражения в природе, которая была родственна их собственной. Вероника, редко пользовавшаяся разумом, попала под сильное воздействие этих огромных сил, толкавших к проявлению простейшие формы жизни, сил, с которыми редко сталкивается среднестатистический цивилизованный человек, но которые направляют детей, животных и всех тех, кого мы считаем дикарями. Также они берут под защиту и некоторые детские души, иногда рождающиеся в самых цивилизованных из индустриальных городов, и используя их интеллект, если им позволяют жить на природе, что совершенно необходимо для их благополучия, элементарные силы порождают в них те вспышки лирического творчества, которые освещают тьму нашей недалекой культуры. Но цивилизация редко идет на риск с такими вспышками, и образование, наряду с этикой и человеколюбием, делают все лучшее для того, чтобы минимизировать его.

Вероника не обладала интеллектом, необходимым для перевода форм одного плана существования в соответствующие символы другого; она была медиумом в истинном значении слова и была способна проводить свет высшего мира во мрак нашей земли, и когда этот мир нашел ее, спокойные дни ее жизни подошли к концу.

В маленькой головке Вероники крутилось не так уж много мыслей, но ее гармоничная природа позволяла зарождаться в ней тем идеям, которые она была способна воплотить. Все ее ресурсы объединялись в едином устремлении к цели; Вероника не могла преследовать две цели одновременно. И сейчас она была сосредоточена лишь на том, чтобы не позволить Лукасу нападать на детей; она больше не позаимствует ему своей энергии для материализации, если это может обернуться такими ужасными последствиями. День шел своим чередом, пока она ждала наступления сумерек, прекрасно зная, что с ними придет и Лукас, и готовилась к противостоянию, которое, как она понимала, произойдет в результате. Как он станет вести себя с ней, она не знала, и была твердо уверена лишь в одном; она не покинет комнату, и она прекрасно знала, что если этого не сделает она, то этого не сможет сделать и Лукас, если вспомнить о том тонком серебряном шнуре, который связывал их, когда он материализовался. Каким будет ответный шаг Лукаса, она не знала, и, что странно, ее это совершенно не волновало. Все зашло слишком далеко, чтобы переживать: она словно бы попала в один из тех странных снов, где человек прыгает в пропасть и больше ничего не происходит.

Стемнело сегодня рано, ибо закат был скрыт тучами, и едва погас последний луч света, как Вероника ощутила присутствие появившейся из теней темной фигуры в капюшоне с черными светящимися глазами. По-видимому, Лукас собрал достаточно эктоплазмы, чтобы уметь проявляться по собственному желанию, когда свет был достаточно тусклым, но не достаточно для того, чтобы говорить или совершать какие-либо иные действия. Ему требовалось добыть больше этой странной субстанции, если он хотел продолжить существование среди живых, и Вероника решила, что он не должен получать ее столь мерзким способом. Как остановить его, был другой вопрос, но она решила, что ни за что не станет помогать ему, и полагала, что ее отказ существенно подорвет его силы на данном этапе его становления.

Она знала, что между ними началось противостояние, и всем своим существом приготовилась пройти через него. По выражению черных глаз в складках серого одеяния было ясно, что их владелец прекрасно осознавал перемену в ее отношении; в них было удивление и укор, но не было злости, которую ожидала увидеть Вероника.

У Вероники вновь возникло знакомое ощущение падения и она вновь увидела, как от нее отделяется туманоподобная субстанция, помогающая Лукасу превратиться в некое подобие живого человека. Теперь для завершения этого процесса требовалось не так много энергии, и в состоянии, очень близком к нормальному состоянию сознания, Вероника встретила с материализовавшимся перед ней Лукасом.

Он стоял в тусклом красноватом свете углей, закутанный в мягкое серое одеяние с капюшоном, но теперь его руки, казалось, могли схватить ее, а темная кожа лица выглядела источавшей жизнь. Она никогда не думала о своем друге как о мертвецке, так что с этой точки зрения его возвращение не стало для нее шоком; с того самого момента, когда она обнаружила его тело на залитой солнцем кровати тем далеким летним утром, она знала, что он только и ждет возможности вернуться к ней, и что рано или поздно такая возможность появится. Она ждала его и ее ожидание было, наконец, вознаграждено. Она испытывала к нему точно такие же чувства, как и при его жизни, и, в сущности, он даже нравился ей еще больше; в прежние дни, в доме в Блумсбери Сквер, она зависела от его расположения (величины, в общем-то, переменчивой), теперь же само его существование зависело от нее, ведь она дала ему часть своей энергии для построения тела, и каким-то странным образом ее материнский инстинкт распространился и на это существо, оживленное ее собственной жизненной силой. Его невероятная зависимость от нее давала ему сильнейшую власть над ней. Вероника, с новыми для нее материнскими чувствами, могла противостоять любой агрессии, но при этом страстно заботилась обо всех, кто от нее зависел, а Лукас в своем наполовину материализованном состоянии был зависим от нее не меньше, чем ребенок, готовившийся к рождению.

То, насколько далеко мог зайти процесс, зависело лишь от смелости Лукаса, ведь в этом странном деле доступные жизненные силы разделялись между партнерами, которые стояли рядом друг с другом лицом к лицу — частично материализовавшийся мужчина и наполовину дематериализованная девушка. Снова серый мир, освещенный своим собственным сиянием, открылся ее взору; снова душа, известная ей как Джастин Лукас, превратилась в подобие человека, и он, ведомый теми же эмоциями, что руководили им в жизни, приблизился к ней, и голос, тихий и глухой, но весьма различимый, донесся до нее:

- Ну, Вероника, вы рады меня видеть?

Она не ответила. Ее страх перед ним и странными обстоятельствами его появления был огромен, и все же она была им очарована. Казалось, он это понял, ибо его темные губы изогнулись в улыбке.

- Так все же рады? Мы с вами связаны, Вероника.

Последовала пауза, во время которой они изучали друг друга. Вероника заметила, что он концентрирует доступную ему для использования субстанцию в верхних частях тела; голова, плечи и руки были хорошо проявлены, в то время как нижние конечности свисали вниз, словно длинные струящиеся обрывки одеяния.

Он возвышался над ней, словно странный призрак из теней, и нижняя часть его тела, начиная

от бедер, терялась в океане хаоса, из которого он черпал свое существование.

Затем он снова заговорил.

- Итак, Вероника, наш следующий шаг - закончить процесс, который мы начали прошлой ночью. Я заметил один дом на другом краю деревни, в который я хотел бы пойти, и если вы обуетесь во что-то, у чего нет высоких каблуков, мы выдвинемся в путь.

Но Вероника даже не пошевелилась, и черные глаза среди тенистых складок одеяния расширились в удивлении, ибо Лукас, опытный гипнотизер, никогда прежде не сталкивался с человеком, который сначала легко входил в транс, а затем становился невосприимчивым к внушению. Он не знал, что Вероника «ускользнула» от него, сконцентрировавшись на мысли, что не покинет комнату, и что это первичное самовнушение обнулило все последующие команды. В границах четырех стен он мог делать с ней все, что угодно, но выйти за их пределы не смог бы ее заставить ни он, ни кто-либо другой.

Озадаченный поворотом, который приняло дело, Лукас пытался прощупать почву.

- Вы не хотите мне помочь? - спросил он.

Вероника, замершая в кресле, словно статуя, повернулась к нему, как если бы могла видеть с закрытыми глазами.

- Один из тех детей умер, - сказала она. - А другие серьезно больны.

- Я очень сожалею, что ребенок умер, - ответил Лукас. - Должно быть, я взял у него больше, чем он мог дать. Остальные поправятся через день или два; их силы скоро восстановятся.

- Были и другие дети, которые умерли из-за того, что вы сделали с ними, - сказала Вероника, набравшись смелости.

- Правда? Дети умирают так быстро; кажется, изъятие даже малого количества жизненной силы может опустошить их.

- Это не должно повториться, - сказала Вероника.

- Нет, я надеюсь, что нет, - ответил Лукас. - Но пойдете же теперь, нам уже пора. Я думаю, еще одна вылазка поможет покончить с этим.

- Не будет никакой другой вылазки, - ответила Вероника.

- О, конечно же будет, - ответил Лукас, и нахмурил темные брови под серым капюшоном, сконцентрировав на ней свой взгляд. Открытая ладонь с длинными пальцами, как и при жизни, потянулась к ней и стала совершать медленные поглаживающие движения перед ее лицом. Тело Вероники осталось неподвижным, но душа ее вновь начала проваливаться в темно-голубую бездну, когда гипнотический транс углубился в результате манипуляций Лукаса.

Он снова попытался приказывать ей, когда она оказалась на этом более глубоком уровне транса, и вновь ее разум, сконцентрированный на главной мысли, устоял перед внушением. Он еще раз отправил ее на еще более глубокий уровень, но она снова ускользнула от него. Тогда, рассерженный и сбитый с толку, он превысил все меры предосторожности и вытолкнул ее в

третий раз, когда, к его удивлению, ее неподвижное тело расслабилось и она откинулась на подушки, словно уснувший ребенок, и напряженное, взволнованное выражение ее лица сменилось блаженным умиротворением. Лукас переиграл сам себя, как это часто бывает с теми, кто стремится подчинить себе законы природы, и отправил Веронику за пределы любого из планов, на которых мог функционировать он сам; она освободилась от его влияния; ее душа перешла от субъективного состояния гипнотического транса к объективному существованию на высшем плане сознания; подсознание уступило место сверхсознанию и Вероника сбежала.

Существует не так много гипнотизеров, которые могут ввести субъект в такой транс, и существует не так много людей, способных к существованию на этом уровне, но все же они существуют и иногда встречаются друг друга, и результаты подобных встреч могут быть ошеломляющими. Душа Вероники, загоняемая все глубже и глубже в субъективное состояние, внезапно вырвалась в те области, которые известны оккультистам как Сферы Безопасности. Душа оказалась на собственном уровне и пребывала среди себе подобных.

Улыбка тронула губы Вероники, когда она, казалось, ответила на чье-то приветствие. Лукас, наблюдая за ней, понимал, что что она ушла в те сферы, за право входа в которые он продал свою душу; нечто, что было в ее природе, помогло ей обрести ключ к вратам, которые были закрыты для него. Он наблюдал и ждал, неспособный пойти за ней туда, куда она ушла. Он вспомнил случай, когда неизвестная Сила вступилась за нее по дороге в Брайтон, внезапно сокрушив его, и что Она пришла с плана, подобного этому, и Лукас спрашивал себя, что же это была за душа, которая использовала похожую на ребенка личность Вероники. Она должна была обладать древним происхождением и высокой степенью развития, чтобы контактировать с такими уровнями; Лукас гадал, почему же он раньше не догадался о ее статусе. Он считал ее маленьким, недоразвитым, примитивным созданием; в то время как ее уровень развития многократно превосходил способности ее мозга.

Бессмертная душа скорее затмевалась, чем воплощалась в теле Вероники Мэйнеринг, а личность, выстроенная из опыта одной-единственной жизни, до сих пор давала лишь малое представление о том, что скрывалось за ней. Он догадался, что у нее не было необходимости воплощаться по собственной воле; душе такого уровня больше нечего изучать на земле, ей нужно было отправляться куда-то еще; он мог бы догадаться об этом раньше по отсутствию у нее каких-либо желаний и обид на кого бы то ни было. Но почему она вообще была здесь? Очевидно, ее держала здесь какая-то связь; что-то все еще связывало ее с этим планом существования. Лукас отлично помнил, что в прошлых жизнях они шли одним путем и вместе выполняли определенную оккультную работу; не существует более сильной связи, чем эта; она будет прочна даже тогда, когда ослабнут узы любви и ненависти. Лукас потерял ее след после последней инкарнации в Авиньоне, когда она выбрала Светлый, а он Темный Путь, и заплатил жизнью за свой выбор. То время было темным во многих отношениях, а его мудрейшие люди, как нам кажется сегодня, были невежественными, но все же они знали кое-что такое, о чем позабыли их последователи из более просвещенного времени, в том числе и о некоторых психологических аспектах. Они знали кое-что о малоизученных силах разума и о том, насколько они могут быть опасны. Белая магия мистиков допускалась и почиталась, но они внимательно следили за тем, чтобы те, кто проявлял эти необычные способности, были хорошо дисциплинированы духовником и монастырскими правилами; они не позволяли таким людям становиться законом для самих себя, прекрасно осознавая риск, которому себя подвергнут; и если кто-то проявлял признаки обладания силой и не использовал ее в священных целях, его сжигали на костре и способности его погибали вместе с ним; ибо иначе, зная, какими опасными могут быть эти способности, если не использовать их во благо, люди того времени не оставили бы себе шанса, а они были достаточно мудры, чтобы не допустить этого. Несомненно, тогда погибло и много невинных людей, и конечно же суды

принимали в расчет показания, которые не были проверены на весах беспристрастного правосудия, но никто из тех, кто изучал свидетельства того времени, не усомнился в том, что в ту эпоху получили широкое распространение знания об определенных практиках, которые всегда старались держать в тайне великие оккультные братства, бывшие хранителями подобных вещей, и что эти знания часто попадали в злые и ненадежные руки и ими кошмарно злоупотребляли. Сегодня многие несведущие люди думают, что это невежественное и продажное священство инициировало подобные преследования, но это совершенно не так. Тревога всегда сначала исходила от людей, которые в то время хранили ключи от тайных врат; людей, которые куда лучше были обучены тем практикам, которые пытались уничтожить, чем любой из тех, кто их использовал. Церковь никогда не думала уничтожать способности внутренней жизни, она лишь пыталась взять под контроль их использование и предотвратить неосторожное злоупотребление ими, и поступая так, она защищала человечество от того зла, о котором мало подозревают современные жители христианской страны. Такие люди, как Лукас, были обычным делом в средневековой Европе; любой, кто захочет узнать о них, может легко найти подробные описания их деяний в официальных архивах, и они настолько редки в наше время лишь потому, что священство, презираемое за невежество и мракобесие, выстроило границу между обычными людьми и силами тьмы; и хорошо было бы, если бы и в наши дни, когда наблюдается такой всплеск интереса к невидимому, посвященное священство могло бы снова защитить нашу цивилизацию от опасностей, о природе которых она даже не подозревает.

Лукас с нетерпением ждал, пока душа Вероники бродила в тех пространствах света, куда он не мог проникнуть. Его королевство было миром теней и темными водами бездны, откуда он мог извлечь элементарную субстанцию; он происходил из Незримого, в то время как она происходила из Света, ослеплявшего своей яркостью — и этот свет преграждал ему путь, словно гранитная стена; он мог только дожидаться ее возвращения, не зная, что она принесет с собой оттуда.

Что принесла Вероника, она бы и сама ему не сказала, ибо двери этого яркого мира закрылись за ней сразу же, как только она вышла оттуда, и все воспоминания стерлись. Она очнулась от транса также естественно, как ребенок ото сна, обнаружив комнату окутанной странным теплом. Она была одна, но аромат присутствия Лукаса витал в комнате, словно запах табачного дыма, и был легко ощутим в ее сверхчувствительном состоянии. Он бродил где-то снаружи, в беспокойной ночи, покинутый, продуваемый ветрами пространства, бездомный, одинокий, не имеющий места, где мог бы дать отдых ногам и преклонить голову. Он, отрицавший законы жизни, был подхвачен их пересекающимися потоками, и огромный плавный поток эволюции закрутился в водоворот, когда он попытался направить его течение на достижение своих мелких эгоистичных целей. Он сумел призвать ветер, но воздушные вихри последовали своим путем. Одно дело призвать циклон наполнить наши паруса и помочь нам пройти своим курсом, не взирая на то, что людские домишки будут им сметены, а плоды их терпеливого труда сравняются с землей, но совсем другое — попасть в зубы антициклона, который неизбежно последует за ним; если мы призываем природные силы, мы обязаны подчиняться природным законам, а их первая максима гласит, что действие и реакция равны и противоположно направлены на плане, на котором их призывают. Сила возвращается обратно со скоростью маятника, и хотя посвященный в Малые Мистерии может привести этот маятник в движение, секрет того, как освободиться от его действия, известен лишь посвященному Больших Мистерий.

Вероника ощущала странное оживление и освобождение; казалось, будто она избавилась от тяжелой ноши или огромный камень был сброшен с ее плеч. В ней пульсировала жизнь, хотя она еще и не проснулась окончательно. Как человек, пробудившийся среди ночи, она, хоть и чувствовала себя отдохнувшей, все же готова была перевернуться на другой бок и вернуться

в глубины сна, из которых вынырнула.

Вероника зажгла свечу и неуверенной походкой пошла в кровать, ведь она, казалось, еще не вернулась окончательно в тело из своего далекого путешествия; ее душа все еще желала парить без него и не считаться с его ограничениями.

Глава 23.

Она проснулась утром, помня, что видела сны, хотя они были смутными и нестойкими, как это часто бывает со снами, но все же у нее почему-то было ощущение, что эти сны отличались от других, они были не такими, как всегда и образы сновидений, которые смутно всплывали в ее памяти, были не похожи на те, что она видела раньше. Но все-таки эти образы были знакомы ей; они всплывали в памяти, словно забытые детские воспоминания, но не были связаны с ее жизненной историей. Где-то, когда-то она уже видела эти высокие, плавно движущиеся фигуры, различающиеся лишь цветами одеяний; где-то уже слышала их глубокие, резонирующие голоса, и их язык не был ей незнаком.

Ветер стих и день был спокоен и наполнен теплом, какое иногда приходит поздней осенью, и Вероника, гуляя по саду, пыталась собрать воедино части своих разломанных воспоминаний. Однако они сопротивлялись всем ее усилиям; они разбежались от нее; но затем, предоставленные сами себе, когда она в мечтательной рассеянности смотрела в голубые дали, стекались к ней и толпились вокруг, словно бы желая привлечь ее внимание. Угол какого-то средневекового монастыря сливался с высокими белыми колоннами величественного храма, и затем они снова сменялись ярким светом из сновидений прошлой ночи.

Иногда ей вспоминались голоса. Кто-то говорил ей довериться ему и положиться на него; она должна была безоговорочно доверять им и ее направят; что-то должно было проясниться, кто-то должен был прийти, но кто и что, оставалось неясным; в памяти всплывали лишь общие впечатления, но детали полностью ускользали от нее. Она поняла, что к борьбе, которую она до сих пор вела в одиночку, подключились высшие силы, которые каким-то образом были связаны с происходящим, как если бы Лукас вторгся на их территорию и разгневал их. Он часто намекал ей на существование других форм жизни, которые были не менее реальными и могущественными, хоть их и нельзя было воспринять нашими органами чувств. Ей казалось, что также, как эти формы жизни казались нереальными нам, так и мы могли казаться нереальными им, но теперь, выведенная из нормального состояния сознания усилиями Лукаса, она узнала об их существовании, а они узнали о ней. Она узнала об их мудрости и способности помочь, а они узнали о ее незащищенности и о том, что она в опасности. Связь, пусть слабая и неустойчивая, но все же связь, установилась между двумя видами существования, и они могли подавать друг другу знаки через пропасть.

Ей больше не было одиноко, теперь у нее были друзья; ее жизнь могла казаться таковой, хотя незримое сомкнулось вокруг нее и она узнала о его существовании. Существуют люди, которые, однажды узнав о существовании сверхъестественной реальности, склонны приписывать всё, что угодно, ее действиям; мышь под плинтусом или ветер в печной трубе становятся прислуживающими им духами, а особое провидение направляет все их действия; или, наоборот, зловредные демоны прячутся в скрипучей мебели и они изгоняют их сложными ритуалами. Вероника не принадлежала ни к одному из этих типов; когда Незримое возникало перед ней, ей приходилось мириться с этим, но когда оно снова уходило на задний план, она начинала задаваться вопросами о правдивости своих воспоминаний и списывала все на сны или воображение. Вероника не хотела поверить в существование Незримого, но была вынуждена это сделать.

Она настойчиво пыталась понять, был ли опыт прошлой ночи реальным; не существовало способа проверить его истинность, а присутствия просто пришли и ушли, не оставив следов. Был только один способ проверить это, ведь она помнила, что ей было обещано, что кто-то придет к ней на физическом плане и сказано, что Незримое может общаться с другими также, как и с ней, и что одному из этих других будет велено прийти к ней и помочь. Она поняла, что нашла путь к некоей великой организации, у которой были ответвления на разных планах существования, и что ее члены могли прийти к ней на помощь в час нужды, и что они также в свою очередь были вправе потребовать помощи от нее. Они очень отличались от тех темных, холодных сил, которые сопровождали Лукаса, которые, казалось, принадлежали к древним, дочеловеческим временам, которые человечество давно оставило позади и позабыло; тот аспект Незримого, который приблизился к ней теперь, казалось, принадлежал царству, о котором у человечества пока было лишь самое малое представление. Лукас воскрешал умершее прошлое; Вероника же шла к рождению живого будущего.

День проходил без особых происшествий, а час Лукаса еще не настал, ведь он мог действовать лишь с наступлением темноты. Вероника знала, в какое время он появляется, знала и ждала его. Как и прежде, сгущение сумерек ознаменовало его прибытие, и с исчезновением последнего луча света его присутствие начало ощущаться в комнате. Весь процесс повторился снова, доступные жизненные силы разделились, и эти двое встретились на общей территории, на полпути между видимым и невидимым мирами.

Сформировавшаяся фигура в капюшоне произнесла:

- Вероника, мы должны прийти к взаимопониманию. Вы поможете мне или нет?

Вероника посмотрела на него так, как часто смотрела при жизни.

- Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам, - ответила она. - Но вы не будете снова проделывать этих отвратительных вещей с детьми, если я могу это предотвратить.

- А что еще мне остается делать? - спросила фигура в капюшоне. - Если я не восполню своих жизненных сил, я не смогу удерживать даже эту форму, и тогда мне придется пройти через Вторую Смерть. Вы знаете, что это такое, Вероника?

Она помотала головой.

- Я ничего не знаю о подобных вещах.

- Тем лучше для вас. Однако сейчас мы в самой гуще подобных событий и должны как можно лучше с этим справиться. Но одно могу сказать, я не хочу проходить через Вторую Смерть. Вы же не отправите меня туда, правда, Вероника?

Он торопливо приблизился к ней и рука, которая была такой же реальной, как при жизни, коснулась ее руки.

Вероника потянулась к нему и прикоснулась к мягким складкам одеяния, ткань которого не была похожа ни на одну из тех, к которым она когда-либо прикасалась в жизни.

- Я не хочу причинить вам вреда, Мистер Лукас, и я ни за что на свете этого не сделаю, но я не могу позволить вам вредить этим детям, я должна защитить их. Это все так ужасно. Почему все должно быть так?

- Потому что иначе нельзя, - ответил мужчина. - Я должен питаться или я умру, а я не хочу умирать, если могу предотвратить это.

- Но вы *уже* мертвы! - воскликнула Вероника.

- Не существует смерти в том виде, как вы себе ее представляете, - ответил он. - Я потерял машину, которая была дана мне для работы, до того, как силы, которые управляли ей, исчезли. Силы все еще здесь, нетронутые. Я жив, я очень даже жив, и если мне однажды удастся построить новую машину, я смогу жить также, как живете вы, и тогда я приду к вам, Вероника! Но сейчас я всего лишь на полпути к этому, мне нужно больше жизненной энергии, и я вынужден брать ее там, где могу добыть.

- Вы не должны опять забирать ее у детей, - ответила Вероника. - Я не подведу вас; я обещаю, я сдержу свое слово. Что я могу сделать для вас, я сделаю, но детей вы не получите.

Она повернулась к нему: юная и даже для ее возраста странно незрелая, она была наполнена силой столь же древней, как и Природа. Эта детская фигура была воплощением материнства; она была Бессмертной Женщиной, защищающей детенышей своего вида, самым свирепым созданием на свете. Даже мужчине, которого она любила, не позволено было трогать детей. И Лукас это знал. Вероника действовала слепо, под влиянием инстинктов, но Лукас понимал, какие силы управляли ей; он знал, что пытался пробудить то, что растоптала сама эволюция — способность сильных отделяться от стада и питаться беспомощными детенышами своего вида, и Природа восстала и сказаа ему: «Не бывать этому!», и нашла способ выразить это через податливую юную девчонку, в которой он сам пробудил медиумические способности. Пришло время антициклона, и княжества и силы, оскорбленные действиями Лукаса, были приведены в действие.

Вероника заговорила снова.

- Я многого не понимаю, Мистер Лукас, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, и я не испугаюсь; и хотя я многого не понимаю, я, кажется, кое-что знаю обо всем этом.

- Должен сказать, вы правы, - ответил Лукас. - И вам еще многое предстоит узнать. Но лишь об одном я осмелюсь попросить вас, одолжить мне достаточно тонкой эфирной энергии, чтобы я мог собрать материал для построения тела, через которое смогу действовать, и если вы не поможете мне, то все было зря и мы оказались в тупике.

- Я поделюсь с вами своей энергией, - ответила Вероника, - Но я не позволю вам прикасаться к детям.

- Но только у детей я могу взять достаточно сил, чтобы удержать форму, - ответил он. - Если я продолжу брать вашу энергию, я перетяну вас, Вероника, на свой уровень существования — смерти среди жизни — и эту черту я переступать не стану. Я могу переступить через многое, но не через это. Вы не позволите мне прийти к вам, а я не стану перетягивать вас к себе. Так что мы в тупике и, я надеюсь, вы сможете подсказать нам выход отсюда, ибо я его не вижу.

Вероника не нашла, что ответить. Серая фигура перед ней покачивалась, словно пламя свечи на ветру, когда испытывала эмоции, которые все еще были вполне человеческими.

Лукас заговорил снова.

- Если бы я не любил вас, это не имело бы никакого значения, но я люблю вас и я не могу этого сделать. Почему именно моя любовь к вам — лучшее, что я познал — должна стать тем, что меня погубит? Если бы меня не волновало, что с вами станет, я позволил бы братству ударить по вам и избежал бы наказания, как я и планировал сделать, но когда до этого дошло, я не смог так поступить. Я мог бы остаться в живых, но я был бы один, и в этом не было бы для меня ничего хорошего. Теперь же все повторяется, я могу вернуться на план жизни, воспользовавшись вашими силами, но тогда я должен буду вытолкнуть вас сюда и мы просто поменяемся местами, и я снова буду один. Почему я не встретил вас до того, как ввязался во все это? Я уверен, что не захотел бы всего этого, если бы у меня были вы; но теперь уже слишком поздно и нет другого пути для меня, кроме как использовать жизненные силы других людей, но вы не позволяете мне это делать, и будь я проклят, если посмею воспользоваться вашей жизнью, Вероника! Я уже проклят, так что, вероятно, особой разницы не будет, но как бы то ни было, я не стану этого делать.

Комната, тускло освещенная угасающим огнем, была похожа на темную пещеру; звездный свет не проникал сквозь занавешенные окна, ибо ночь была пасмурной. Лампа не горела, а огонь, та форма жизни, что не принадлежала к нашей эволюции, казалось, был подавлен и сделался зловещим из-за присутствия существа, что вторглось в мир, в котором не имело права находиться. Нечто, имевшее одну с ним природу, вошло в огонь и изменило его; это был уже не жизнерадостный огонь человеческого жилища, но мерцающий колдовской свет, помогающий заклинаниям. Лукас, вернувшись из незримого, пришел не один, вместе с ним в дверь проскользнуло и множество других существ. Это были существа другого порядка жизни, проникшие в наш мир с тем же жадным любопытством, с каким психические исследователи проникают в их миры.

Истончение завесы запустило процесс духовного осмоса, и более сильные формы незримого начали поглощать жизненные силы плана проявления. Лукас всегда знал об этой опасности. Отказавшись пройти в назначенное место, Судебный Зал Осириса, как его называют, он поселился в преддверии между видимым и невидимым мирами, в царстве того, что не имеет формы, из которого происходит материальная субстанция и куда она возвращается после того, как изнашивается одушевляющей ее жизнью. Здесь обитали существа иного порядка творения, чем наш, чьим ближайшим аналогом могли бы быть сапрофитные бактерии; падальщики творения, они занимали свое место в общем процессе, но стоило им выйти за пределы назначенной им сферы влияния, как они становились кошмарнейшим из явлений.

Именно в этом мире первозданного хаоса обитал Лукас и именно его воздействиям подвергал единственное существо, до которого ему когда-либо было дело. Благодаря обучению в оккультном братстве и тому опыту, который приобрел с тех пор, как покинул физическое тело, он знал, что ему грозил холодный ад дезинтеграции; знал он и о том, что если ему не удастся закрепиться в проявленном мире — если он не сможет, отнимая у других жизненную силу, удерживать свою хрупкую форму, - то будет снова втянут в поток космических законов, и тогда продолжатся процессы умирания, которые он сумел остановить благодаря своим знаниям, и последние нити эфирной субстанции, связывавшие его с миром, распадутся, и его обнаженная душа отправится на место судилища, чтобы встретиться лицом к лицу со своей расплатой. Ибо в конце каждой инкарнации мы расплачиваемся по счетам; итоги подведены и с нас взимается то, что мы задолжали Вселенной, а нам выплачивается то, что задолжала нам она; эти два процесса составляют переживания, известные нам как Чистилище и Малые Небеса. Затем, когда равновесие восстановится, насколько это возможно, душа с помощью субъективного сознания начинает готовиться к новому путешествию в материальный мир; опыт преобразуется в способности, а в ее природе устанавливается равновесие между добром и злом; она, фактически, добровольно принимает расплату, осознавая свои активы и долги. Лукас был скрывавшимся должником и не осмеливался явиться в суд, поскольку его

договора с незримыми силами были заключены обманном путем, а он воспользовался трастовыми деньгами, представленными космическими силами, в своих целях; от него потребовался бы отчет, который он не смог бы предоставить, и ему не хватало смелости столкнуться с последствиями.

Не имея физических органов, с помощью которых он мог бы взять энергию из животных или растительных царств посредством приема и переваривания пищи, он вынужден был забирать уже готовую энергию у тех, кто обладал ей — и, стало быть, он был паразитом, живущим благодаря жизненной энергии других людей, а что случалось с этими другими, мы уже знаем. Случись такая вспышка детских смертей в средние века, в ней распознали бы то, чем она и являлась, и началась бы активная охота на вампира; тело подозреваемого было бы выкопано, и если бы было обнаружено, что оно не подверглось разложению, как происходит всегда, когда душа, обитавшая в теле, осталась привязанной к миру формы, оно было бы сожжено дотла, ибо только огонь может уничтожить связь не до конца умершего человека с его домом из плоти.

Обо всем этом было забыто в наше просвещенное время, и ни судмедэксперт, ни гробовщик не догадались о том, почему тело Лукаса не разлагалось, так что драме жизни-после-смерти было позволено разыгрываться своим чередом. Силы Внешней Тьмы активно вмешивались в события человеческой жизни; и еще только предстояло выяснить, смогут ли силы Внутреннего Света победить их.

Глава 24.

Когда Вероника проснулась, дрова в камине сгорели до серого пепла, а в окно проникал утренний свет. Ночью были заморозки и солнце всходило над миром, покрытым серебряной пеленой. Лукас ушел, но в комнате все еще ощущалось его присутствие. Девушка поспешно распахнула дверь и выбежала навстречу чистому и холодному осеннему рассвету; серый свет сумерек быстро сменялся розовым сиянием и, не смотря на позднее время года, в верхушках деревьев слышался гомон. Вероника стояла лицом к востоку, ожидая, когда солнце осветит холмы, ибо хотя небо было чистым, долина лежала в тени земного изгиба. Она очень сильно отличалась от девчонки, встречавшей рассвет на холмах Суррей; она была сенситивом от природы, о чем сразу же догадался Лукас, выбрав ее среди многих других, присланных агентством по трудоустройству в ответ на его фиктивный запрос о поиске секретаря, и опыт, через который она проходила, мгновенно пробудил в ней психическое видение, и теперь вещи, которые хоть и были всегда вокруг нас, но оставались незамеченными обычными смертными, быстро попадали в фокус ее восприятия; и поэтому этим ясным, морозным, зимним утром она слушала одну из самых прекрасных мелодий в мире — мелодию космических сил, меняющих свое направление, когда силы Солнца «побеждают» тьму, и проявленное меняется местами с непроявленным; она вслушивалась в мощное звучание музыкальных ритмов, по которым сенситив легко может узнать проявляющиеся возможности также, как опытный механик может определить, что сломалось в автомобиле, по звуку его двигателя; она слышала завывания их ветров и видела огромные реки света в верхней и нижней части неба, отмечавшие их путь. Ночной отлив сменялся приливом рассвета и все творение торжествовало, но она не забывала о том, что мир будет столь же рад и вечернему расслаблению. Свет и тьма равно прекрасны, когда их пропорции не нарушены; как отлив и прилив, как действие и реакция на действие, одновременно равные друг другу и противоположно направленные, через которые и посредством которых эволюция восходит вверх по спирали.

Еще некоторое время она прислушивалась к тому, как космические ритмы устанавливали новый мотив и мир приступал к своим ежедневным делам. На далеких фермах кричали петухи, а цокот тяжелых копыт на верхней дороге говорил о том, что пахари уже отправились

на работу. Начался человеческий день. Спокойный, туманный воздух долины наполнился звуками человеческой деятельности. Жесткое дыхание локомотива, взбиравшегося на уклон станции Бекерин, задавал ритм всему железному веку, и Вероника, вновь вернувшаяся в материальный мир, принялась расхаживать по террасе, дожидаясь момента, когда ее древняя прислуга решит приготовить завтрак.

Тем, кто однажды проник в субъективный мир разума, никогда не бывает скучно, ибо всегда находятся мысленные образы, с которыми им нужно поработать, и Веронике тоже было о чем подумать. Расхаживая по террасе, она вспоминала обещания, которые привели ее к нынешней ситуации; ее сознание необычайно прояснилось и позади поезда из образов-воспоминаний она могла различить причины, связавшие их друг с другом. Какая-то дверь в ее сознании распахнулась во время ночных происшествий, и она, казалось, смогла проникнуть в комнаты в доме своего разума, которые прежде были для нее закрыты.

В этих новых открывшихся в подсознании пространствах она обнаружила последовательности сцен — ясных, но далеких, словно воспоминания раннего детства — изображающих ее саму в разных обстоятельствах и условиях существования, и поняла, что это были воспоминания о ее прошлых жизнях. Она знала, что их связь с Лукасом возникла в одной из них и что именно эта связь, влияние которой она ощущала до сих пор, заставляла ее чувствовать, что никогда она не сможет достичь такой же близости и духовного родства, какое было возможно с ним, ни с одним другим существом. Хоть он и был злым, а все же он был ей ближе, чем кто-либо другой.

Когда она изучала эти образы-сновидения, они приближались к ней. Храм, роща и великие прекрасные ритуалы возникали перед ее внутренним взором в этих сложных видениях, и внезапно она осознала, что они были похожи на те сцены, которые она наблюдала, когда Лукас переносил ее через вращающийся барьер психической энергии, которая не давала узнать тайны запретных степеней его Братства. Эти образы, если и не были идентичны по содержанию, имели схожую энергетику, и между ними существовала некая связь.

Эти новые комнаты, открывшиеся в ее разуме, были полны не только картин-образов, но и забытых знаний, которые постепенно вспоминались по мере того, как восстанавливались причинно-следственные связи; все, что хранилось в подсознании, стало доступно сознательному разуму, и глубины воспоминаний о прошлых жизнях открылись для него. На девушку, быстро расхаживавшую по террасе в бледном свете утреннего солнца, снизошло внезапное озарение. На заре яркого человеческого существования, когда невидимый мир был очень близок к миру человеческому, а людьми все еще управляли короли-жрецы, она вступила в одну из школ мистерий, которые процветали в те времена, и училась в ней вместе с одним из тех, с кем впоследствии у нее образовалась связь и с кем она работала снова и снова в разных жизнях, пока в одном из воплощений не наступил кризис и один из них не подвергся искушению и не пал в жажде власти, в то время как другой остался тверд в своей вере. Физические сосуды, разрушенные раздражающими их теперь силами, вскоре освободили души, которые были связаны во плоти, и в должное время эти души вновь вернулись в мир форм во времена той римской инкарнации, о которой Лукас рассказывал ей по дороге в Брайтон; расширенное сознание Вероники теперь способно было различать то, что скрывалось за событиями, и она знала, что один из них сумел войти в великий новый поток духовной жизни, который излился на мир с холмов Галилеи, в то время как другой, жаждущий старых языческих мистерий, повернулся спиной к будущему и вернулся к более примитивному типу.

Затем история повторилась снова, уже в Авиньоне, и одна душа притянулась к духовному течению своего века, а другая развернулась в сторону языческого фольклора. В нынешней

жизни, поняла Вероника, они снова встретились, но конец их истории еще не был написан. Вспышка интуиции открыла ей, что один в их духовном партнерстве представлял силы разума, а другой — силы сердца; и что каждый из них, лишившись другого, оказывался сбит с толку. Один представлял собой разум, лишенный совести; другой представлял чувства и был не способен к осознанию. Вместе они могли достичь невероятных высот, но когда они были порознь, один из них становился подлецом, а другой — идиотом. Именно контакт с Лукасом оживил интеллектуальные способности Вероники, а контакт с Вероникой пробудил в Лукасе совесть.

Вероника осознала, и начал осознавать Лукас, что они оказались в плену событий, созданном прошлыми жизнями, и что, возможно, это осознание пришло слишком поздно, чтобы суметь выбраться из плена в этой инкарнации. Вероника не видела выхода из лабиринта и понимала, что Лукасу, пребывавшему в своем странном патологическом состоянии жизни-в-смерти или смерти-в-жизни, к которому он сам себя приговорил, возможно, уже не сможет помочь никто, ни люди, ни боги, и что он может быть втянут в бездну Хаоса, откуда не существовало возврата.

Дым, поднявшийся над кухонным дымоходом, сообщил ей о том, что завтрак наконец-то начали готовить, и Вероника направилась к дому как раз тогда, когда ее внимание привлек звук шагов и она увидела фигуру в старомодном Инвернесском плаще и со старинным саквояжем в руках, пробирающуюся к ней сквозь покрытые росой заросли, и в следующую минуту ее старый друг с длинной белой бородой уже стоял перед ней, пожимая ей руку в знак приветствия.

Онемевшая от столь неожиданного визита, Вероника совершенно забыла о правилах гостеприимства, и пока старик не провел ее в бильярдную и не снял с себя свой плащ, она не спросила его о цели его визита.

Он бросил беглый взгляд на нее из-под своих тяжелых седых бровей.

- Вы кого-нибудь ждали? - спросил он.

Вероника невыразительно смотрела на него некоторое время и затем, вспомнив про обещанного ей во снах-видениях посетителя, заколебалась, не зная, что ответить, ибо хоть сама она и становилась все более уверенной в реальности своих переживаний и перестала списывать всё на воображение, она не думала, что их может разделять кто-то еще, и боялась быть осмеянной или навлечь на себя подозрения, если откроется ему. Но глаза старика бросали ей вызов и она приняла его.

- Да, - сказала она тихо, - Я ждала, что кто-то придет, но я не была уверена... Я не знала, что это будете именно вы... И я удивилась, увидев вас.

Глаза старика, странно сиявшие на его увядшем лице, продолжили смотреть на нее испытующе.

- А кто сказал вам, что кто-то придет? - спросил он мягко.

Вероника уверенно посмотрела на него, зная, что он испытывает ее; мысли старика были ей известны и она чувствовала, что и ее мысли были в равной мере известны ему; бесполезно было что-либо скрывать друг от друга и, более того, в этом не было необходимости. Она ответила на его вопрос в духе, в котором он был задан.

- ОНИ сказали мне, - был ее ответ.

- Так вы ИХ знаете?

Она кивнула. Этого было достаточно. Они друг друга поняли.

Появилась старуха с нагруженным подносом и, увидев в комнате еще одного человека, зашаркала прочь, чтобы сварить еще одно яйцо. Ничто никогда не возмущало ее и ничто не могло разбудить в ней любопытства. Если бы она застала в комнате татарского хана, беседующего с Вероникой, она бы также невозмутимо сварила яйцо и для него. Лукас хорошо ее натренировал.

Трапеза прошла за обменом любезностями за столом, вопросами о здоровье Вероники и прочих мирских делах. Оба чувствовали, что предстоящий разговор был слишком серьезным, чтобы прерываться на еду, но как только старик уселся в одно из огромных кожаных кресел и разжег трубку, он посмотрел на Веронику, сидевшей в кресле по другую сторону камина, и спросил:

- Я так полагаю, что-то стряслось?

Он приглашал к откровенному разговору и Вероника решила сжечь все мосты и рассказать все как есть.

- Доктор Латимер, - сказала она, - Я буду с вами откровенна; возможно, вы решите, что я сумасшедшая, но я скажу правду, не важно, поверите вы мне или нет.

- Полагаю, поверю, - ответил старик. - Существуют определенные вещи, о которых знают лишь некоторые из нас, хотя весь остальной мир может даже не подозревать об их существовании.

- После того, как вы оставили меня, - начала Вероника, - Всё сперва было спокойно и мне даже начало казаться, что я ошиблась и что эта смерть была... Тем, чем считает ее большинство людей, и что всё кончено; но, с другой стороны, я чувствовала, что это не так и что вскоре я ему понадобится.

- Вы что-то видели или слышали? - поинтересовался старик.

- Нет. У меня просто было что-то вроде предчувствия, и хотя одна часть меня твердила, что все это чушь и я обманываю саму себя, другая, более глубокая, внутренняя часть меня, мое истинное я, чувствовало, что это не так, и я зацепилась за это чувство; но оно было таким смутным и таким слабым, что я не могла ничего понять, пока однажды не надела старый плащ, принадлежавший Мистеру Лукасу, и он не погрузил меня, как мне показалось, в ауру Мистера Лукаса, и тогда я поняла, что он хочет, чтобы я посетила его могилу. Я никогда не была там прежде, потому что не хотела думать о нем, как о мертвом, но когда у меня возникло это желание, я послушалась его и пошла.

- Вы там что-нибудь почувствовали? - спросил старик.

- Ничего, - ответила Вероника. - Это скорее заставило меня осознать, что Мистер Лукас действительно мертв и что мне лучше заняться другими вещами. Но на обратном пути через лес кое-что произошло, и я точно не знаю, что это было. Словно бы из ниоткуда возник маленький холодный ветерок и заставил нас задрожать от холода.

- Кого это "нас"? - тут же поинтересовался старик.

- Меня и Алека Батлера. Он был сыном местного доктора; возможно, вы встречались на дознании.

- Был? - снова поинтересовался старик. - А что, кто-то умер?

Вероника нервно сжала руки.

- Да, - медленно произнесла она. - Несколько человек. Это то, о чем я хотела поговорить с вами.

Старик вытащил трубку изо рта и вылетевший из нее завиток дыма медленно растаял в воздухе. Вероника украдкой оглянулась, как если бы опасалась подслушивающих, а затем продолжила:

- Когда я ходила на кладбище, - сказала она, - Я видела четыре детских могилы, свежих могилы, а это очень маленькая деревня, всего в одну улицу.

Она замолчала и внимательно посмотрела на старика, чтобы посмотреть на его реакцию. Он кивнул.

- Я не удивлен, - сказал он.

- Есть и другие дети, которые умерли с тех пор — по крайней мере, я знаю о двоих. Я расскажу вам о них, но сперва я хочу рассказать об Алеке. Я познакомилась с ним, когда ходила на кладбище. Он был очень добр ко мне и показал, где находится могила. Самостоятельно мне было бы трудно ее найти.

- Джастина похоронили в освященной земле? - спросил старик.

- Думаю, да, - ответила Вероника. - Но не в старой части кладбища, рядом с церковью, а в новой, возле реки, и в самом дальнем углу.

- Это многое объясняет, - сказал старик. - Современное англиканское освящение не имеет той силы, как то, которое проводилось до Реформации. Они бы избавили себя от многих проблем, если бы позволили Джастину лежать в тени церкви. Христианское милосердие никогда не бывает лишним.

- Алек пошел со мной до дома через нес. Я была несколько расстроена посещением могилы, а я, как мне кажется, понравилась ему; после этого он часто заходил поболтать, и, в конце концов, сделал мне предложение. Я думаю, это и стало причиной.

- Причиной чего?

- Его смерти, - ответила Вероника, пытаясь говорить спокойно. - У нас здесь жила собака и однажды ночью у нее случился странный приступ, и... - она замешкалась. Как могла она рассказывать об этих диких фантазиях? - И она сошла с ума, сорвалась с привязи и убила Мистера Батлера, - закончила она сбивчиво.

- Что стало с собакой? - поинтересовался ее собеседник.

- Ее пристрелили.
- А где ее тело?
- Они подумали, что это бешенство, поэтому отправили его на ликвидацию в Эмбридж.
- Прекрасно, - ответил старик удовлетворенно. - Это единственное, что можно было сделать в подобной ситуации. После того, как уничтожили собаку, возникли ли у вас еще какие-либо проблемы?
- Да, - медленно сказала Вероника. - Возникли. Мистер Лукас пришел сюда, в эту самую комнату, и материализовался рядом с тем самым местом, где вы сидите.
- Кто-то видел его рядом с собой?
- Не в тот раз, но когда они застрелили собаку, его видела целая толпа людей и вся округа перепугалась до смерти, а старая смотрительница начала пить и пьет до сих пор.
- Как он добивается материализации?
- Он забрал некоторое количество субстанции у детей, которых он убил, а остальное заимствует у меня.
- Заимствует?
- Да, он берет достаточно, чтобы материализоваться и поговорить со мной, а затем отдает всё обратно и возвращается в состояние, в котором был.
- И часто он это делает?
- Уже четыре или пять раз.
- И как это влияет на вас?

Вероника замешкалась.

- В такие моменты это не сильно на меня влияет, - ответила она, наконец. - В сущности, каждый раз, когда он это делает, это влияет на меня все меньше, но я обнаружила, что я начинаю хотеть... Хотеть делать то же самое с другими людьми. Когда я пошла вниз по дороге на следующий день, ко мне подбежал маленький ребенок, и я взяла его на руки и прижала к себе; мне казалось, что я ощущаю исходящую от него жизненную силу. Мать выбежала и забрала его у меня, и я была очень благодарна за это, ибо я поняла, что делаю ровно то же самое, что и Мистер Лукас. Я не буду делать этого снова, теперь я уже знаю, что это значит, но ведь это ужасно, ощущать себя так, правда?

Старик некоторое время теребил в руках погасшую трубку, прежде чем ответить.

- Можно ли незаметно вскрыть могилу Лукаса или нам потребуется разрешение Министерства Внутренних Дел?
- Мне кажется, это возможно, - ответила Вероника. - Но я не хочу, чтобы вы делали что-то,

что может навредить Мистеру Лукасу.

Старик внимательно посмотрел на нее.

- Что за связь у вас с Лукасом? - спросил он.

- Это старая связь, - ответила девушка.

- Так я и думал. А какова природа этой связи?

- Мы работали вместе в одном из древних храмов, а затем, позже, возникли некоторые трудности и мы отдалились друг от друга. Но мы по-прежнему нуждались друг в друге. В сущности, я думаю, что все проблемы возникли лишь из-за того, что мы не были вместе. Он был для меня разумом, а я была для него сердцем. Затем мы снова встретились в этой жизни, но все уже было настолько запутанно, что распутать это мы не смогли. Мистер Лукас причинил мне много зла. Его не беспокоило, что он делал. А теперь он не умер, как положено, и не осмеливается умереть, потому что если он это сделает, то попадет в какое-то ужасное место и, вероятно, совсем потеряется, и единственный для него способ остаться в живых — отнимать жизненную энергию у других людей.

- Вы когда-нибудь слышали о вампирах? - спросил старик.

- Да, - ответила Вероника. - И... И еще об оборотнях.

Между ними повисла тишина.

Наконец, девушка заговорила.

- Вы знаете, что означает Вторая Смерть? - спросила она.

- Это означает дезинтеграцию личности, единицы инкарнации, и поглощение ее индивидуальностью — единицей эволюции. Можно сказать, что Джон Смит умирает, а эго, которые мы назовем Иоганессом, поглощает жизненный опыт Джона Смита. Личность также смертна, как и тело, и лишь дух вечен. Первая смерть — это смерть физической формы, а вторая смерть — смерть тела желаний, одушевленного конкретным разумом. Когда оно распадается, абстрактный разум, оживленный божественным духом, оказывается на своем уровне, который обобщенно называют небесами, и пребывает там до тех пор, пока не приходит время реинкарнировать.

- Почему Мистер Лукас так боится Второй Смерти?

- Потому что с ней приходит и час расплаты, когда личности приходится отвечать за свои поступки. Лукас боится расплаты, и, надо полагать, не без причины.

Некоторое время Вероника задумчиво смотрела в окно.

- Думаю, если бы кто-то нас услышал, - сказала она после паузы, - Он бы решил, что мы сошли с ума и бредим.

- Несомненно, - сухо ответил ее компаньон. - Но как они собираются остановить эти смерти? У них невероятно высокий уровень детской смертности для столь маленькой деревни, и ничем иным они не смогут этого объяснить.

Глава 25.

Лукас никогда не приходил в дневные часы и его не стоило ждать раньше наступления темноты, поэтому Вероника провела старика по всему своему маленькому дому и показала различные места, связанные с проблемой, которую они пытались решить. Они посетили спальню Лукаса, где красная вьющаяся роза роняла свои последние заплесневевшие лепестки на подоконник. Когда старик задумчиво сжал их в руке, Вероника почувствовала, что он изучает это место с помощью каких-то других органов чувств, не имеющих отношения к пяти физическим.

Они осмотрели пустую собачью будку, рядом с которой все еще валялся расстегнутый ошейник с присоединенной к нему цепью, и затем, с безопасного расстояния, осмотрели хибары в переулке. Наконец, они прошли по лесной тропе, которая вела к кладбищу, и остановились рядом с сырой земляной насыпью, которая постепенно оседала под осенними дождями.

В течение долгого времени старик стоял с непокрытой головой рядом с насыпью, размышляя неизвестно о чем. Может быть, общался с духом умершего мужчины, или же думал о том, что могло бы быть, если бы его духовный сын оказался достойным преемником. Наконец, он опустился на колени и положил на сырую землю пригоршню побитых дождем лепестков, которые собрал с вьющейся розы, окружавшей спальню умершего. Вероника тоже опустилась на колени и выложила из унылых красных лепестков некое подобие креста. Старик не стал останавливать ее — наоборот, она, казалось, сделала то, чего он сделать не осмелился.

- Может быть, он и имел на это право. Кто мы такие, чтобы судить его? Для каждого человека — свой учитель, - только и сказал он.

Вечер застал их в знакомой бильярдной комнате. Огонь в камине отбрасывал неуверенный свет и как только старуха убрала остатки ужина, Доктор Латимер погасил лампу.

- При обычных обстоятельствах, - сказал старик, - Я не стал бы позволять вам входить в транс без соблюдения должных мер предосторожности, но в нынешних условиях нам придется оставить ворота открытыми и позволить войти в них тому, кто придет, иначе мы можем пропустить нечто важное.

Долго им ждать не пришлось. Как только огонь погас и дрова начали сиять красноватым светом, Вероника почувствовала, как из нее начала вытекать эфирная субстанция, что указывало на то, что ее ресурсы начали разделяться, и вновь из теней начала возникать темная фигура в капюшоне. Туманоподобный экссудат сгущался в ниспадающие складки одеяния, и медленно проявлялись руки, черты лица и безграничные темные озера на месте глаз.

Все внимание Лукаса было приковано к Веронике, и пока он не материализовался полностью, он не заметил присутствия третьего человека в комнате. Мгновенно он стал в два раза выше обычного, воспарив над седобородой фигурой, неподвижно сидевшей в кресле, а складки его одеяния расправились и превратились в подобие крыльев огромной летучей мыши. Разреженная эктоплазма с готовностью подчинилась одушевляющему ее разуму и огромные когти появились на концах его пальцев, когда он протянул руку в горлу намеченной жертвы. Затем на мгновение он застыл в нерешительности. Ясные голубые глаза под тяжелыми бровями ни разу не дрогнули, и грозная, нависавшая над стариком фигура начала медленно отступать, складывая крылья, пока, наконец, не превратилась в точное подобие египетской мумии, стоящей в стороне.

Тогда старик заговорил.

- Приветствую тебя, сын мой, во имя Того, Кому мы оба служим.

Дрожь пробежала по телу неподвижной фигуры, стоявшей перед ним, и тонкая складка одеяния, казалось, освободилась от обвивающих ее лент и повисла, словно длинный свободный рукав.

- Откуда ты пришел? - раздался голос, словно бы повторявший некую установленную формулу, и дрожь старости прозвучала в его ритуальном тоне.

- Из Бездны, - последовал, наконец, неохотный ответ.

- Куда ты направляешься?

Последовала пауза, нарушаемая лишь звуком медленно падающего в огонь пепла и ритмичным дыханием Вероники. Бревно прогорело насквозь и сломалось, прежде чем последовал ответ, но старик ни разу не шелохнулся.

Лукас снова заговорил:

- Я во Внешней Темноте, - сказал он, - Носимый ветрами космоса. Бесплезно спрашивать меня, куда я иду, ибо я и сам этого не знаю.

- Уходи, сын мой, уходи с миром, - сказал старик. - Встреться со своей расплатой и прими ее, и затем, когда день жизни вновь забрезжит для тебя, ты сможешь вернуться на Путь, с которого ты свернул.

Крылья, напоминавшие крылья летучей мыши, вновь угрожающе раскрылись, когда Лукас, разозлившись, воскликнул:

- Не в вашей власти приказать мне уйти; мне удалось создать точку опоры на плане проявления, по крайней мере, до некоторой степени. Мы можем обойтись и без вас.

Старик повернулся к Веронике.

- Дочь моя, - сказал он, - Не в моей власти просить Джастина принять свою расплату, как он справедливо заметил, ибо я не могу изгнать его из тела, которое он создал для себя, не навредив вам, ведь оно состоит из части вашей субстанции, но если вы откажетесь от него, я смогу отправить его, куда следует.

Вероника, медленно выпрямившись в кресле, переводила взгляд с одного боровшегося за нее мужчину на другого. В ее психическом состоянии ни один из них не казался ей материальным, но они представляли разные типы силы, проявляющиеся через разные сосуды разума. Старик казался ей призмой, сквозь которую проходил свет великого космического Солнца, а Лукас светился странным переливающимся сиянием, как светятся некоторые грибы в лесу, светом своего собственного разложения.

- Куда он отправится? - спросила она, наконец. - Где его место? Будет ли ему там хорошо?

Лукас засмеялся и ей показалось, что вместе с ним засмеялись бесчисленные голоса. Каждая

вспышка или отблеск огня в камине, каждый ветерок в ветхом доме, казалось, загоготал с ужасающим весельем.

- Мое место, - сказал он, - Это Темная Планета Дезинтеграции, Блуждающая Планета, не имеющая орбиты. Там я вернусь, клетка за клеткой, молекула за молекулой, атом за атомом, к состоянию изначальной субстанции, из которой возник, ибо для меня не будет Чистилища, но будет уничтожение, ведь я полностью посвятил себя тьме и попросил зло «стать моим Богом».

- Ты уверен, сын мой, что ты безоговорочно предан злу? - сказал старик.

- Не моя вина, если это не так, - прорычал Лукас.

Их спор прервала Вероника.

- Я не могу отправить его на уничтожение, Доктор Латимер. Может быть, я очень глупа и совершаю ошибку, но я действительно не могу этого сделать. Я не думаю, что он сможет кому-либо навредить, если я не стану помогать ему в этом, и, возможно, если мы дадим ему время, он сумеет исправиться.

- Время — это то единственное, чего у нас нет, моя дорогая. Космические приливы все время находятся в движении. Он должен пойти либо одним, либо другим путем, вернуться обратно в жизнь или отправиться вовне, к смерти души.

- Тогда почему он не может вернуться, если это возможно?

- Потому что он может вернуться, только используя вас, и тогда вы окажетесь там, где сейчас находится он.

- Там действительно так ужасно? - спросила Вероника.

- Да, - быстро ответил Лукас.

- Спрашиваю второй раз, - сказал старик, концентрируясь на закутанной фигуре перед ним. - Куда ты пойдешь, сын мой?

Лукас молчал.

- Примешь ли ты расплату, сын мой?

Крылья еще плотнее сомкнулись вокруг его тела и дрожь, казалось, прошла по нему.

- Нет, если в моих силах избежать этого.

- То есть ты решаешь остаться на плане проявления, используя жизненные силы этой девушки?

Последовала долгая пауза, поскольку Лукас, казалось, не мог принять никакого решения.

- Придется выбрать что-то одно, - сказал старик.

- Я знаю, - ответил Лукас.

Он посмотрел на Веронику, полулежавшую в большом кресле, когда вдруг она с тревогой потянулась к нему.

- Я не знаю, что все это значит, - сказала она, - Но я никуда не отпущу вас, я обещала, что останусь с вами до конца и я сделаю это. Я не могу позволить вам навредить детям, но и прогнать вас совсем я тоже не могу.

Лукас криво усмехнулся.

- Я ведь могу уйти и сам, малышка Вероника.

Старик напрягся, сидя в кресле, и, казалось, задержал дыхание, ожидая, что скажет дальше серая фигура в углу.

Огонь успел погаснуть, прежде чем они вновь заговорили.

- Существуют определенные вещи, - слова падали с губ медленно и тяжело, словно капли воды в пещере. - Которые делать нельзя.

В комнате вновь повисла тишина, и ни один звук, ни внутри, ни снаружи, не нарушал ее, а затем, наконец, вновь раздался голос Лукаса.

- Если бы это был кто угодно другой, Вероника... Нет, я не могу этого сделать.

Затем, когда он собрался с силами, вновь раздался его голос, звучащий, словно колокол, и в нем появились нотки некоей радости.

- Это конец, Вероника. Прощайте и будьте счастливы, вы свободны и храни вас Бог. Забудьте все, что можете забыть, и простите все остальное. Или, если вам хочется помнить, то помните, что я любил вас.

Вероника встала и повернулась к нему в темноте, и наблюдавший за ними старик увидел, что она больше не была ребенком, ибо душа, жившая много веков, наконец, полностью вошла в свою обитель.

- Я ничего не забуду и мне не за что вас прощать. Мы вместе шли этим путем. Для вас я была душой, вы же были разумом для меня. Если вы отправитесь на Темную Планету, то я отправлюсь туда с вами, а если я останусь здесь, то и вы тоже останетесь.

- Не в нашей власти решать, что нам делать, - ответил Лукас. - Я отправлюсь к Тем, Кто сам решит, что со мной делать...

И вскинув руки, он призывным голосом воскликнул:

- ...Ибо я выбираю расплату.

Эти слова, казалось, внезапно изменили всё. Серую фигуру в капюшоне охватил огонь и всюду распространился малиновый дым, похожий на свет горящего города. Вновь из каждого темного угла и каждой щели этого мрачного дома раздался гогочущий смех, и на каждый раскат отвечал веселый хохот с высоты небес, где ночные облака неслись пред ярким ликом Луны. Казалось, что в каждом клочке темноты таилось торжествующее зло и Лукас попал к

нему в руки. Порыв яростного ветра ударил в дом и стены его покачнулись, а стропила и брусья заскрипели так, как если бы вся эта ветхая конструкция решила рухнуть. Стекла, вырванные из рам, осыпались на пол ливнем острых осколков. Нечто, что было плотнее тьмы, ворвалось в комнату вместе со штормом, быстро прошло по всем поверхностям невидимыми щупальцами, а затем, найдя то, что искало, вновь унеслось туда, откуда пришло. Шторм закончился также внезапно, как и начался; комната, свободная от всех присутствий, казалась простым человеческим жилищем, разрушенным стихией. От сил, что обрушились на него, не осталось и следа, как и от вызвавших их страстей, если не считать того, что из угла, в котором стояла серая фигура в капюшоне, волнами доносился запах гниения.

Глава 26.

Кошмарный ветер стих также внезапно, как и возник, и комната погрузилась в кромешную тьму. Вероника слышала, что старик неуклюже пытается зажечь спичку. Наконец, появилось слабое бледное пламя, еле видимое во мраке. Лампа, разбитая вдребезги, валялась в углу, и старый доктор неспешно огляделся в поисках чего-либо, что можно зажечь. Обернувшись, он внезапно замер с еле слышным возгласом, ибо в проеме разбитой двери виднелась человеческая фигура. Они оба уставились на нее в немом удивлении, разглядывая в свете затухающего пламени странное, беспристрастное лицо незнакомца с глубокими морщинами на пергаментной коже, которые казались еще более глубокими в мерцающем свете, впалыми щеками, высокими скулами, мощной челюстью и высоким лбом. Сверкающие, глубоко посаженные глаза напоминали ястребиные, но не были монгольскими, хотя новоприбывший скорее был азиатом, чем европейцем, и даже то, с какой гибкостью и спокойствием он вошел в комнату, создавало ощущение, что он прибыл с Востока, но все же Вероника знала, что этот человек не был азиатом, также как и не был человеком Запада; он был чем-то совершенно другим. В нем ощущалась огромная сила, абсолютно беспристрастная, совершенно не контролируемая. Вероника видела достаточно членов мистического Братства, в чьей штаб-квартире ее одно время прятали, чтобы распознать в нем одного из них. Сияющие глаза Доктора Латимера, кошачья грация Лукаса, исходящее от сурового мужчины ощущение беспристрастной силы — все это, развитое до куда больших пределов, было сконцентрировано в одном человеке. Она поняла без всяких объяснений, что этот человек был связан с Братством, но стоял намного выше и был чем-то намного большим, чем те, с кем она сталкивалась прежде и кто заведовал его делами. Он настолько же превосходил Лукаса в своем развитии, как Лукас превосходил ее, и она знала, что этого человека не только нужно было слушаться, но и что ему можно было доверять.

Спичка в руках старика потухла, пока он молча смотрел на пришедшего, и комната вновь погрузилась в темноту и тишину.

Голос незнакомца разрушил чары.

- Вы знаете, кто я?

- Да, вы... Вы... Третий.

Ответ Доктора Латимера был сбивчивым, как бывает всегда, когда человека захлестывают эмоции.

- Совершенно верно. Я Третий. Теперь, полагаю, вы разожжете камин. Есть вопросы, которые нам нужно обсудить.

Вероника слышала звук шагов незнакомца, идущего по паркету. Он двигался в темноте с такой точностью, как будто бы видел, куда идет, и звон металла сообщил ей о том, что он

взял со стола возле двери два медных подсвечника. К тому времени, как Доктор Латимер зажег спичку, он уже стоял перед ним, держа их.

Теперь Вероника могла его рассмотреть. Свободное шерстяное пальто, которое он носил, заставляло его казаться выше и массивнее, но когда он снял его, она увидела, что на нем был обычный цивилизованный брючный костюм. В отличие от многих изучавших оккультизм, члены этого Братства, действительно обладавшие знанием и силой, не стремились производить впечатления, а скорее старались скрыться под покровом условностей, чтобы спокойно заниматься своими делами. «Не ссорьтесь с Миссис Гранди, - однажды сказал ей Лукас. - С этой старой леди стоит подружиться, если хотите жить спокойно». Новоприбывший, очевидно, был того же мнения, ибо старался выглядеть и вести себя как обычный человек.

Он опустился на колени перед тлеющим камином и осторожно сгреб в кучу золу, как если бы прикасался к живым существам. Под его рукой мгновенно разгорелось пламя и Веронике показалось, что эта его способность была сродни способности двигаться в темноте: он мог носить обычную одежду, но обычным человеком он не был.

Он впервые посмотрел на нее, все еще неподвижно сидевшую в своем кресле, как и в момент его появления.

- Ну же дитя мое, - сказал он, взяв ее за руки, - Подвиньтесь ближе к огню и погрейтесь. Вы совсем замерзли.

Это мягкое прикосновение, в котором не было и тени мужской фамильярности, сказало Веронике о незнакомце даже больше, чем все остальное. Доктор Латимер был умен и добр, но не был силен; суровый мужчина был умен и силен, но не был добр; новоприбывший же обладал всеми этими качествами, и Вероника заключила, что он был куда более великим человеком, чем любой из них. «Заговорите об ангелах и вы услышите шорох их крыльев», гласит старая пословица, и стоило ей подумать о своем старом противнике, как на террасе послышались шаги и его дородная фигура показалась в дверном проеме.

Он был настолько же удивлен, увидев человека, называвшего себя Третьим, как и Доктор Латимер, и Вероника подозревала, что одновременно с тем он был не слишком рад этой встрече. Он был не из тех, кто охотно идет на уступки, а незнакомец определенно мог возглавить любую группу, в которой оказывался. С другой стороны, она чувствовала, что Доктор Латимер испытывал огромное облегчение от вмешательства незнакомца и был вполне готов доверить ему разобраться с этим делом.

- Если вы соблаговолите войти, Мистер Фордайс, - сказал он, - Мы сможем закрыть дверь.

Суровый человек пробормотал что-то, что выдавало возмущение столь разумной просьбой, но тем не менее сделал то, что ему было велено, и помог закрепить прогнившие створки, которые едва не рухнули в комнату.

Никто ни о чем не спрашивал и ничего не говорил, но тем не менее Вероника с ее развитой интуицией прекрасно осознавала, что каждый из трех мужчин повиновался неким молчаливым приказам, хотя исходили ли они от Третьего или же и ему тоже кто-то приказывал, она сказать не могла. Они уселись полукругом у разожженного теперь камина и воздух наполнился дымом сигары и двух трубок, но все еще никто не заговорил; она чувствовала, что эти люди «чувствовали» состояние дел, «чувствовали» друг друга и действовали и реагировали неувлимым для нее образом. Ей всегда казалось, что

окультисты были аскетичными людьми, которые не прикасались ни к мясу, ни к выпивке, ни к табаку, но Доктор Латимер съедал без разбора все, что ставила перед ним старая смотрительница, а Третий курил длинную черную сигару, которая могла свалить с ног любого среднестатистического человека. Они были психиками, но определенно не были сенситивами.

Наконец, Третий заговорил.

- Мы должны уладить это дело как можно быстрее, - сказал он. - Время играет огромную роль в данном случае.

- Мне казалось, все уже улажено, - сказал мужчина с суровым лицом с выражением, близким к насмешливому.

- Мне тоже так казалось, - сказал Доктор Латимер, с удивлением подняв глаза. - Лукас, как я знаю, принял свою судьбу и отправился в Судебный Зал Осириса.

- И его развернули обратно у ворот, - сказал Третий. - Ибо его время еще не пришло. Они рады ему не больше, чем убитому или... - он сделал многозначительную паузу. - Самоубийце.

- То есть вы хотите сказать, - ответил суровый мужчина, - Что преступник, понесший наказание в соответствии с законом, был невинно убиенным?

- Земные законы действуют на земле, - сказал Третий. - И когда жизнь забирает Расовый Дух, это смерть в соответствии с законом, и, следовательно, естественная смерть; было ли правильно и мудро забирать эту жизнь, другой вопрос, и в любом случае она не имеет отношения к нашему делу, ибо закон никто не призывал. Это была личная расправа, джентльмены, и нет смысла притворяться, что это не так, и за последствия своих необдуманных действий вам придется ответить, ибо вы стали причиной того, что душа покинула свое тело раньше естественного срока и, следовательно, стала «разгуливать» по миру также, как душа самоубийцы.

- Почему вы постоянно твердите про «самоубийство»? - спросил человек, которого он называл Фордайсом, пристально глядя на Третьего.

- Потому что я не знаю, какое еще слово использовать в отношении человека, который самовольно оставил тело, ведь составители словарей не предусмотрели ситуации, подобной той, о которой мы говорим сейчас. Нет, джентльмены, хоть вы и умны, но вам не удалось «поймать» нашего друга. Он ускользнул от вас.

Фордайс издал звук, напоминавший рычание. Очевидно, его раздражение из-за того, что его магия не сработала, было куда больше, чем облегчение от осознания, что его совесть не былаотягчена совершением преступления. Казалось, в его характере произошли значительные перемены в течение того недолгого времени, что Вероника знала его; зло, от которого Лукас освободил свою душу, теперь, казалось, вошло в него.

- Вопрос в том, что вы собираетесь делать с нашим другом? - продолжил Третий. - Он член вашей Ложи, джентльмены, и это ваша проблема.

- Причина, почему он не может встретиться с расплатой, в том, что он вампир, - сказал Фордайс. - Если вы вскроете его могилу, то, вероятно, найдете его тело столь же свежим, как и при погребении.

- В точку, - сказал Третий. - Нам всем это известно. Но вопрос в другом: что вы собираетесь делать с этим?

- Вам же известен традиционный способ избавления от вампиров, правда? - ответил его оппонент с нескрываемой презрительной усмешкой.

- Мне он был известен еще до вашего рождения, - ответил Третий, и тихая улыбка тронула его морщинистое лицо. - Но учитывая обстоятельства, при которых этот человек стал вампиром, сочтете ли вы справедливым применить его? Каков ваш вердикт?

Получив первенство, мужчина с суровым лицом вздрогнул и замолчал.

- Я всегда верил, - начал Доктор Латимер, - Что Джастин, при всех его недостатках, вошел в наше Братство не случайно, и я также думаю, что когда он добровольно пожертвовал собой, чтобы спасти другого, он уничтожил большую часть своего долга, если не сказать, что весь.

- А не нажил ли он новых долгов, решив стать вампиром? - спросил Фордайс.

- Возможно. Но не кажется ли вам, что и их он выплатил, решив добровольно отправиться на Вторую Смерть? Не забывайте, что у нас нет власти заставить капитулировать его призрачную форму и он сделал это сам, по собственной воле, дабы не навредить той, кого он любит. Вторая Смерть — кошмарная вещь для человека, находящегося в его положении, а знать о том, что ему будет отказано во Второй Смерти, он не мог.

- А даже если бы он и знал, - вмешался Третий, - Бродить бездомным в Промежуточном Состоянии намного хуже, чем гореть в Аду, ибо вы испытываете всю боль Чистилища без возможности очищения. Эта душа сейчас находится в астрале, куда, между нами говоря, вы ее и отправили. Итак, джентльмены, как я уже говорил, время решает все, поскольку, лишенный возможности существовать в созданном им теле, Лукас больше не сможет поддерживать жизнь своего физического тела, и у вас есть столько же времени, сколько обычно проходит между обычной смертью и погребением. Лукас уже вернулся в могилу, потому что пропели петухи, и вероятно завтра он тоже вернется в нее, но я сомневаюсь, что завтра он еще сможет ей пользоваться.

- Правильнее всего сжечь его на перекрестке четырех дорог, вбив в него кол предварительно, - сказал суровый мужчина все с тем же насмешливым выражением.

Собеседник резко посмотрел на него.

- Не несите ерунды, - сказал он. - Точно не в этом случае. Тело в любом случае распадется. Лукас отрекся от вампиризма. Мы должны решить, позволим ли мы событиям идти своим чередом и оставим Лукаса скитаться привязанным к земле духом до тех пор, пока не придет его время, или же попытаемся вернуть его обратно в физическое тело, которое сейчас лежит в могиле в состоянии глубокого транса.

Старик вздрогнул и выпрямился.

- То есть... То есть он не мертв? - спросил он.

- Ни в коем случае, - ответил Третий. - Он совершил очень продвинутую йогическую операцию, вроде той, что описывает Стивенсон в «Мастере Балантрэ». Если вы обследуете

его тело, то вы, вероятно, обнаружите, что даже повреждения, полученные в посмертии, уже затянулись. Он уже некоторое время находился вне тела, когда на него обрушился смертельный удар, и, очевидно, планировал пробыть в трансе до тех пор, пока не сможет организовать эксгумацию своего тела в надлежащих условиях, продолжая до тех пор вести существование вампира. Вы можете прочитать рассказ о подобном происшествии в «Дракуле», написанным человеком, который знает куда больше, чем Стивенсон. Лукас очень рисковал, ведь шанс на то, что его эксперимент удастся, был один из тысячи, но поскольку ему удавалось сохранять форму так долго, есть вероятность, что он мог бы преуспеть, если бы продолжил. Он смелый человек, и какие бы жестокие поступки он ни совершал, я многое могу простить ему за смелость.

Он замолчал и оглядел комнату, изучая, какой эффект оказали его слова на слушателей. Доктор Латимер смотрел на него с жадным недоумением. Не могло быть сомнений в том, чего он хотел, хоть он и не позволял себе надеяться, ибо разочарование было бы слишком огромным. Лукас очень много значит для него, ведь он был ему как сын в годы его одинокой старости, и он старательно передавал ему все свои накопленные оккультные знания, надеясь, что молодой человек выполнит ту Великую Работу, которую сам он выполнить не смог.

Суровый мужчина утратил состояние неподвижного спокойствия, присущего тренированным оккультистам, и запустил руку в усы, нервно их теребя. Было очевидно, что его мстительный нрав стремится взять верх. Он ненавидел, когда оспаривались его суждения и его возмущало молчаливое признание превосходства незнакомца, но он, казалось, считал сопротивление бесполезным и всячески стремился показать, что готов отступить, насколько это возможно. Он поднялся на ноги.

- Свое мнение я озвучил, - сказал он. - Но я не противлюсь вашему авторитету. Ответственность ляжет на вас. Все, о чем я прошу — это извинить меня за то, что я не хочу взять на себя ответственность за последствия.

- Такого освобождения я предоставить вам не в силах, - ответил Третий. - Однако с последствиями этого дела вы не столкнетесь еще очень долго. Мы никого не удерживаем против воли. Если вы хотите уйти, я вас отпускаю.

Суровый мужчина надел свою тяжелое кожаное мотоциклетное пальто, переводя взгляд с одного лица на другое. На Веронику он посмотрел почти что с жалостью; старого Доктора Латимера он одарил взглядом неприязни и презрения; со взглядом Третьего он встретиться не осмелился. Тем не менее, он обратился к нему.

- Все может получиться так, как вы ожидаете, - сказал он. - А может и нет. Возможно, Лукасу удалось вернуться от Темного Луча — а может и не удалось. Но в любом случае, - он повернулся к Доктору Латимеру. - Я желаю счастья тому, что оставило от него посмертие.

С этим последним заявлением он закрыл за собой дверь и они услышали его удаляющиеся шаги, отдающиеся эхом в пустом доме.

Глава 27.

- В этом, конечно, - сказал Третий, - Самая суть дела. Что осталось от него после смерти? Мы не сможем этого узнать, пока не вскроем могилу. Наша самая главная проблема заключается как раз в том, как ее вскрыть. Однако прежде, чем мы начнем, нам нужно поговорить еще с одним человеком. Итак, Мисс Мэйнеринг, что вы думаете об этом деле? Вы тоже не хотите в нем участвовать? Если так, то я могу посадить вас в машину и перевезти через реку, чтобы Лукас больше никогда не смог напасть на ваш след.

Вероника некоторое время смотрела на него, не способная что-либо ответить. Мысль о встрече с Лукасом заставляла ее сердце биться чаще и вызывала румянец на щеках, но страх перед тем, что могла принести такая встреча, сжимал ее сердце, словно ледяная рука. Черные ястребиные глаза незнакомца смотрели на нее с сочувствием, но он даже не пытался помочь ей. Ответ должен был сам прийти из глубин ее естества и ничто не должно было этому мешать.

Но для Вероники все было предрешено. Она зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад, и карма миллионов лет стояла перед ней.

- Я останусь с... Джастинном, - сказала она, впервые используя христианское имя своего зловещего возлюбленного. - Ибо мне кажется, что я понадоблюсь ему, когда он вернется.

- Мне тоже так кажется, - ответил Третий. - В сущности, бессмысленно возвращать его обратно, если вы уйдете, но выбор должен быть свободным. Жалость и долг не заменят любви. - Он посмотрел на часы на запястье. - Только что дошло три; солнце встает в половине восьмого; следовательно, у нас есть около трех часов до второго петушиного крика, чтобы расправиться с этим делом.

- Но как мы вскроем могилу? - спросил Доктор Латимер. — У нас нет времени, чтобы получить разрешения Министерства Внутренних Дел, а раскопать его тайком невозможно.

- Можно вскрыть могилу не только с помощью лопаты, - сказал таинственный незнакомец с ястребиными глазами. - Ваши мантии с собой?

- Конечно, - сказал старик и, взяв один из подсвечников для спальни, удалился в холодную темноту зловещего, скрипучего дома.

Одинокая оставшаяся свеча делала темноту почти осязаемой в огромной комнате с мрачной мебелью. Человек, называвший себя Третьим, некоторое время сидел молча, уставившись в угасающее пламя, и тусклое красноватое сияние углей бросало странные тени на его грубые черты, делая его похожим на гротескного идола, вырезанного какой-то забытой расой. Он, казалось, пребывал в глубокой задумчивости, не вспоминая о своем компаньоне, и Вероника могла изучать его, гадая, какое же обучение сделало его тем, кем он был. Внезапно он поднял голову и, пройдя по каминному коврику, уселся в кресло, стоявшее рядом с ней, и взял ее за руки.

- Дитя мое, - сказал он. - Вы осознаете, что вам предстоит сделать? У вас есть хоть какое-то представление об этом?

Вероника одарила его спокойной улыбкой Моны Лизы.

- Я понимаю больше, чем вы думаете, - ответила она. - Все это было известно мне в прошлом.

- И вы все вспомнили? Да, я вижу, что вспомнили. Хорошо, очень хорошо. Я уверен, мы справимся с этим с вашей помощью. Пробудить Лукаса из транса довольно просто, но как заставить его жить после этого? Вам придется выйти за него замуж, дитя мое, вы понимаете это? А брак оккультиста — это намного больше, чем обычный брак. Вам придется заключить союз не только на земле, но и в Незримом, и в Незримом вам придется быть мужской, контролирующей силой. Ваша духовная природа должна заключить брак с его интеллектом,

и это вы должны оплодотворить его, а не быть самой оплодотворенной им. Вы это понимаете? Вы не сможете опереться на него на Внутренних Планах и вы с вашей абсолютной духовностью должны будете стать лидером. Его разум не должен снова взять верх, доминировать должна ваша духовная природа. Вы еще такой ребенок, сможете ли вы сделать это? Сможете ли вы сдержать человека с таким характером и идеалами?

Вероника отвела взгляд и уставилась во тьму. Могла ли она сделать то, что от нее требовалось? Или же она в своем невежестве взяла на себя задачи, на выполнение которых у нее не хватило бы сил? Никто не знал о ее слабости больше, чем сама Вероника; знала она также и о своей простоте и неопытности, делавшей ее прекрасной добычей для любого рода интриг, и о своей робости, которая мешала ей выполнять даже то, в чем она разбиралась, и о недостатке уверенности в себе, что делало ее беспомощной и молчаливой.

И все же она ощущала странную силу внутри себя. Мелкие, яркие, четкие картинки, словно бы видимые через другой конец театральных очков, менялись и пересобирались перед ее глазами, словно в вечно движущемся калейдоскопе. Портик храма с огромными белоснежными колоннами, сияющими на солнце; сгорбившаяся, молчаливая паства внутри, плывущий запах фимиама и движение огней; мерцающие красным светом, смутные формы элементарных духов, возникающих в дыму.

Мужчина держал ее железной хваткой, а взгляд его, казалось, прожигал ее мозг.

- О, Жрица! - воскликнул он. - Неужели ты не помнишь?

Она посмотрела на него так, словно бы смотрела сквозь огромный слой воды, но когда изображение прояснилось, она увидела складки полосатого египетского головного убора на его голове; позади него возвышалась тень огромного пилон. Руки его сжали ее ладони, когда его воля воздействовала на нее, и она ощутила на коже их обжигающий жар.

- О, Жрица Изида, неужели ты забыла?

Его голос гремел и раскатывался по комнате, словно удары барабана. Темный пилон позади него, сделанный из розово-красного песчаника, стал виден яснее, а затем сменился другим, хоть и похожим на него, более грубым и молочно-белым. Далеко внизу, как если бы она смотрела с обрыва, возвышались крыши домов, покрытые каким-то желтым металлом, который не был золотом, и слабо поблескивали в густом, туманном воздухе, и солнце висело в небесах, словно медный диск.

- Helios, Helios, Quanto Rhopantank! - прошептал голос ей на ухо и вся затерянная Атлантида проснулась, услышав песнь Солнечного Бога. Она видела огромные процессии облаченных в белоснежные одеяния жрецов и помнила, как принимала в них участие; она видела дым, поднимающийся из Священного Вулкана, и знала, в чем заключалась ее задача, и слышала свой голос, произносящий одновременно с ним:

- Quanto Rhopantank, Helioun!

Она встала и вскинула руки в жесте Приветствия Солнцу. Древняя инвокация Великого Инициатора сорвалась с ее губ.

- Пронеси мою душу вниз по реке Нарадек, вынеси ее к Свету, и к Жизни, и к Любви.

Мужчина, называвший себя Третьим, поднялся со стула и сделал ответный приветственный

жест. Не смотря на изменившееся видение, его лицо оставалось прежним, и не менялось ни под Египетским немисом, ни под кружевом Атлантиды. Он смотрел ей глубоко в глаза.

- Ты помнишь меня? - спросил он.

- Да, - ответила она.

- Каким именем ты называла меня в последний раз?

- Вы были известны нам как Граф.

Он кивнул и принял более расслабленную позу, когда ослабил волевое усилие, оказываемое на нее.

В этот момент дверь открылась и вошел Доктор Латимер, неся в руках маленькую черную сумку. Он положил ее на стол рядом с другой сумкой похожей формы и размера, которая, очевидно, принадлежала новоприбывшему; затем, без каких-либо указаний, он помог мужчине, который называл себя Третьим, а также Графом, сдвинуть мебель в углы комнаты и расчистить пространство на полу в центре. Затем он опустился на колени и стал держать один конец нити, пока его компаньон рисовал круг куском похожей на шпатлевку субстанции, привязанной к другому концу, оставляя светящуюся метку на полу, словно бы смесь содержала фосфор.

- Какие сцилы потребуются? - спросил он, вытащив другой кусок такой же субстанции из сумки.

- Начертите Сцилы и Печати Принцев Сил Воздуха, - последовал ответ. - Я собираюсь призвать Духов Бури. Что мы не можем выкопать, мы можем вымыть, ибо могила находится почти на берегу реки.

Вероника вспомнила о той самой простыне, о которой рассказывал ей Лукас, вещи, которая впервые заставила его подумать о занятиях оккультизмом. Старик оставил своего компаньона чертить иероглифы и положил маленький кусочек черной субстанции на сияющие в камине угли; когда он начал тлеть, он взял ее щипцами и переложил в медное античное кадило, посыпав чем-то, очень напоминающим песок. Внезапно возникшее облако густого дыма наполнило комнату ароматом благовония и принялось закручиваться в причудливые фигуры под действием сквозняка. Он передал кадило Веронике.

- Вы должны следить за ним, - сказал он. - Ни в коем случае не давайте ему погаснуть. Все время слегка покачивайте им.

Они повернулись, увидев, что другой мужчина переставил небольшой стол в центр круга и накрыл его черной тканью, соорудив некое подобие алтаря. В маленькой чаше из красного стекла на кончике плавающего в священном масле фитиля горело небольшое пламя; в его красноватом сиянии виднелись странные металлические предметы необычной формы, расположенные вокруг.

Вероника на момент отвлеклась на кадило, из которого перестал идти дым, и помня о наказе Доктора Латимера, стала покачивать им до тех пор, пока сияющие угли не заставили благовоние начать тлеть снова. Когда она подняла глаза, то увидела произошедшие в комнате перемены. Если личность Доктора Латимера полностью скрылась под его ниспадающим черным одеянием с капюшоном, словно у Инквизитора, то Индивидуальность Третьего

благодаря его одеянию стала еще больше видима, ибо капюшон его был откинут, обрамляя лицо, а на голове возвышался Египетский царский головной убор.

Он подошел к Веронике, держа в руках такое же одеяние, как и то, в которое был облачен Доктор Латимер.

- Вам следует надеть это, - сказал он. - Ибо вам потребуется защита во время того, что мы будем делать.

Облачившись в ниспадающее черное одеяние внушительного размера, Вероника почувствовала себя странно отрезанной от мира. Очевидно, оно использовалось в ритуалах и раньше, ибо его складки источали запах благовония.

- Итак, - произнес Третий. - Мы готовы? У нас есть все необходимое? Как вы понимаете, мы не сможем выйти из круга, когда начнем.

Он подошел к Веронике.

- Вот ваше место, - сказал он. - Всякий раз, когда вы заканчиваете обход, возвращайтесь сюда, чтобы убедиться, что кадило не погасло. В этой коробке есть еще немного благовония. Угля должно хватить надолго. Всегда двигайтесь по часовой стрелке. Следите, чтобы вы не ходили в противоположном направлении. Не пытайтесь выйти из круга; что бы ни происходило, не заходите за эту линию. Дайте кадилу разгореться, а затем обойдите три раза по часовой стрелке.

Он вернулся к алтарю, встав прямо перед ним спиной к Востоку. Свет плавающего фитиля делал еще более резкими грубые черты его лица; его глубоко посаженные ястребиные глаза под тяжелыми бровями сияли неестественным огнем. Длинные черные складки одеяния добавляли ему роста и заставляли выглядеть настоящим гигантом, а египетский золотой головной убор с поднимавшейся словно бы для нападения змеей надо лбом казался идеально подходящей короной для его лица, которое в своем спокойствии не выглядело ни молодым, ни старым, но скорее бессмертным, и все расы земли, казалось, готовы были преклониться перед его нестареющей мудростью и силой.

Он вытянул руки над головой, и огромная тень на потолке сделала то же самое. В правой руке он держал меч и его возвышающаяся среди теней фигура с сияющим лезвием казалась просто гигантской. Он исполнил Каббалистический ритуал Очищающего Креста и на комнату обрушилось странное спокойствие.

Получив от него знак, Вероника приступила к своей задаче и начала обход. Капюшон мешал ей, она с трудом смотрела сквозь прорези для глаз, облака благовония возникали перед ее лицом и с каждым шагом ей становилось все труднее держать равновесие. Пройти по кругу оказалось непростой задачей, ибо она, казалось, прокладывала себе путь сквозь невидимые потоки. Однако во второй раз обход был уже легче, а на третьем круге сила, казалось, сама толкала ее вперед, и когда она вернулась на предназначенное ей место, то увидела, что теперь там, где она ходила, сиял огненный круг. Он появлялся и исчезал, когда она смотрела на него, и она не могла понять, что это было такое. Сперва она решила, что это была оптическая иллюзия, но затем поняла, что то, что она видела, не принадлежало этому миру, и появлялось и исчезало по мере того, как ее сознание переключалось с одного плана на другой.

Третий коснулся мечом одного из символов на алтаре и начал читать эвокацию. Вибрирующие Имена из твердых согласных звоном разносились в темноте, когда одному

демону за другим напоминали об их клятвах и заставляли восстать из бездны ради помощи магу. Они заклипались Тайными Именами Бога и именами великих Архангелов Стихий; и по мере того, как звенели в пространстве произносимые имена, атмосфера в комнате ощутимо менялась.

Он поименно перечислил всех Демонов Бури, Принцев Сил Воздуха, Вице-Регентов Элементов.

- О, демоны бездны, вспомните о своей клятве на Символе. О, темные и могущественные, узрите, кто призывает вас.

Ночь снаружи была спокойной, темной и холодной. Ни одного звука не было слышно внутри, кроме слабого потрескивания дров в камине и нескончаемого скрипа бревен старого оседающего дома. Мужчины стояли, словно статуи, и Вероника, к которой вернулись старые воспоминания, излучала такое же спокойствие, ибо она уже участвовала в магических ритуалах прежде и была обучена сохранять неподвижность.

Эвокация закончилась и в комнате повисла мертвая тишина. Казалось, сила рекой света изливалась с меча на символ, а тело мага служило генератором, вибрируя с невидимой скоростью. Слабый ветерок в верхушках деревьев, наконец, нарушил спокойствие; затем ветер усилился и они услышали, как мертвые листья пронесли по замерзшей земле. Ночь была неподходящей для шторма, но Вероника помнила о внезапном порыве ветра, предвещавшем шторм.

Последовал новый порыв стонущего ветра и в зарослях послышалось щелканье замерзших ветвей. И затем, внезапно, трескучий залп грома раздался над их головами, и дождь обрушился на землю стремительным потоком.

Вероника никогда раньше не видела такого дождя; в нем было неистовство тропического ливня и он, падая на скованную морозом землю, начинал стекать ручьями по всем склонам. Отовсюду они слышали звуки бегущей воды и прошло не так много времени, прежде чем река начала звучать по-другому.

С раскатом грома силы, сконцентрированные в комнате, казалось, высвободились. Энергия, сгенерированная инвокациями, как будто бы перенеслась с алтаря в облака, а оттуда обрушилась на землю с молниями и громом. Мужчины расслабились и подошли к единственному уцелевшему окну, наблюдая за непогодой.

В мерцающем свете молний они могли видеть реку сквозь просветы среди деревьев. Она разлилась на ветру, словно небольшое море, и поднялась, залив дорогу. Внезапно они услышали дикий рев, похожий на звуки поезда, едущего по виадуку. Он неуклонно приближался, как если бы какая-то тяжелая машина мчалась вдоль берега реки, а затем они увидели стену темной воды, окаймленной пеной, несущейся по реке со скоростью экспресса.

- Святые небеса, это еще что? - одновременно воскликнули мужчины. Очевидно, такой манифестации они не ожидали.

На волнах лавины за линией пены качались огромные бревна, похожие на копья грозной армии; следом за ними пронесся стог сена, а за ним — фермерская телега, переворачиваясь снова и снова.

- Где-то выше по течению могло прорвать плотину, - сказал Доктор Латимер, и большие

шлюзовые ворота, пронесшиеся по реке, как плот, подтвердили его догадки. Лукас, ужасающий в смерти, был еще более кошмарным в воскресении.

- Быстрее, - закричал Третий, - Нельзя терять ни минуты! Одним небесам известно, что сделало наводнение с кладбищем, - и выбежал наружу в яростную, бушующую темноту.

Вероника, вцепившаяся в кадило, как если бы от него зависела ее жизнь, последовала за ним, и старик, все еще не снявший с головы капюшон, тоже отправился за ними.

Они прокладывали путь сквозь истерзанные деревья, ориентируясь по приземистой церковной башне, которая возникала из темноты при каждой вспышке молнии. Деревья кричали, рычали, трещали и содрогались; ветви падали вниз, как копья, и вода доходила до щиколотки, ибо замерзшая земля не могла впитать ее. Именно замерзшая земля, несомненно, стала причиной катастрофы, ибо вся вода, обрушившаяся на долину, стекала в реку с каждого склона. Обычно огромное количество грозового дождя впитывается пересохшей землей, прежде чем река успевает разлиться, но замерзшая земля не могла ничего впитать и дождь стекал с нее, словно с крыши; английские стоки не рассчитаны на подобные происшествия, и река, переполненная зимними водами, вышла из берегов буквально за пять минут.

Кое-как прошли они по камням разрушенной кладбищенской стены, оказавшись под укрытием церкви. Земля на кладбище медленно поднималась, а дорога, шедшая вдоль берега реки, обрушилась вниз. Разлившаяся река в своем безумном беге уже подошла к подпорной стене, поддерживающей берег, и когда они дошли до места, где был похоронен Лукас, в воздух поднялся огромный фонтан пены, когда ее длинная секция, фундамент которой был размыт, рухнула в реку.

- Вот здесь, это здесь! - закричала Вероника, спотыкаясь о низкий грубый земляной холм у самой кромки воды.

- Осторожнее! Отойдите! - закричал Доктор Латимер, схватив ее за руку. - Берег может обрушиться в любую секунду.

- Он уже рушится, - сказал Третий, и стоило ему это произнести, как кусок берега осыпался и Вероника мельком заметила некий темный предмет, показавшийся из желтой глины, когда Луна ненадолго выглянула из-за несущихся по небу туч. Он медленно наклонялся по мере того, как из-под него вымывалась земля, и рыхлые комья сверху, размытые ливнем, обнажили темный силуэт гроба, медленно соскальзывавшего в реку.

Одним прыжком Третий оказался в размытой могиле и схватился за металлические ручки в изголовье гроба, слабо поблескивавшие в лунном свете. Берег стремительно осыпался, но он уверенно стоял на ногах, и Вероника слышала звук разламываемого дерева, когда он попытался открыть крышку гроба каким-то металлическим предметом. Дерево было дешевым и хрупким, оно легко поддалось и когда его достигла вода, он выкарабкался из могилы, неся в своих сильных руках длинный белый предмет, и в проблеске света Вероника увидела черты Лукаса, закутанного в белый перепачканный саван, безмятежно спящего смертным сном, но не отмеченного разложением.

Глава 28.

Они возвращались обратно в кромешной темноте. Мерцающие молнии иногда освещали кладбище с рядами надгробий и черных извивающихся тисов, в которых из-за шторма зияли дыры. Земля к настоящему моменту успела размокнуть, так что мужчины поскальзывались и едва не падали со своей ношей, оставив Веронику самостоятельно пробираться за ними

вместе с кадилом, которое все еще оставалось у нее в руках и по какой-то неизвестной причине оставалось зажженным. Девушка надеялась и молилась, чтобы никто не выглянул из верхних окон хибар и не увидел их в прерывистом лунном свете. Она даже не могла представить себе, что они подумают об этой дьявольской процессии, облаченной в черные мантии, но была уверена, что это непременно свяжут с усадьбой и что даже эта заброшенная деревня уже дошла до той точки, когда готова будет учинить самосуд.

Они все еще были достаточно далеко от лесного укрытия, когда ее страхи сбылись. Она услышала, как в темноте недалеко от них открылось окно. Затем раздался звук открывшейся и закрывшейся двери. Насколько она могла судить, звук доносился с подветренной стороны, иначе вряд ли он был бы слышен, и догадалась, что он шел из дома Доктора Батлера, чей сад граничил с кладбищем.

- Быстрее, поторопитесь! - прокричала она своим спутника. - Кто-то идет!

Они добрались до лесного укрытия, ориентируясь по ряду истерзанных тисов, и как только прошли сквозь дыру в кладбищенской стене, Вероника, с ужасом оглянувшись, увидела свет электрического фонарика на углу церкви. Ее компаньоны поспешили дальше, но Вероника остановилась; она чувствовала, что должна была узнать, кто пришел сюда и что успел увидеть. В просвете туч показалась Луна и она отчетливо увидела грузную фигуру в белом макинтоше, который часто носил Доктор Батлер. Что за странный рок, что за странная невидимая связь заставляла этого человека неизменно появляться там, где происходило что-нибудь, связанное с Лукасом?

Она увидела, что он внезапно остановился, словно бы что-то услышал. Он огляделся вокруг, как будто бы пытаясь определить направление звука. Она гадала, что бы это могло быть. Затем он направился прямо к месту, где она скрывалась. Дуновением ветра из ее лесного укрытия до него донесся запах благовония из кадила, которое она все еще держала в руках. Она прижалась к земле среди кустов, словно загнанный зверь, окаменевшая, не способная пошевелиться. Мужчина подходил все ближе, пока не оказался в каких-то тридцати футах от кромки леса, где в нерешительности остановился. Предательский аромат выветрился. Он не был примитивным дикарем, а его нос не мог предоставить ему никакой достоверной информации. Она видела, как он постоял там в растерянности, а затем, полагая, что он был один в темноте, вскинул руки над головой и разразился бессвязной смесью молитв и проклятий, в которой ее собственное имя перемежалось с именами Лукаса и Алека. Потом он развернулся и побрел прочь по могильным холмам в направлении дома, унося с собой свое горе и свои подозрения, чтобы поразмыслить обо всем в тишине.

Вероника вышла из своего укрытия и пошла по почти уничтоженной тропе через лес, и внезапно осознала, что она была одна в темноте, а вокруг бушевал шторм со всеми его невидимыми гостями из бездны. Шторм не был простым циклоном, это были не обычные ветер и дождь, он был необъяснимо зловещим и руки, казалось, тянулись к ней из мрака и тьма была осязаемой, словно наброшенная на ночную мглу вуаль из мягкой черной ткани. Но стоило ей осознать присутствие тонких неосознаваемых энергий всюду в ночной тьме, как все начало меняться. Среди воя и буйства шторма стала различима некая нестройная мелодия, с каждой секундой становившаяся все громче. Постепенно ее голос становился все звонче и мелодия становилась все стройнее; затем мелодичное пение стихло само собой и наступила тишина. Шторм закончился также внезапно, как и начался.

Повсюду Вероника слышала звуки падающих капель; всюду сновал маленький легкий ветерок и шепот бесчисленных ручьев наполнял темноту. От внезапной тишины после грохота шторма звенело в ушах, а без мерцания молний глаза могли быстрее привыкнуть к

темноте и слабому свету заходящей Луны. Вероника ускорила шаг, пробираясь по размокшей тропе и проваливаясь по колено в свежееобразованные лужи, затем пробралась сквозь мокрые заросли и поднялась по ступеням как раз в тот момент, когда Доктор Латимер вышел на террасу с намерением отправиться на ее поиски.

Очевидно, в бильярдной комнате старого дома уже был проведен ритуал изгнания, ибо с алтаря были убраны все символы, а лампа погашена.

Тело Лукаса лежало на длинной софе возле камина. Могильная одежда была заменена одним из черных одеяний, которые носили члены Братства, куски земли убраны, а черные волосы, отросшие и всклокоченные, были грубо острижены и приглажены. Ничто в его облике не шокировало ее, за исключением глубоко впавших глаз, что придавало необычайно мертвенный вид его лицу. В остальном же можно было решить, что он просто спит.

Третий, все еще не снявший промокших одежд, стоял около окна, очевидно, ожидая ее прибытия.

- Входите скорее, - сказал он, - И переоденьтесь в сухое. У нас не очень много времени на оживление, нам нужно успеть до петушиного крика. Теперь поторапливайтесь.

Веронике не нужно было повторять дважды. Она бросилась в свою комнату, быстро передела мокрую одежду и вернулась в бильярдную раньше, чем непослушные пальцы Доктора Латимера закончили приводить его в порядок. Третий все еще стоял рядом с неподвижной фигурой Лукаса и когда она робко подошла к кушетке, схватил ее и подвел к телу мертвого человека, за которого, как он ей сказал, она должна была выйти замуж. Все мысли о его смерти и погребении стерлись из ее памяти. Она думала о нем как о человеке, который находился без сознания и вскоре должен был прийти в себя, и чей странный и зловещий характер ей снова придется терпеть. Она помнила, каким он был с ней и что он с ней делал, и если бы не хватка этого странного мастера, адепта, святого или колдуна, кем бы он ни был, она бы, подобно Ахаву, отвернулась к стене и испустила дух. Но она безоговорочно доверяла ему и знала, что именно он сможет справиться с Лукасом, хотя ему придется использовать ее в качестве инструмента для своих целей, и знала, что его она не подведет. Что было сильнее, ее любовь к Лукасу или ее страх перед ним, она не могла бы ответить даже самой себе, но таинственный адепт полностью подчинял ее себе, и не потому, что просто управлял ей, но потому, что вдохновлял ее.

Старик вернулся к ним и Третий приказал ему сесть в дальнем конце комнаты у камина, в то время как Вероника должна была стоять в ногах лицом к Лукасу, чтобы быть первой, кого он увидит, когда откроет глаза. Затем, склонившись над мертвым телом, он стал проделывать некие пассы, словно гипнотизер, желающий вернуть субъект в сознание.

Ему не пришлось долго ждать. После третьего или четвертого поглаживающего движения по телу Лукаса пробежала дрожь и он попытался пошевелиться, но снова затих. Жизнь еще не вернулась в ткани, это была просто гальваническая реакция, последовавшая в ответ на движения руки гипнотизера. Третий положил ладонь на живот мертвеца и медленно поводил ей вверх и вниз; через пару мгновений живот последовал за движениями и восстановилось дыхание. Вскоре стало очевидно, что и сердце также начало биться, ибо лицо мужчины потеряло свой восковой вид и приобрело более нормальный оттенок, хотя все еще было бледным, словно кожа человека, долго пробывшего в темноте.

Третий повернулся к Веронике.

- Поговорите с ним, - сказал он. - Позовите его по имени. Заставьте его вернуться.

Вероника склонилась над кушеткой.

- Мистер Лукас! - позвала она нерешительно.

Тяжелая рука Третьего легла на ее плечо.

- Так не пойдет, - сказал он. - Вы должны позвать его с любовью. Иначе он не вернется.

Вероника пыталась перебороть свои чувства. Она боялась этого лица, боялась мертвого человека, и испытывала отвращение к мертвому телу. Она не могла любить *это*, это было бессмысленно. Затем ей вспомнились слова старика: «Он умер вместо вас. Он добровольно пошел на смерть, чтобы спасти вас». Если бы не его любовь к ней, Лукас сейчас не был бы мертв. Она обязана была любить в нем сражающуюся человеческую душу, даже если не любила его как мужчину. Воля Третьего вынуждала ее сделать это; ее низшее Я было напугано, но ее высшее Я было полно любви, и она, познав высшее, должна была ему следовать.

Она еще сильнее склонилась над кушеткой.

- Джастин! - позвала она мягко. - Джастин!

Дрожь пробежала по лицу лежавшего мужчины. Он слабо пошевелился, как если бы конечности его онемели и были сведены судорогой, и медленно сел; но лицо его оставалось спокойным, словно лицо спящего человека, а глаза были закрыты.

- Вы можете дотронуться до него? - прошептал Веронике Третий.

Она подошла к краю софы и взяла Лукаса за руки. Они были холодными, словно змеи, и стоило ей их взять, как его длинные змеиноподобные пальцы сжали ее руки и она заметила, что ногти его были длинными, как у китайца. Мужчина, которого называли Третьим, встал рядом с Лукасом и разместил ладони по бокам его головы.

- Лукас! Джастин Лукас! - произнес он глубоким вибрирующим тоном, звучание которого было похоже на звучание нижних нот виолончели.

Губы на застывшем, словно маска, лице медленно раскрылись и раздалось хриплое бормотание.

- Вы знаете, кто я? - спросил человек, возвышавшийся над ним.

Он ответил слабым кивком.

Третий отпустил голову Лукаса, выпрямился и, оперевшись локтем о каминную полку, встал, дожидаясь, когда он полностью придет в сознание. Ничего не выражающее лицо, словно вырезанное изображение на могильном камне, постепенно утрачивало свою ужасающую бледность по мере того, как кровь начинала быстрее циркулировать по венам. Смертельная холодность уходила из рук, которые держала Вероника, и было очевидно, что Лукас постепенно возвращается к жизни. Он, казалось, внезапно узнал руки, которые держали его, и стал трогать их, как если бы желая ощутить их фактуру.

- Вероника, это вы? - спросил он.

Вероника онемела, но руки ее задрожали и он подался вперед, медленно поднеся к губам сначала одну из них, а затем другую, и медленно откинулся обратно на подушки.

Долгое время было тихо, Вероника стояла, согнувшись над кушеткой, а Лукас лежал неподвижно, словно мертвец, но теперь все было иначе; в нем определенно что-то изменилось и было очевидно, что он не спал и не был мертв, но лежал, отдыхая; только его лицо, с закрытыми и запавшими глазами, все еще казалось мертвым.

Наконец, он заговорил снова.

- Куда делся... Человек, который был здесь... Когда я очнулся?

- Он все еще здесь, - ответила Вероника.

- Где?

- Здесь, возле камина, - ответила Вероника.

Лукас медленно повернул голову.

- Я ничего не вижу в такой темноте, - сказал он. - Не могли бы вы зажечь свет?

Вероника, придя в замешательство, не нашлась, что ответить. Мягкий теплый свет от лампы падал на его лицо и комната была ярко освещена. Третий пересек коврик у камина и снова взял голову Лукаса, мягко повернув его лицо к свету и осторожно приподняв сначала одно, а затем другое веко, обнажив пустые глазницы. Они с Доктором Латимером переглянулись.

- Вырезали после смерти, - сказал Третий.

Лукас опустил ноги на пол и сел на краю кушетки.

- Зачем мы сидим в темноте? - спросил он. - Может кто-нибудь зажечь свет?

Третий положил руку ему на плечо.

- Для вас не будет света, сын мой, - сказал он.

- Что вы имеете в виду? - быстро и напряженно спросил Лукас.

Ответа не последовало. Он поднес руки к лицу и ощупал пустые глазницы.

- В комнате светло? - спросил он, наконец.

- Очень светло, - ответил Третий.

Лукас, закрыв лицо руками, некоторое время сидел молча. Наконец, он сказал:

- Мне не на что жаловаться, - произнес он. - Это справедливо.

- Прекрасно, сын мой! - воскликнул Третий. - Это слова настоящего мужчины! Вскоре вы

увидите Внутренний Свет.

Весь страх Вероники перед Лукасом улетучился, когда она узнала о его слепоте, и она опустилась перед ним на колени, тревожно глядя ему в лицо.

Он медленно повернул голову, скорее по привычке, как будто бы осматриваясь

- Вероника, вы здесь? - спросил он.

- Да, - раздался ее шепот рядом с ним. - Я здесь.

Он потянулся к ней, а она потянулась к нему в ответ, но он промахнулся и коснулся ее головы. Его рука задержалась там на мгновение, а затем опустилась ниже, обняв ее за плечи. Он открыл рот, как если бы хотел что-то сказать, но затем остановился, раздумывая. Осознание своей слепоты постепенно приходило к нему и он понимал, что больше не может придерживаться заранее продуманной схемы. Да, он избежал смерти и вернулся к жизни, но то, к чему он вернулся, было прижизненной смертью.

На далеких фермах запели петухи.

- Мой комендантский час, - сказал Лукас с улыбкой и снова замолчал.

Третий убрал локоть с каминной полки и, придвинув ближе одно из больших кресел, опустился в него.

- Сын мой, - сказал он, - Прошлое осталось в прошлом. Давай поговорим о будущем. У тебя есть какие-нибудь планы?

- Никаких, - сказал Лукас. - Делайте со мной, что хотите.

- А у меня много планов, сын мой, и раз ты доверился мне, я ловлю тебя на слове. Ты должен вернуться к своей работе.

Лукас не ответил.

Третий продолжил:

- Как ты знаешь, меня очень долго не было в Европе. Боюсь, слишком долго. Братство продолжало кое-как тлеть на зажженных прежде углях, пока ты, сын мой, не попытался вновь разжечь в нем огонь.

Лукас улыбнулся.

- Местами оно проявляло признаки жизни, - сказал он.

- Да, сын мой, - ответил Третий, - Ты был прав, ему нужен был свежий импульс, но ты не способен был дать ему импульс в одиночку. Для этого нужны трое, которые образуют священный треугольник. Позитивная сила, негативная сила и посредник между ними. Ты, сын мой, представляешь позитивную силу.

- Я представлял позитивную силу, - сказал Лукас, - Но я бы не сказал, что также обстоят дела и сейчас.

- Тут ты ошибаешься, - сказал Третий. - Став негативным на физическом плане, ты стал позитивным на Внутренних Планах, там, где мы и должны работать; и Вероника, которой твоя беспомощность на физическом плане поможет стать позитивной, снова сможет дополнять тебя в работе на Планах Внутренних.

- Какое отношение это имеет к Веронике? - спросил Лукас. - Она не член нашего Братства, они не иницируют женщин.

- Как раз отсюда и все проблемы, - ответил Третий. - В Братстве должны быть женщины; величайшей ошибкой было не принимать их. Так поступали только в средневековье. В ложе должно быть две силы. Сила и красота, справедливость и милосердие. Ибо хотя несбалансированное милосердие становится ничем иным, как слабостью, несбалансированная справедливость ведет к жестокости и тирании. Я предлагаю посвятить Веронику; и тогда вы, она и я, незаметно, за спиной Братства, сможем привнести в него те сбалансированные энергии, которые его обновят. Вы согласны, Вероника?

- Я сделаю все, что будет правильным, - ответила Вероника.

- Тогда, - ответил Третий. — Вам с Вероникой нужно будет пожениться.

Лукас вскинул голову, словно испуганная лошадь, но затем взял себя в руки.

- Что на это ответит Вероника? - тихо спросил он.

- Она согласилась еще до того, как мы начали операцию.

Лукас обнял ее.

- Это правда, Вероника? - прошептал он.

Вместо ответа она прижалась к нему и он, забыв о посторонних, прислонился лицом к ее волосам.

Через некоторое время он поднял его.

- Есть еще один человек, с которым я хотел бы увидеться, - сказал он. - Человек, который был очень добр ко мне в старые дни. Доктор Латимер.

- Я здесь, Джастин, - ответил старик.

Лукас вытянул руку и дрожащие пальцы старика коснулись ее, и долгое время он сидел молча, одной рукой обнимая Веронику, а другой сжимая руку старика.

Когда он, наконец, поднял голову, на его лице было совсем другое выражение.

- Мы занимаемся очень важным делом, - сказал он.

- Да, сын мой, - ответил Третий. - Это так. Намного более важным, чем тебе кажется сейчас.

- Я знаю, - сказал Лукас и вновь погрузился в раздумья. Затем он спросил: - Но чем я заслужил такой шанс?

- Ты осознал свою ошибку и без пререканий заплатил за нее, - ответил человек, известный им как Третий. - Ты сумел развернуться и пройти по горящим углям, не дрогнув. Ты прошел свои испытания, сын мой, и вернулся на Путь, и врата стоят открытыми для тебя. Войди же в них.

(
с
)

п
е
р
е
в
о
д

с

а
н
г
л
и
й
с
к
о
г
о

—

М
а
й
я

Э
б
е
р